Р.М.БИРЮКОВИЧ

МОРФОЛОГИЯ ЧУЛЫМСКО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА

Часть II

[illegible]
Респ. Республики
КИТЬЯКЛАСС

Издательство Саратовского университета
1981

Ш 163-4
4С
Б64

Монография посвящена малоизученному языку чулымских тюрок, одному из языков народов СССР. Книга вводит в оборот лингвистических исследований новые факты редкого языка. Сохранивший в своем строе реликтовые явления, язык чулымских тюрок представляет несомненный интерес для тюркского, сравнительно-исторического языкознания, а также для типологических исследований разносистемных языков. Книга может оказаться полезной также и для тех, кто занимается вопросами ареальных исследований.

Рецензент: Кафедра тюркской филологии Ленинградского ордена Трудового Красного Знамени государственного университета им. А.А.ЖДАНОВА

Ответственный редактор: Доктор филологических наук Н.З.ГАДЖИЕВА

718-23
I76(02)8I 4602000000

© Издательство Саратовского университета, 1981

Моему учителю
Андрею Петровичу Дульзону
посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Чулымско-тюркский язык относится к числу малоизученных тюркских языков, в строе которого сохранился целый ряд архаичных черт. Он известен только на территории бассейна р.Чулым, правого притока р.Оби, протянувшейся на 1500 км. Изучение населения указанной территории началось в конце XIX - начале XX веков. Однако глубокое историческое, археологическое, этнографическое изучение населения данной территории началось недавно.

А.П.Дульзон, фактически первый обратившийся к систематическому изучению чулымско-тюркского языка, предполагал, что он сложился на территории Причулымья за счет постепенной тюркизации местного дотюркского населения: селькупов - нижний Чулым, и кетов - средний Чулым. Однако в более поздней работе он говорит только о кетском субстрате, приводя большое количество гидронимов, происхождение которых может быть объяснено только из языка трех кетоязычных народностей: ассанов, пумпоколов и аринов, причем гидронимы пумпокольского происхождения встречаются на всей территории расселения чулымских тюрок (А.П.Дульзон, 1973б, 27-28). Говоря о кетском субстрате, А.Дульзон в то же время подчеркивал, что "между чулымско-тюркским языком и аринским и пумпокольским наречиями нет морфологической общности" (А.П. Дульзон, 1973б, 28).

Анализ топонимических данных позволил А.П.Дульзону придти к мысли, что тюркизация аборигенного населения р.Чулыма происходила в "... трех направлениях: с юго-востока - вниз по Чулыму; с юго-запада - вверх по Чулыму (или вниз по Яе) и с юга - вниз по Кие. Тюрки, пришедшие с юго-запада, явились носителями гидронимов на -су, а тюрки, пришедшие с юго-востока - носителями гидронимов на -юл или -чул. Кия в XVIII в. носила название Кису, а по левой стороне её на неширокой полосе встречаются гибридные названия, объединяющие в себе оба эти топоформанта, например: Юксу-юл, Курлусу-юл. Форма этих названий указывает на то, что в

эти места, заселенные тюрками с юго-востока, позднее переселились и тюрки с юго-запада.

Известно, что яушгинцы были на Томи уже в первой половине XУI в. Заселение нижнего Чулыма тюрками, безусловно, предшествовало заселению нижней Томи. В связи с этим необходимо признать, что заселение нижнего Чулыма тюрками произошло не позднее XУ в. Заселение же верховьев Чулыма относится к УП-УШ вв. (А.П.Дульзон, 1950, 182). Продвижение тюрков на Чулым с юга по Кие должно быть отнесено к более позднему времени, возможно, к XП-XШ вв. (А.П.Дульзон, 1978, 27).

Таким образом, чулымские тюрки - не пришлый на Чулым народ, сложившийся поздно, после разгрома сибирского хана Кучума, как это считалось в исторической литературе, а являются аборигенным населением бассейна р.Чулым, "ставшими тюрками в результате сложного процесса исторического развития путем смешения и ассимиляции ранее представленных здесь этнических групп" (А.П. Дульзон, 1952, 124-125). Никаких схождений, как показал А.П. Дульзон "(не считая общетюркских) у него с языком тобольских татар не имеется" (А.П.Дульзон, 1959, 101).

Первые сведения лингвистического характера о чулымско-тюркском языке появились в русских исторических актах XУП века. Начиная с этого времени нам известны лингвистические сведения в виде списков слов, взятых безотносительно к лексической, морфологической и фонетической системам языка (В.В.Радлов, 1963; С.Е.Малов, 1909, 73). Имеются также единичные работы по говорам нижнечулымского и среднечулымского диалектов (Р.А.Ураев, Н.Г.Доможаков). Очерк О.Прицака по чулымско-тюркскому языку основан в основном на работах А.П.Дульзона. Лишь с 1945 года начинается систематическое изучение данного языка А.П.Дульзоном, побывавшим во всех пунктах проживания носителей чулымско-тюркского языка и описавшим его морфологическую, лексическую и фонетическую системы. Именные категории А.П.Дульзоном специально не исследовались, они лишь упоминаются им в очерке "Чулымско-тюркский язык". Из глагольных категорий им подробно описаны лично-временные формы, основанные главным образом на материале нижнечулымского диалекта.

До настоящего времени в тюркологической литературе отсутствуют исследования в области грамматического строя чулымско-тюркского языка. Между тем материалы чулымско-тюркского языка

могут быть полезными для сопоставительно-типологических и сравнительно-исторических изысканий. Отсутствует единство взглядов в определении места чулымско-тюркского языка в классификационной схеме тюркских языков. По классификации В.В.Радлова чулымско-тюркский относится к восточнотюркской группе тюркских языков, по классификации А.Н.Самойловича - к юго-восточной группе. В.А.Богородицкий относил чулымцев к западносибирским татарам (В.А.Богородицкий, 13). А.П.Дульзон, исходя из топонимических и некоторых лингвистических данных, придерживается первой точки зрения. Н.А.Баскаков включает его в хакасскую подгруппу уйгуро-огузской группы восточнохуннской ветви тюркских языков (Н.А.Баскаков, 1969).

Целью монографии является исследование морфологии чулымско-тюркского языка (кроме категорий имени существительного, которые вошли в I часть монографии) и уточнение его места среди тюркоязычных ареалов Сибири.

При решении поставленных задач мы следовали традициям, сложившимся при описании различных тюркских языков и их отдельных категорий. Сложность изучения категории падежа, залога, времени вызывает необходимость применения комплексного метода анализа (о невозможности описать категории языка с помощью какого-либо одного метода см. Б.А.Серебренников, 1976, 46). В данной работе категории исследуются на основе метода грамматических оппозиций, компонентного анализа, метода семантического анализа предложений и лингвогеографического метода.

Описание каждой категории начинается, как это принято в традиционной лингвистике, с форм и средств выражения и их анализа. При обращении к семантике форм для непротиворечивого их описания оказалось необходимым применение современных методов исследования.

Метод грамматических оппозиций и компонентного анализа позволяет определить дифференциальные признаки многочисленных временных форм и выявить место каждой из них в системе, способствует разграничению временных форм от форм, выражающих способы глагольного действия. На основе компонентного анализа оказалось возможным выделить значения аналитических конструкций, служащих для выражения способов глагольного действия, исходя из семантических признаков вспомогательных глаголов, сохранившихся в них от того лексико-семантического класса, к которому они

относятся, будучи употребленными в статусе смыслового глагола.

На основе метода семантического анализа предложения удалось четко дифференцировать основные и производные значения каждого падежа, определяемые соотнесенностью с актантами разных рангов или внутрисистемными отношениями.

Подробный анализ значений падежных форм дан нами в первой части "Морфологии чулымско-тюркского языка", которая полностью посвящена категориям имени существительного (числа, падежа, принадлежности). Поэтому здесь эти категории не рассматриваются (см. Бирюкович Р.М. Морфология чулымско-тюркского языка. М., АН СССР, 1979; её же: К семантическому обоснованию категории принадлежности в тюркских языках.- Вопросы языкознания, 1980, № 5). Лингвогеографический метод использовался для выделения общих диалектных признаков, являющихся дифференциальными признаками чулымско-тюркского языка, отличающими его от других языков сибирского ареала.

Поскольку язык чулымских тюрок относится к бесписьменным языкам, источниками анализа явились: 1) девять томов полевых записей (по 700, 400, 800 страниц), два тома из которых были записаны А.П.Дульзоном, побывавшим во всех пунктах проживания чулымских тюрок (в 1945-1959 гг.), два тома были записаны Р.А. Бони, остальные - автором данной работы во время ежегодных экспедиций с 1970 по 1978 гг. в дер.Минаевку и Тургай Томской области (нижнечулымский диалект), в пос.Пасечное Тюхтетского района Красноярского края (мелетский говор среднечулымского диалекта) и пос.Тегульдет Томской области (тутальский говор среднечулымского диалекта); 2) записи разговорной речи на ферромагнитной пленке. Материал получен от 42 информантов.

Чулымско-тюркский язык, как было упомянуто выше, не имеет письменности, поэтому все записи даются в транскрипции. Различное написание одного и того же слова, а также различные формы выражения одних и тех же категорий связаны с междиалектными и внутридиалектными различиями, поэтому после приводимого примера, в случае необходимости, даются пометы: нч. - нижнечулымский; срч. - среднечулымский; т - тутальский говор среднечулымского диалекта; м - мелетский говор среднечулымского диалекта.

Глава I. ИМЯ

Существительное

Категории имени существительного, как указывалось выше, подробно изложены в первой части монографии (М., 1980), поэтому здесь приводятся лишь парадигмы склонения существительных в единственном и множественном числе (простого и притяжательного склонения) для того, чтобы дать возможность читателю самому анализировать примеры, приводимые при изложении исследуемых в монографии категорий.

Парадигмы склонения имен существительных в единственном числе

1. Основы на гласные

Осн.	тура 'город'	кӓмӓ 'лодка'
Вин.	туранı	кӓмӓнı
Дат.напр.	тура:	кӓмӓ:
Орудн.	турабыла/-бла	кӓмӓбилӓ/-блӓ
	туранаң(м)	кӓмӓнаң (м)
Исх.	турадын	кӓмӓдин
Род.	тураның	кӓмӓниң
Мест.	турада	кӓмӓдӓ

2. Основы на согласные

Осн.	қол 'рука'	көл 'озеро'
Вин.	қолны	көлни
Дат.напр.	қолға	көлгӓ
Орудн.	қолбыла/-бла	көлбилӓ/-блӓ
	қолнаң (м)	көлнӓң (м)
Исх.	қолдын	көлдин
Род.	қолның	көлниң
Мест.	қолда	көлдӓ

Осн.	ат 'лошадь'	әп 'дом'
Вин.	атты	әпти
Дат.-напр.	атқа	әпкә
Орудн.	атпыла/-ла	әппилә/-лә
	атлаң (м)	әплаң (м)
Исх.	аттын	әптин
Род.	аттың	әптиң
Мест.	атта	әптә

Склонение имен существительных
во множественном числе

Осн.	палалар 'дети'	кәмәләр 'лодки'
Вин.	палаларны	кәмәләрни
Дат.-напр.	палаларға	кәмәләргә
Орудн.	палалардыла/-бла	кәмәләрбилә/-блә
	палалардаң (м)	кәмәләрдаң (м)
Исх.	палалардын	кәмәләрдин
Род.	палаларның	кәмәләрниң
Мест.	палаларда	кәмәләрдә
Осн.	аттар 'кони'	пӱктәр 'луга'
Вин.	аттарны	пӱктәрни
Дат.-напр.	аттарға	пӱктәргә
Орудн.	аттарбыла/-бла	пӱктәрбилә/-блә
	аттардаң (м)	пӱктәрдаң (м)
Исх.	аттардын	пӱктәрдин
Род.	аттарның	пӱктәрниң
Мест.	аттарда	пӱктәрдә

Парадигмы склонения имен существительных
с аффиксами принадлежности

Осн.	пала:м 'мой сын'	а:дым 'мое имя
Вин.	пала:мны	а:дымны
Дат.-напр.	пала:ма/-га	а:дыма:
Орудн.	пала:мбыла/бла/-наң(м)	а:дымбыла/-бла/-наң(
Исх.	пала:мдын	а:дымдын
Род.	пала:мның	а:дымның
Мест.	пала:мда	а:дымда

2-е лицо ед.ч.

Осн.	пала:ң 'твой сын'	а:дың 'твое имя'
Вин.	пала:ңны	а:дыңны
Дат.-напр.	пала:ңа:	а:дыңа:
Орудн.	пала:ңбыла/-бла/-наң(м)	а:дыңбыла/-бла/-наң(м)
Исх.	пала:ңдын	а:дыңдын
Род.	пала:ңның	а:дыңның
Мест.	пала:ңда	а:дыңды

3-е лицо ед.ч.

Осн.	пала́:зы 'его сын'	а:ды 'его имя
Вин.	пала́:зын	а:дын
Дат.-напр.	пала́:зына:/-га	а:дына:/-га
Орудн.	пала:зыбла/-наң(м)	а:дыбла/-наң,блаң(м)
	-блаң (м)	
Исх.	пала́:зындын	а:дындын
Род.	пала́:зының	а:дының
Мест.	пала́:зында	а:дында

1-е лицо множ.ч.

Осн.	пала:быс 'наш сын'
Вин.	пала:бысты
Дат.-напр.	пала:бысха
Орудн.	пала:быспила/-ла/-лаң (м)
Исх.	пала:быстын
Род.	пала:быстың
Мест.	пала:быста

2-е лицо множ.ч.

Осн.	пала:ңнар 'ваш сын'
Вин.	пала:ңнарны
Дат.-напр.	пала:ңнарга
Орудн.	пала:ңнарбыла/-наң (м)
Исх.	пала:ңнардын
Род.	пала:ңнарның
Мест.	пала:ңнарда

3-е лицо множ.ч.

Осн.	пала:зы 'их сын'
Вин.	пала:зын
Дат.-напр.	пала:зынга
Орудн.	пала:зыбыла/-блан (м)
Исх.	пала:зындын
Род.	пала:зының
Мест.	пала:зында

В форме существительного во множественном числе сохраняются те же аффиксы категориальной формы принадлежности I, 2,3-го лица множественного числа.

Прилагательное

При выделении прилагательных в тюркских языках мы исходим из понимания частей речи как семантико-функциональных разрядов слов (об этом см.: Б.А.Серебренников, 1976, 27; А.Е.Михневич, 1968, 152). Семантико-функциональная трансформация существительных и возникновение автономной морфологической системы, отграничивающей прилагательные от других имен,- основные пути образования прилагательных в тюркских языках, относящиеся еще к общетюркскому времени (Севортян Э.В., 1963, 58; Щербак А.М., 1977, 109).

Качественные прилагательные

К качественным прилагательным в чулымско-тюркском языке относятся слова, обозначающие различные признаки, свойственные предметам и явлениям, а также характеризующие человека и животных: қызыл 'красный', қара 'черный', қысқа 'короткий', ығыр 'тяжелый'.

Качественные прилагательные в языках других семей характеризуются степенями сравнения. Что касается тюркских языков, то для них характерно сравнение по подразумеваемой идеальной норме (Н.К.Дмитриев, 1948, 83). Принимая во внимание данные теоретические предпосылки к осмыслению степеней сравнений прилагательных в тюркских языках, ученые выделяют различное количество степеней сравнения.(А.Н.Кононов, 1960, 162-165; Н.П.Дыренкова. 1940, 77-79; 1941, 76-80; Н.А.Баскаков, 1952, 211-213; Э.Р.Тенишев, 1976(а), 69-90; М. Сундетова, 91-93). А.М.Щербак выражает сомнение в наличии степеней сравнения в тюркских языках, "... так как соответствующие формы выражают не отношения между качествами разных предметов или явлений, а качество само по себе с точки зрения говорящего..." (А.М.Щербак, 1977, 113).

В чулымско-тюркском языке нет специальных морфологических средств для выражения степеней сравнения. Сравнение признака в предметах выражается с помощью синтаксических средств: сочетанием имени существительного или местоимения в исходном падеже и прилагательного, например, ке:ре 'старый' - мăндин ке:ре 'старее меня', ăпче:зиндин ке:ре 'старее своей жены'. Кроме того, используется конструкция, состоящая из местоимения парче 'все' в форме исходного падежа притяжательного склонения и прилагательного, например: парче:зындын чажан 'самый ленивый' (досл. из всех ленивый), парче:зындын пай 'самый богатый' (досл. из всех богатый). Наряду с указанной конструкцией употребляется другая перифрастическая конструкция типа парче чулдун ус тăрăн 'из всех рек Чулым глубже', т.е. состоит из местоимения парче в именительном падеже, существительного в исходном падеже и прилагательного. Используется также сочетание с прилагательным улуғ 'большой', например: ке:ре 'старый'- мăндин кĕ:ре 'меня старее' - улуғ ке:ре 'очень старый'; че:гет 'молодой'- андын кичиг 'моложе его (досл.меньше)', кичиги улузы 'самый молодой'.

Для выражения интенсива используется частичная редупликация основы (первого слога) с прибавлением п или м: қапқара 'очень черный', чым-чырық 'очень (слишком) тихо'.

Относительные прилагательные

Относительные прилагательные в чулымско-тюркском языке образуются с помощью аффикса -лыг и его фонетических вариантов,обусловленных явлением ассимиляции, широко развитой в исследуемом языке, например: қыллыг 'клыкастый', чолақтыг 'полосатый', қарақтыг 'глазастый'. Этот аффикс обозначает: а) обладание чем-либо, например, палалыг кижи 'человек, имеющий детей', ĕрлиг ăпчи 'замужняя женщина', ăпчилиг ĕр 'женатый мужчина'; б) полную меру чего-либо: тырғақтыг 'когтистый', пурунуг 'носатый', со:қтуг 'костистый'.

Для обозначения сходства, подобия с тем, что выражено исходной основой, используется аффикс сыман, имеющий значение непол-

ноты признака. Исследователи тюркских языков считают его сложным. В узбекском языке - "симон < си + мон, где - си < сиг - словообразовательный аффикс со значением быть подобным ... быть таким, как " (Н.А.Кононов, 1960, 152). Н.А.Баскаков считает аффикс -сы/-си редуцированным вариантом, восходящим к фонетически более полной форме -сы-к/-си-к или -сы-р/-си-р или -сы-л/-си-л (Н.А.Баскаков, 1952, 458). А.М.Щербак отмечает, что аффикс -сы мог выражать неполноту признака сам по себе, а также в сочетании с другими аффиксами. Этот путь развития форм неполноты признака прилагательных в тюркских языках был, по-видимому, согласно А.М.Щербаку, второстепенным. Широко же использовался способ обособления самостоятельных слов и превращения их в служебные слова с последующей их грамматикализацией (А.М. Щербак, 1977, 118). В чулымско-тюркском языке показатель сыман не подчиняется гармонии гласных, т.е. не подвергся грамматикализации до статуса аффикса и может быть назван уподобительным послелогом (термин А.М.Щербака, 1977, 118). Примеры: түгүн сыман чип 'узловатые нитки', ыгыр сыман 'тяжеловатый', чаш сыман 'сыроватый'.

Неполноту признака выражает также аффикс -ымдык/-имдик: аҕамдык 'беловатый', қарамдық 'черноватый', по:рамдық 'сероватый', ӧргемдик 'староватый'.

Значение уменьшительности выражается аффиксом -мык/-мик, например, қызымық 'красненький', қарамық 'черненький', кӧ:гемик 'голубенький', 'зелененький', ағымық 'беленький'. Сравнение аффиксов -мдык и -мык позволяет вычленить элемент -м, выражающий значение неполноты признака, т.е. вышеупомянутый аффикс -мдык сложный.

Синтаксические функции

Прилагательное в чулымско-тюркском языке, как и в других языках, употребляется: 1) в аттрибутивной функции, например: пис са:тышыбылбыс ырыстыр кижини 'Мы говорили о счастливом человеке'. қарақтыг кижи тутушка кӧ:рӱбел 'Глазастый человек всё видит'; 2) функции сказуемого, например: ол әпчилиг 'он женатый', ол та:рын 'он злой', ол пӧ:зӱк, а:руқ 'Она высокая, худая'. Отрицательная форма прилагательного в предикативной функции образуется с помощью отрицания әмәс. Примеры: итвәк па:лыг әмәс 'Хлеб недорогой'. пу са:т көн әмәс 'Это слово нехорошее'.

(Ср. в шорском языке эбес, см. Н.П.Дыренкова, 1941, 80); 3) в функции обстоятельства, например: а:лына парайға ырак 'В деревню (его) идти далеко'.

Числительные

Числительным в чулымско-тюркском языке свойственны общетюркские словообразовательные и словоизменительные форманты.

Количественные числительные

Название единиц (первая из форм нижнечулымская, вторая - среднечулымская): пир~пир 'один', иги~иги 'два', ӱц~ӱч 'три', тӧрт~тӧ:рт, тӧрт 'четыре', пәш ~ пәш 'пять', алты~алты 'шесть', йеде~чеде 'семь', сегис~се:гис 'восемь', тоғус~то:гус 'девять', он~он 'десять'.

Среднечулымские формы получены нами, нижнечулымские даны по работе А.П.Дульзона (Дульзон А.П., 1966, 451), однако, требуют некоторого уточнения. По нашим данным, в формах тӧрт, йеди, сегис, тоғус в нижнечулымском диалекте также отмечается колеблющаяся долгота.

В нижнечулымском варьируются формы с долгим, полудолгим и кратким гласным. Колеблющаяся долгота, по всей вероятности, представляет собой рефлекс пратюркской долготы. (Ср. восстановленные пратюркские формы количественных числительных в работе А.М.Щербака, 1970, 197; 1977, 139).

Долгота гласных в числительных че:де 'семь', се:гис 'восемь', то:гус 'девять', по-видимому, представляет собой рефлекс пратюркских геминат (следы которых встречаются во многих тюркских языках). Название десятков (первая форма нижнечулымская, вторая - среднечулымская): йарва~че:гербе 'двадцать', отус~о:тус 'тридцать', қырық - қырық 'сорок', елиг ~ е:лиг 'пятьдесят', алтон~алтон 'шестьдесят', йадон~чадон 'семьдесят', сексон~сақсон 'восемьдесят', тоқсон~тоқсан 'девяносто', йус ~ чус 'сто', мынг~тышча 'тысяча'.

В среднечулымском диалекте долгота в числительных о:тус 'тридцать', е:лиг 'пятьдесят', по всей вероятности, представляет собой компенсирующую долготу, развившуюся в результате исчезновения согласного л в пратюркских формах олтӧс 'тридцать', әллиг 'пятьдесят'. Числительное че:гербе (срч.форма)<ики + р + ми (о составе данного числительного см. Ф.Г.Исха-

ков, 1956, 179). Форма ики во многих языках функционирует с геминатой. Долгота гласного свидетельствует, видимо, о том, что эта форма развилась из формы с геминатой в результате исчезновения одного из согласных *k*.

Сложные числительные: иги чус 'двести'(срч.), тӧ:рт йус 'четыреста'(нч.), пер чус че:гербе пӑш (срч.) 'сто двадцать пять' (единицы более высокого порядка предшествуют единицам низшего порядка). В числительных выше первого десятка сначала идут единицы высшего порядка, за ними - единицы низшего порядка: о:тус алты 'тридцать шесть', он се:гис 'восемнадцать', саксон то:ғус 'восемьдесят девять'.

В чулымско-тюркском языке сохранилась древняя форма приблизительных числительных на -че. Примеры на употребление указанного аффикса: ме:ң е:ремниң чадонча чаш 'Моему мужу около семидесяти лет' (срч). ме:ң улаӗмның тоқсанча йаш. 'Моему деду около девяносто лет' (нч). Нӑдӑның се:гесчӑ чо:ғул 'Наде нет восьми'. совхоста че:гербечӑ оқотниқтар. 'В совхозе около двадцати охотников'(срч).

Порядковые числительные

Порядковые числительные образуются при помощи аффиксов -(ы)нчы/-(и)нчи, -(у)нчу,-(ӳ)нчӳ. О происхождении аффикса -(ы)нчи/-(и)нчи высказывались различные точки зрения. Согласно А.Н.Кононову, аффикс порядковых числительных происходит из аффикса собирательных, путем присоединения к ним аффикса принадлежности третьего лица -ди/*j* и~чи . Г.И.Рамстедт считает, что порядковые числительные восходят к именам деятеля на -чы~*j*ы . В.Банг возводит аффикс порядковых числительных к аффиксу глагольных имен -(ы)нч, а конечный гласный аффикса относит к аффиксу принадлежности 3-го лица. А.М.Щербак поддерживает точку зрения В.Банга, приводя свои доводы для доказательства семантического развития глагольных имен на -(ы)нч -(у)нч, использовавшихся в значении порядковых числительных. В результате отвлечения от субстанциональных моментов глагольных основ, образованных от количественных числительных, происходила, согласно мнению А.М.Щербака, постепенная специализация глагольных имен в направлении выражения чистых отношений. "... Именно такой путь привел к необычайно частому использованию различных неколичественных слов в значении порядкового числительного "первый" (А.М.Щербак, 1977, 148).

Факты чулымско-тюркского языка наравне с фактами якутского языка могут явиться дополнительным свидетельством в подтверждение последней из указанных точек зрения: числительное пе:ренчи 'первый' в чулымско-тюркском языке (би:рис - в якутском) употребляется только в составных числительных, например, он пе:ренче угло:ны 'одиннадцатый ребенок', че:гербе пе:ренчи 'двадцать первый'. В значении же порядкового числительного 'первый' употребляется слово паштағ:ғызы.

Примеры порядковых числительных чулымско-тюркского языка: паштағ:ғызы 'первый', игенчи 'второй', ӱчӱнчӳ 'третий', тӧ:ртӱнчӳ 'четвертый', пе:жинчи 'пятый', алтынчи 'шестой', че:денчи~йе:денчи 'седьмой', се:гезенчи 'восьмой', то:ғузынчы 'девятый', о:нынчи 'десятый', он пе:ренче 'одиннадцатый', он игенче 'двенадцатый',йе:гербенче~че:гербенче'двадцатый', йе:гербе пе:ренчи 'двадцать первый'(нч), че:гербе пе:ренчи 'двадцать первый'(срч), о:тузынчы 'тридцатый', қырғынчы 'сороковой', е:лигинчи 'пятидесятый', алтонынчы 'шестидесятый', чадонынчы 'семидесятый', сақсонынчы 'восьмидесятый', тоқсанынчы 'девяностый', чӱсӱнчӳ 'сотый'. Следует отметить, что факультативно встречаются формы қырықчызынчы 'сороковой', сақсончызынчы 'восьмидесятый', тоқсанчызынчы 'девяностый', которые можно рассматривать как развитие қырықчызынчы < қырық - чы - зы - нчы , сақсончызынчы < сақсон - чы - зы - нчы , тоқсанчызынчы < тоқсан - чы - зы - нчы, где -чы, возможно, сохранившийся суффикс имени действия, а -зы - аффикс принадлежности 3-го лица.

Долгота в некоторых формах порядковых числительных может быть объяснена с позиций исторической фонетики: а) в форме тӧ:ртӱнчӳ сохранилась пратюркская долгота (см. об этом выше), б) в формах че:денчи, се:генчези~се:гезенчизы, то:ғунчызы~то:ғузынчызы, как указывалось выше, в более ранний период предполагается наличие геминат ; на месте исчезновения одного из согласных появилась компенсирующая долгота, в) в форме пе:ренчи, тӧ:ртӱнчӳ, пе:жинчи, о:нынчи восстанавливается первичная долгота (см. пратюркские формы: А.М.Щербак, 1977, 139). В количественных числительных пир, пӑш, он гласные полудолгие. При наращении грамматических формантов лексемы с полудолгими у всех носителей языка выступают с долгим гласным (Р.М.Бирюкович, 1975, 59).

Собирательные числительные

В среднечулымском диалекте отмечена форма собирательных числительных, образующаяся при помощи аффикса -лаң: игилäң 'вдвоем' ӱчӱлäң 'втроем', төːртилäң 'вчетвером', пäшлäң 'впятером', алтылаң 'вшестером'. Аналогичный аффикс собирательных числительных встречается в хакасском языке. По-видимому, это-аффикс орудно-совместного падежа(представляет один из фонетических вариантов названного падежа в мелетском говоре, контактирующем территориально с хакасским языком). Алломорф -лаң , встречающийся в определенной фонетической позиции в значении орудно-совместного падежа, функционально закрепился за сферой количественны числительных в значении собирательности.

Местоимения

Местоимения в чулымско-тюркском языке, как и в других языках, представляют собой класс слов, не называющих понятия, а лишь указывающих на них и выполняющих функцию заместителей знаменательных слов.

Местоимения представляют собой одно из средств актуализации языка в речь (E.Benveniste, 34), входящих "в функционально-семантическое поле "указания", выделения лиц, предметов, событий" (А.А.Уфимцева, I66).

Исходя из данного выше определения местоимения, в котором подчеркивается присущее им дейктическое значение и заместительная функция, мы выделяем местоимения в отдельный семантико-функциональный класс слов в чулымско-тюркском языке и на основе семантического критерия придерживаемся принятого в тюркских языках деления на следующие разряды: личные, указательные, вопросительные, определительные, неопределенные.

Личные местоимения

	ед.ч.	мн.ч.
I л.	мäн	пис
2 л.	сäн	силäр/слäр
3 л.	сл	олар

Склонение личных местоимений

ед.число

Им.	мäн 'я'	сäн 'ты'	ол 'он, она,оно'
Род.	меːң	сеːң	аːның
Дат.	маː	сäː	ана (срч), аға (нч)
Вин.	меːни	сеːни	аːны
Местн.	мäндä	сäндä	анда
Исх.	мäндин	сäндин	андын
Орудн.	меːңбелä	сеːңбелä	аːныңбъла
	меːңвелä	сеːңвелä (нч)	аːныңвъла

мн.число

Им.	пис 'мы'	силäр 'вы'	олар 'они'
Род.	пистиң	силäрниң	оларның
Дат.	писке	силäрге	оларга
Вин.	писти	силäрни	оларны
Мест.	пистä	силäрдä	оларда
Исх.	пистин	силäрдин	олардын
Орудн.	пистиңбелä	силäрниңбелä	оларныңбъла
	пистиңвелä	силäрниңвелä	оларныңвела

Парадигмы приведены по нашим полевым записям. Парадигмы, приведенные А.П.Дульзоном в его очерке "Чулымско-тюркский язык", имеют некоторые отличия от данных выше. Эти отличия касаются формы 3-го лица единственного числа родительного падежа, I-го, 2-го.и 3-го лица единственного числа винительного падежа, в которых отсутствует долгота корневого гласного.Однако в полевых записях А.П.Дульзона в указанных выше формах долгота гласных им отмечена. То же можно сказать и о качестве гласного в форме 2-го лица единственного числа родительного падежа. В этой форме, данной А.П.Дульзоном в очерке, указан гласный а, в то время как в его полевых записях находим формы со звуком е , совпадающие с нашими материалами, записанными и в нижнечулымском,и в среднечулымском диалектах.

В мелетском говоре употребляется стяженная форма 3-го лица единственного числа родительного падежа аːң 'его', а в I-м лице единственного числа родительного падежа факультативно встречается форма меːм 'мой'.

Личные местоимения представляют собой знаки личного дейксиса, создающие в отдельных языках несколько оппозиций в функционально-семантическом поле "указания". (А.А.Уфимцева, 173).

В чулымско-тюркском языке, как и в других тюркских языках, по-видимому, можно выделить только две оппозиции: 1) говорящий -олушающий (мән - сән), 2) коммуникант-некоммуникант (мән,сән - ол). Другие оппозиции лицо - не лицо, мужской - женский не свойственны исследуемому языку в силу отсутствия семантических признаков в форме 3-го лица ед.числа, лежащих в основе указанных противопоставлений. Значение, выражаемое местоимениями, чрезвычайно широко и определяется ситуацией, так как они обладают "сугубо сигнификативным, в высшей степени относительным типом значения и не содержат в своей основе денотата, т.е. типизированного представления о классе обозначаемых предметов" (А.А. Уфимцева, 174).

Указательные местоимения

Функционирующие в чулымско-тюркском языке указательные местоимения пу 'этот', и тег 'тот' составляют оппозицию по признаку указания на степень удаленности характеризуемого предмета, по ориентации с точки зрения говорящего. Говоря о признаке "удаленности" в указательных местоимениях в чулымско-тюркском языке, в котором нет специальных форм, конституирующих оппозиции по пространственной и временной удаленности, как, например, в турецком языке, следует подчеркнуть, что в формах пу 'этот' и тег 'тот' отмечается синкретизм этих значений: пу ос 'эта осина', тег ос 'та осина', пу күндә 'в этот день', тег күндә 'в тот день'. Местоимение тег происходит из те-, которое в силу широкой употребимости считается наиболее древним указательным местоимением (Г.И.Рамстедт, 75). В.Котвич считает это местоимение заимствованным элементом из монгольского (В.Котвич, 1962, 142).

Местоимение ол 'это, то', относящееся к личным местоимениям в силу своей второй функции - указательной - классифицируется как лично-указательное местоимение. В чулымско-тюркском языке данное местоимение употребляется не столько в дейктической, сколько в заместительной функции. Выступая в дейктической функции, местоимение ол не используется для указания степени удаленности, определенности-неопределенности, а выражает простое указание, например, ол чомақты писке ме:ң тейдем ызыпсхән. 'Эту сказку нам мой дедушка рассказал'. В следующих предложениях местоимение ол употреблено в заместительной функции: сән ма: а:ны айдар чоқсуқ 'Ты мне это не говоришь'. ме:ң чуртум шүбүр ; андын қайа да барбуқум. 'Моя жизнь плоха ; от этого никуда не уйдешь'.

Склонение указательных местоимений

ед.число

Им.	пу 'этот'	тег 'тот'	ол 'это'
Род.	пунуң	тегниң	а:ның/а:ны
Дат.	пуға	тега	ана
Вин.	пуны	тегни	а:ны
Местн.	мында	тегда	анда
Исх.	мындын	тегдин	андын
Орудн.	пунуңбъла/ пунуңвъла	тегбелә тегвелә	а:ныңоъла а:ныңвъла

мн.число

Им.	пулар 'эти'	тегнәр 'те'	анар 'эти'
Род.	пуларның	тегнәрниң	анарның
Дат.	пуларға	тегнәрге	анарға
Вин.	пуларны	тегнәрни	анарны
Местн.	пуларда	тегнәрдә	анарда
Исх.	пулардын	тегнәрдин-	анардын
Орудн.	пуларныңбъла/ пуларныңвъла	тегнәрнибелә тегнәниңвелә	анарныңбъла/ анарныңвъла

Вопросительные местоимения

К вопросительным местоимениям в чулымско-тюркском языке относятся местоимения ким 'кто', нөмә 'что', қайа 'где', қачан 'когда', қайнар 'как, какой'.

Местоимение ким этимологизируется учеными как состоящее из двух элементов: вопросительная основа ки + вопросительная частица м .

О происхождении чулымско-тюркского местоимения нөмә 'что' можно высказать лишь некоторые предположения: первый слог, ви-

димо, возводится к *jə, где j > n в форме jəniŋ (см.Рамстедт, 76), второй элемент -мä сближают либо с чувашским мен 'что'(Ф.Г.Исхаков, 1956а, 236), либо с частицей (наречием) jiмä 'же, также' (А.М.Щербак, 1977, 133). Выравнивание гласных произошло под влиянием гласного второго слога. Гласный первого слога встречается факультативно с долготой. Вопросительная основа но сохранилась в вопросительном местоимении ноге 'что','почему', гласный первого слога которого полудолгий.

Склонение местоимений ким 'кто', нӧмä 'что'

Им.	ким	нӧмä
Род.	кимниң	нӧмäниң
Дат.	кимгä	нӧмäгä
Вин.	кимни	нӧмäни
Местн.	кимдä	нӧмäдä
Исх.	кимдин	нӧмäдин
Орудн.	кимбилä/ кимвилä	нӧмäбилä/ нӧмäвилä

Семантически местоимения ким 'кто' и нӧмä 'что' противопоставлены на основе обозначаемых ими денотатов: в первом случае одушевленных, во втором случае неодушевленных.

Примеры: кем анда пус ка:стыр, аңзынтыр 'Кто там лед долбит, рыбу ловит'(досл.охотится)? , нӧмä сäн ана пäрге:ң? аллиҡä? Что ты ему дал? Рукавицы (кожаные)?

Остальные местоимения қайа 'зачем', қайда 'где', қачан 'когда', қайнар 'как' содержат,согласно мнению одних ученых, элемент қа, который рассматривается как древнее вопросительное слово + йи > й, аффикс принадлежности 3-го лица (M.Räsänen, 44-46, 48). Другие ученые основой указанных местоимений считают "местоименно-вопросительный корень кан-... кай-, который, должно быть, первоначально был самостоятельным словом" (Ф.Г.Исхаков, 1956а, 239). А.М.Щербак полагает, что вариант с конечным й мало-вероятен, так как объяснить его этимологию практически невозможно.

Рассматриваемые местоимения сами непосредственно не выполняют функцию указания, но все же относятся к дейктическим элементам, поскольку через ответы, которые обязательно предполагаются вопросительными местоимениями, они теснейшим образом

связаны с функционально-семантическим полем указания (о выделении названного поля см. А.А.Уфимцева, 166). Например: қайа келге:ң ма:? 'Зачем ты пришел ко мне?' қайда кäшä поғаң? 'Где ты был вчера?' қачан кälликсиңнäр писке 'Когда придете к нам?' қайнар побаң 'Как живешь?'

Местоимение ноге 'что','почему' ближайшую аналогию находит в шорском языке, где эта форма представляет собой форму дательного падежа: ноге ол кӱндӱс усчаты? 'Почему он днем спит?'

Неопределенные местоимения

Относящиеся к данному разряду местоимения образуются от вопросительных путем прибавления к ним: а) элементе ала/älä, б) глагола пол- 'быть' в форме условного наклонения. Например: а) ким-älä 'кто-нибудь', нӧмä-älä 'что-нибудь', қайа-ала 'где-нибудь', қайда-ала 'где-нибудь', қачан-ала 'когда-нибудь', қайдығ-ала 'какой-нибудь'. б) ким-болза 'кто-нибудь', нӧмä-болза 'что-нибудь', қачан-болза 'когда-нибудь', қайда-болза 'где-нибудь'.

Этимология элемента ала/älä не ясна. Высказываются догадки об арабском характере его происхождения (Н.К.Дмитриев, 1948, 101). Дифференциация значений местоимений первой и второй группы заключается в степени неопределенности: в первой группе степень неопределенности выше. Например: қачан-ала чахсы ырла:н чи:т поғанда 'Когда-то (он) хорошо пел, когда был молодой', қачан-болза чахсы уреп парлық сани:ға 'Когда-нибудь хорошо научиться читать'; қайда-ала а:ч уч паған 'Где-то упало дерево', қайда-болза мäн а:ны та:п парлықым 'Когда-нибудь я его (обязательно) найду'.

Определительные местоимения

К определительным местоимениям относятся ӧс 'сам', пос 'сам', парча 'весь'.

Первое из названных местоимений встречается в нижнечулымском диалекте и в тутальском говоре среднечулымского диалекта. Второй - в мелетском говоре среднечулымского диалекта, граничащего с кызыльским диалектом хакасского языка.

Местоимение ӧс (пос) включается учеными в разные разряды местоимений: а) в разряд возвратных местоимений (А.Н.Кононов,

1960, 179; Э.Р.Тенишев, 1976б, 133; Грамматика хакасского языка, 155), иногда с уточнением в наименовании его относят к лично-возвратным местоимениям (Н.П.Дыренкова, 1941, 97; Е.И. Убрятова, 1966, 413), к возвратно-определительным (Н.А.Баскаков, 1972а, 53); б) в разряд определительных (Н.К.Дмитриев, 1948, 105; Ф.Г.Исхаков, А.А.Пальмбах, 239; Д.Г.Тумашева,1977, 220); в) в разряд выделительных (А.М.Щербак, 1977, 133).

Считается, что местоимение öз восходит к существительному öз со значением 'сущности','существо','сердцевина'(38; А.Н.Кононов, 1960, 179; А.М.Щербак, 1977, 134), а местоимение пой~пос~бой~бос~бот - к существительному со значением тело (А.М.Щербак, 1977, 134).

В чулымско-тюркском языке местоимения öс и пос функционируют, будучи оформленными аффиксами принадлежности.

ед.число

1 л.	ö:зӱм 'я сам'	по:зум 'я сам'
2 л.	ö:зӱң	по:зуң
3 л.	ö:зӱ	по:зу

мн.число

1 л.	ö:зӱбӱс/-вӱс	по:зубус
2 л.	ö:зӱңнӓр	по:зуңнар
3 л.	ö:зӱлӓр	по:зулар

Местоимение öс 'свой' и пос 'свой' изменяются по падежам.

Парадигмы склонения местоимения öо 'сам'

ед.число

Им.	ö:зӱм	ö:зӱн	ö:зӱ
Род.	ö:зӱмнӱң	ö:зӱңнӱң	ö:зӱнӱң
Дат.	ö:зӱмгӓ/-ӓ	ö:зӱңӓ	ö:зӱнӓ
Вин.	ö:зӱмнӱ	ö:зӱңнӱ	ö:зӱн
Местн.	ö:зӱмдӓ	ö:зӱндӓ	ö:зӱдӓ
Исх.	ö:зӱмдӱн	ö:зӱндӱн	ö:зӱдӱн
Орудн.	ö:зӱмблӓ/-влӓ	ö:зӱңблӓ/-влӓ	ö:зӱблӓ/-влӓ

мн.число

Им.	ö:зӱбӱс	ö:зӱңнӓр	öстӓ:ри
Род.	ö:зӱбӱснӱң	ö:зӱңнӓрниң	öстӓ:риниң
Дат.	ö:зӱбӱске	ö:зӱңнӓрге	öстӓ:ринӓ:
Вин.	ö:зӱбӱстӱ	ö:зӱңнӓрни	öстӓ:рин
Местн.	ö:зӱбӱстӓ	ö:зӱңнӓрдӓ	öстӓ:ридӓ
Исх.	ö:зӱбӱстӱн	ö:зӱңнӓрдин	öстӓ:риндын
Орудн.	ö:зӱбӱспиле	ö:ӱңнӓрбилӓ/-влӓ	öстӓ:риблӓ/-влӓ

Парадигма склонения местоимения пос сам

ед.число

Им.	по:зум	по:зун	по:зу
Род.	по:зумнуң	по:зуңнуң	по:зунуң
Дат.	по:зумға	по:зуңа:	по:зуна:
Вин.	по:зумну	по:зуңну	по:зун
Местн.	по:зумдӓ	по:зуңда	по:зуде
Исх.	по:зумдун	по:зуңдун	по:зудун
Орудн.	по:зумнаң	по:зуңнаң	по:зунаң

мн.число

Им.	по:зубус	по:зуңнар	постӓ:ры
Род.	по:зубустуң	по:зуңнарның	постӓ:рының
Дат.	по:зубуска	по:зуңнарға	постӓ:рына:
Вин.	по:зубусту	по:зуңнарны	постӓ:ры
Местн.	по:зубуста	по:зуңнарда	постӓ:рында
Исх.	по:зубустун	по:зуңнардын	постӓ:рындын
Орудн.	по:зубусла/-лаң	по:зуңнарнаң	постӓ:рынаң

Долгота гласных объясняется отмеченным нами в чулымско-тюркском языке явлением удлинения гласного, предшествующего аффиксу принадлежности (об этом см. Р.М.Бирюкович,1979а,12).

Относительное местоимение парча 'весь' относится к древнейшему пласту местоимений. В чулымско-тюркском языке принимает аффиксы принадлежности и изменяется по падежам. Следует добавить, что данное местоимение функционирует в языке только с аффиксами принадлежности, что подтверждает высказанное

нами положение о категории принадлежности (понимаемой в широком смысле, как универсальной семантической категории) как семантической доминанты чулымско-тюркского имени. Например, цар чаптыр, парче:зы ақвос 'Снег идет, всё бело' (дословно: все его бело). Парче:зы кёлгён 'Все пришли' (дословно: все их пришли).

Глава II. ГЛАГОЛ

Категория залога

В лингвистической литературе существуют различные определения категории залога. С одной стороны, при определении залога исходят из различных отношений между субъектом и объектом предложения. С другой стороны, в целом ряде последних работ, посвященных данному вопросу, при определении залога исходят из констатации наличия двух уровней анализа: семантического и синтаксического. Взаимоотношение элементов этих уровней берется в основу понимания данной категории, определяемой как диатезы. "Диатезы - это схема соответствия между единицами синтаксического уровня и единицами семантического уровня" (А.А. Холодович, 13, см. также многочисленные работы в специальных изданиях: Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги, Л., 1974; Проблемы теории грамматического залога, Л., 1978). Данный подход реализован также на ряде тюркских языков. Поскольку при таком понимании диатезы на первый план выдвигаются принципы деривации залоговых конструкций, вопросы различия оттенков их значений, видимо, не могут быть освещены в терминах и понятиях, вытекающих из различий в соответствии семантических и синтаксических актантов.

В данной работе принимается следующее определение залога: "Залог - это грамматическая категория, образуемая (поскольку речь идет о глаголе) оппозицией таких рядов грамматических форм, значения которых отличаются друг от друга разной языковой семантической интерпретацией одного и того же понятийного соотношения" S - понятие действия - Ов"; эти различия в языковой семантической интерпретации заключаются в разной направленности глагольного признака по отношению к его носителю, что определяется различиями в соответствии между понятий-

ными категориями S и Ов, с одной стороны, и членами предложения (с их синтаксическим содержанием) - с другой" (А.В.Бондарко, 1978, 45).

В этом определении подчеркивается направленность действия по отношению к субъекту, что находит выражение в синтаксической структуре предложения. Для дифференциации значений различных залоговых форм представляется существенным выделение такого признака, как источник действия. Именно на этом признаке, согласно Э.Бенвенисту, строится противопоставление активного и среднего залогов в индоевропейских языках. "В активном залоге глаголы означают процесс, который исходит из субъекта и развивается вовне. В среднем залоге глагол указывает процесс, который развивается в субъекте: субъект является внутренним по отношению к процессу" (Э.Бенвенист, 188).

Таким образом, при выделении форм категории залога существенными оказываются такие значения, как направленность и нахождение источника действия.

При направленности действия от субъекта действия (подлежащего) на объект (дополнение) при субъекте - источнике действия в языке реализуется активный залог или в соответствии с принятой в тюркологии терминологией основной залог.

При направленности действия на семантический объект (подлежащее) при источнике действия, находящемся вовне, реализуется страдательный залог.

В рамках основного залога в чулымско-тюркском языке при множественном семантическом субъекте (синтаксическом подлежащем) мы выделяем взаимно-совместный и возвратный залоги. Особое место в системе залоговых форм занимают формы понудительного залога (об этом см.ниже).

Основной залог

Форма основного залога представляет собой основу глагола с нулевым показателем и выражает активность семантического (и синтаксического) субъекта (что констатирует соответствие субъекта семантического синтаксическому) при направленности действия от субъекта (подлежащего).

Практически любой глагол может иметь форму основного залога: переходные - қынарга 'любить', чунарға 'стирать', апшинарға 'приносить'; непереходные - се:герәйге 'прыгать', 'танцевать', қыштиːға 'зимовать'.

Взаимно-совместный залог

На семантическом уровне эта залоговая форма обозначает одну позицию субъекта, на синтаксическом - субъект имеет значение множества лиц, что выражается различными языковыми средствами: существительным или местоимением во множ.числе (пис 'мы', оғланнар 'дети' и т.п.), номинативным сочетанием с творительным падежом (мән арғыжывлә 'я с товарищем'), номинативной конструкцией, состоящей из местоимения в основном падеже и существительного в основном падеже (мән ме:ң арғыжым 'я и мой друг'). Эта множественность выражается не только в позиции синтаксического субъекта, но и в глаголе.

Имеющаяся в языке специальная морфема, образующая формы взаимно-совместного залога, представлена несколькими алломорфами: -ш (после основ, оканчивающихся на гласный), -ш/аш, -ыш/-иш, -уш/-ӱш (после основ, оканчивающихся на согласный), например: са:т 'разговаривать'- са:таш 'поговорить', әзән - 'здороваться'- әзәнәш 'поздороваться', пар 'идти'- па:рыш 'идти вместе', сур - 'спрашивать'- суруш - 'спрашивать друг друга', күл - 'смеяться'- күлӱш 'пересмеиваться','смеяться вместе'.

Значение множественности у аффикса -ш выделяется многими учеными (Н.К.Дмитриев, 1956, 71; И.А.Батманов, 1940, 10-11). Некоторыми исследователями это значение считается "центральным в системе значений взаимно-совместного залога" (Э.И.Фазылов).

Значение собирательной множественности у показателя -ш относят к древнейшим значениям данного форманта (Б.А.Серебренников, 1974б, 10; Г.Ф.Благова, 1976).

То, что значение множественности является основным, может быть подтверждено облигаторностью подлежащего во множественном числе, например: ол ырла:н , қызлар күлӱшкән 'он пел, девушки смеялись', при неграмматичности *қыз күлӱшкән 'девушка смеялись'. Иногда все же встречаются подобные синтаксические построения, тогда глагольная форма с формантом -ш показывает, что субъект действует не один, что в действие вовлечены другие лица, например: Мақтан ӧ:зӱ чылыштыр 'Мактан сама ора-

хается , мы:ң е:рем са:тыштыр 'Мой муж торгует'.

Подобное явление (употребление подлежащего в форме единственного числа, а сказуемого с аффиксом -ш) встречается и в казахском языке (С.Аманжолов, 186).

При реализации взаимного значения синтаксический субъект (будучи множественным) выражает два или несколько субъектов, каждый из которых является также и объектом того же действия

Значение взаимного действия у категориальной формы с формантом -ш возникает у переходных глаголов: пис алышра:чъбы 'Мы хотим пожениться' (от глагола ал 'брать'); сурай ӓтиш ваған 'Помолвка состоялась' (от глагола ӓт 'делать');

орнаш- 'обмениваться', са:тыш- 'говорить', кӧрӱш- 'видеться', туташ- 'браться', та:ныш- 'знакомиться',

...

Совместное значение реализуется при направленности действия от (множественного) субъекта. Это значение свойственно не переходным глаголам. Например: ӓп чанда турушубыллар 'Около дома стоят (они)'. пис чолбыле паҕабыс, оғланнар писты сура чӱгӱрӱшканнӓр 'Мы по дороге шли, дети нас обогнали', ча:ныш- 'возвращаться'; қурчаныш- 'подпоясаться'.

Детализация совместного значения проявляется в выражении значения совместного действия, при котором множественный субъект представлен расчлененно: как основной носитель глагольного признака и другой (другие), оказывающий помощь первому (первым). В этом значении выступают, как правило, переходные глаголы: салаш 'помогать класть', паҕлаш- 'помогать вязать', ӓмнаш- 'помогать лечить' и т.д.

Таким образом, взаимное значение проявляется у переходных глаголов, совместное значение - у непереходных глаголов.

Разграничение значений совместности, точнее значения оказание помощи и взаимности, осуществляется прежде всего исходя из семантики глагола. Однако в тех случаях, когда разграничение данных значений на основе семантики глагола оказывается затрудненным, критерием разграничения может служить их различная дистрибуция. Так, при значении взаимности возможна синтаксическая сочетаемость со словосочетанием ӧс арӓзында 'между собой'. На выявление значения взаимности из синтаксического окружения (наличие специальных слов: сам, друг другу, с, взаимно) указывает Л.Н.Харитонов (1963, 35). Подобная сочетаемость невозможна при реализации значения совместности (значения оказания помощи). Неграмматично *олар пир пирзивлӓн (ӧс арӓзында) паглашқан 'Они друг с другом (между собой) вязали'.

Возвратный залог

Возвратный залог выражает действие, исходящее от субъекта и направленное на него, т.е. описываемый залог однореферентен (представлен один референт и для субъекта и для объекта). Формы возвратного залога образуются с помощью двух алломорфов: -н (после основ, оканчивающихся на согласный) и -ын/-ин, -ун/-ӱн (после основ, оканчивающихся на гласных). У этой формы можно выделить следующие значения:

1) собственно-возвратное значение, например: та:рын - 'причесываться', чу:н -'мыться', кӧрнӱ- (смотреться (в зеркало) , чазын -'прятаться', ӓмнӓ - 'лечить', ӓмнӓн -'лечись', тик - 'шить', тигин -'шить себе';

2) косвенно-возвратное, передающее: а) значение "для себя", б) значение внутреннего состояния в самом субъекте, например: а) пешкырын- 'убираться', пыжырын- 'варить', сурун -'просить-ся'; б) пӧгӱн - 'думать', оскун -'трезветь'.

Страдательный залог

Страдательный залог выражает направленность действия на семантический объект (синтаксическое подлежащее). Источником действия при этом является семантический субъект (косвенное дополнение). Источник действия в предложении может быть указан, а может быть и не указан, т.е. семантический объект обозначен в предложении синтаксическим субъектом, а глагол при этом получает морфологический показатель, выражающий значение состояния синтаксического субъекта. Образуется страдательный залог при помощи алломорфов -л (после основ, оканчивающихся на гласный), -ыл/-ил, -ул/-ӱл (после основ, оканчивающихся на согласный), а также алломорфов -н, -ан/-ӓн, -ын/-ин, ун/ӱн (после основ, содержащих звук л). Дистрибуция последних аналогична дистрибуции указанных выше алломорфов. Например: сана- 'считать','читать'- санал -'читаться','считаться', та:п -'находить' та:был- 'находиться', паҕла- 'вязать'- паҕлан- 'быть связанным', сал- 'класть'- салын -'быть положенным'.

Страдательный залог образуется, как правило, от каждого переходного глагола. Однако глаголы, при которых семантический субъект представляет собой лицо, воспринимающее действие, а не действующее лицо (т.е. является реципиентом), трансформированные в страдательную форму, выражают значения состояния субъекта, не являющегося результатом внешнего действия, а выражают особое состояние, например: ма: кӧ:руне 'мне видится', ма: е:житилӓ 'мне слышится'.

Формы страдательного залога употребляются, как правило, для устранения семантического деятеля. Эти конструкции присущи больше книжному стилю. Поскольку чулымско-тюркский представлен только формой разговорной речи, в силу особенностей данного функционального стиля он употребляется в исследуемом языке довольно редко.

Понудительный залог

Понудительный залог, выделяемый также в других тюркских языках, выражает такое действие, при котором субъект воздействуя на объект, способствует (побуждает к) превращению его в субъект другого действия. Если под залогом понимать диатезы (соотношение семантических и синтаксических актантов), то понудительные (каузативные) формы не могут быть включены в систему залога, так как они всегда соответствуют активному залогу (подлежащее в синтаксических конструкциях с каузативными формами всегда будет являться агентом). Формы эти могут рассматриваться лишь в рамках одной диатезы. В соответствии с принятым нами выше определением залога, где отмечается разная направленность глагольного признака по отношению к его носителю, отнесение понудительных форм к залогу может, по-видимому, быть с оговорками. Специфика понудительных форм заключается в том, что семантически они выражают два субъекта: один - агент, другой - субъект, являющийся одновременно семантическим объектом глагольного действия. Например: оскурайга 'разбудить'- субъект делает так, чтобы кто-то (семантический объект) проснулся и он же этот объект является также субъектом действия. В семантической структуре, таким образом, представлено сложное образование: два субъекта, один из которых обязательно агент, второй - может быть и агентом и пациенсом, в зависимости от

ситуации. На семантическом уровне присутствуют два субъекта, каждый со своим признаком, а на синтаксическом уровне представлена структура с одним подлежащим и дополнением. Глагол выражает два разных категориальных значения: 1) действие и 2) приведение в действие.

Всё это и, главным образом, видимо, то, что дополнение может представлять собой агента, даёт основание считать эти глагольные формы категориальными формами понудительного залога. Здесь мы не касаемся требующего специального рассмотрения вопроса о семантическом аспекте каузации. Этому вопросу посвящена специальная работа И.В.Кормушина, где он рассматривает семантический механизм каузации (И.В.Кормушин, 79-82).

В чулымско-тюркском языке существуют следующие аффиксы для образования понудительных форм:

1) -тыр/-тир, -тур/-тӱр, после основ, оканчивающихся на глухой согласный; -дыр/-дир, -дур/-дӱр, после основ, оканчивающихся на звонкий согласный. Указанные аффиксы присоединяются, как правило, к односложным основам, например: чар- 'рубить'- ча:ртыр 'заставить рубить', ат- 'делать'- ӓттир 'заставить сделать', соқ -'ударять'- со:қтур 'заставить ударить', тоқ- 'разливать'- тӧктӱр 'заставить разлить', қал - оставлять - қалдыр 'заставить оставить'; чи- 'есть'- че:лдир 'заставить есть', чун- 'мыть'- чундур 'заставить мыть'; кӱл-'смеяться'- кӱлдӱр 'заставить смеяться';

2) -т после основ, оканчивающихся на гласный и сонорный р, например: шана -'измерять'- шанат 'заставить измерить', ақта 'белить'- ақтат 'заставить белить', қайна -'варить'- қайнат 'сделать так, чтобы сварилось', 'заставь варить', ойна - 'играть'- ойнат 'заставь играть', сыңра - 'звонить'- сыңрат 'сделать так, чтобы звонило', 'заставить звонить', айғла -'кричать' - айғылат 'заставь кричать', о:лур -'сидеть'- олурт 'заставь сесть';

3)-ар/-ӓр, ыр/-ир, -ур/-ӱр, например: шық -'выходить'- шыгар- 'заставить выйти', пыш -'варить'- пыжыр 'заставить варить', чат -'утаить'- чаттыр 'заставить утаить', ич -'пить'- ичир -'заставить пить', ӱч -'лететь'- ӱчӱр - 'заставить лететь', ӧл -'умирать'- ӧлӱр 'убить';

4) -қыр/-кир, -кур/-кӱр, например: осқур -'будить';

5) -қыс/-кис, -қус/-кӱс: чат -'лежать'- чатқыс 'заставь лежать', сделать так, чтобы лежал, тур - стоять - турғус -'ставить'.

Формы выражения способов глагольного действия

Ряд аналитических конструкций чулымско-тюркского языка, выражающих различные характеристики, особенности протекания глагольного действия, не был предметом специального исследования. Некоторые из аналитических форм были включены А.П.Дульзоном в систему времен чулымско-тюркского языка, другие, функционально тождественные первым, не были отнесены им к временным формам. В связи с этим было бы целесообразно рассмотреть аналитические конструкции чулымско-тюркского языка для определения их природы и закономерностей функционирования.

Аналитические конструкции, состоящие из деепричастия и вспомогательного глагола, существуют во всех тюркских языках и квалифицируются учеными либо как видовые формы, либо как формы, выражающие способы глагольного действия.

На современном этапе развития лингвистической науки проблемы, связанные со структурой выражения особенностей протекания глагольного действия, семантикой этих форм, выделены в особый раздел языкознания - аспектологию, включающую, по признанию многих ученых, вопросы грамматической категории вида и проблему способов глагольного действия (Aktionsart).

Тщательный анализ развития теории грамматической категории вида и способов глагольного действия дается в работах Ю.С.Маслова, Б.А.Серебренникова, Н.С.Авиловой, Д.М.Насилова и др.

Изучение категории вида в тюркских языках также имеет свою историю. Одни ученые признают наличие категории вида в тюркских языках или видовых значений, другие - отрицают. В работах некоторых ученых эти формы рассматриваются как "формы, выражающие характер протекания действия".

Мы придерживаемся точки зрения Б.А.Серебренникова, подчеркивающего необходимость систематического противопоставления в языке форм, конституирующих грамматическую категорию: "Вид как грамматическая категория,- пишет Б.А.Серебренников,- может существовать при следующих условиях:

1. Грамматическое оформление вида должно иметь тотальное распространение, т.е. проявляться во всех тех случаях, где по условиям возможно оформление вида.

2. Глаголы, регулярно получающие оформление вида, должны входить в коррелятивные пары с глаголами другого вида.

3. Вид должен быть такой структурно оформленной категорией, которая выражала бы видовые различия, независимо от момента речи" (Б.А.Серебренников, 1960, 28). На основании того, что имеющиеся в тюркских языках отдельные аффиксы для выражения характеристики протекания действия (процесса), а также аналитические формы, используемые для этих целей, не выдерживают выдвинутых выше критериев, Б.А.Серебренников делает вывод об отсутствии категории вида в тюркских языках и наличии в них видовых классов.

Исходя из посылки отсутствия грамматической категории вида в тюркских языках, обратимся к рассмотрению аналитических конструкций в чулымско-тюркском языке с целью определения их функционального статуса. В названном языке имеются следующие аналитические конструкции: 1) деепричастие на -п плюс вспомогательный глагол пар- 'идти'; 2) деепричастие на -п плюс вспомогательный глагол сал- 'класть'; 3) деепричастие на -п плюс вспомогательный глагол ыс- 'посылать'; 4) деепричастие на -п плюс вспомогательный глагол чат- 'лежать'; 5) деепричастие на -п плюс вспомогательный глагол ас- 'превышать'.

Формы с вспомогательными глаголами на ыс- и чат- рассматриваются А.П.Дульзоном как временные. Так, форма пыжыпыскан 'начала поспевать' определяется как форма прошедшего времени, а форма па:рыстық '(он) пойдет' как форма будущего совершенного времени, форма па:р йадим '(я) иду' квалифицируется как форма настоящего данного момента, а форма па:р йатқан '(он) шел' как форма прошедшего времени данного момента (А.П.Дульзон, 1961, 114, 107, 118).

Формы же с вспомогательными глаголами пар 'идти' и сал- 'класть' не включены им в систему времен. Конструкция с глаголом ас- 'превышать', не была выделена в ряду аналитических конструкций. Между тем, основанием для отнесения вышеприведенных примеров (пыжыпыскан, па:рыстық , па:р йадим, па:р йатқам) к временным послужили специальные форманты категории времени. Но они могут быть присоединены к любым основам, например, к глаголам пар 'идти', сал 'класть' и ас 'вешать' и обозначать, как и указанные выше формы, препозицию или постпозицию действия к моменту речи, т.е. будущее или прошедшее время, например, чи:п парган 'он съел', чи:п салған 'он съел', чи:п асхан 'он съел', чи:п парлық 'он съест' и т.д.

Приведенные примеры (чи:п парған , чи:п салған , чи:п асхан) – синонимичны. Анализ семантической дифференциации этих форм будет дан нами ниже. Более прозрачные примеры, например, поройпысхан '(он) начал седеть', порой парған '(он) поседел', тустап салған '(он) посолил', тустап асхан '(он) (сильно) посолил' свидетельствуют о выраженной в этих формах характеристика, особенностях протекания глагольного действия (процесса) т.е. вышеперечисленные конструкции могут представлять собой либо формы категории вида, либо формы выражения способов глагольного действия.

В рассматриваемых аналитических конструкциях вспомогательные глаголы представляют собой десемантизированные лексические едини ы. Но процесс десемантизации их не дошел до ступени полной их грамматикализации, как, к примеру, в германских языках, где вспомогательный глагол, например в английском языке в Continious Aspect, является лишь показателем лица, числа и времени и не привносит дополнительных значений в лексическое значение основного глагола.

В тюркских языках в аналитических конструкциях к лексическому значению основного глагола добавляются различные оттенки значений в плане модификации способа протекания действия. Например, чумурт пыпыпысхан 'черемуха начала поспевать', қарағат пыпіған <(пыш парған) 'черная смородина поспела'. Это свидетельствует о том, что вспомогательный глагол обладает определенной семантикой.

Не имея чисто грамматического значения и не обладая тем лексическим значением, которое свойственно ему, будучи употребленным в функции смыслового глагола, вспомогательный глагол в данных аналитических конструкциях в тюркских языках выражает семантические категориальные признаки. Говоря о категориальных признаках, имеют в виду ту категорию, которую называют характером глагольного действия, заложенную в семантике глагольной основы. Большинство исследователей не делает различия между характером протекания глагольного действия, т.е. "способом действия" (Ю.С.Маслов, 1965, 53-80; А.В.Бондарко, Л.Л.Буланин), имеющим в славянских языках морфемное выражение, и тем характером действия, которое является компонентом лексического значения (без формального средства выражения). Правда, Ю.С.Маслов и А.В.Бондарко отмечают "характеризованные" и "нехарактеризованные" способы действия, имея при этом в виду только формальные средства выражения способов действия. Однако различие это обусловлено различием уровней абстракции словообразовательных и лексических средств.

О наличии высокой степени лексической абстракции говорят многие ученые. Так, И.Польдауф говорит о "линеарности" характера действия, что "проявляется в возможности образования совершенной формы (И.Польдауф, 77-89); термин "линеарность" обозначает в советском языкознании категорию предельности/непредельности. Это же свойство, т.е. косвенное проявление способности образовывать те или иные формы, отмечается Ю.С.Масловым. Так, категория предельности/непредельности проявляет себя, как подчеркивает Ю.С.Маслов, через "явление видовой дефективности". Категория предельности/непредельности относится А.В.Бондарко и Л.Л.Буланиным к "высшим абстракциям", "предельность – наличие внутреннего предела, которого достигает или к которому стремится действие. Этот предел предполагается самой природой, характером действия" (А.В.Бондарко, Л.Л.Буланин, 28). Получается, что перечисленные исследователи: Польдауф, Ю.С.Маслов, А.В.Бондарко, Л.Л.Буланин имеют в виду явление одного порядка – семантическую категорию, представляющую собой высокую степень лексической абстракции, объединяющей классы глаголов и проявляющуюся косвенно в словообразовательной способности глагола. Здесь имеются в виду не лексико-семантические разряды глаголов, а классы слов с более абстрактным значением, выражающие действие, охарактеризованное либо как протекающее во времени, либо дается количественная характеристика. Попытка такой классификации сделана Е.Л.Кривченко на материале русских и немецких каузативных глаголов (Е.Л.Кривченко, 6-17).

Процессы, выражаемые глаголами, структурируются в языке по-разному. Глаголы, попадая в классы, характеризующиеся, например, как физические действия, маркируются признаками, которые показывают, что действие обладает интенсивностью, полнотой, т.е. количеством, либо временем (протяженностью, мгновенностью). Это позволяет говорить о том, что семантика глагольной основы такова, что позволяет определенные модификации выражаемого действия. Следовательно, способы действия предопределены семантикой глагольной основы, содержащей семы времени или интенсивности.

Поскольку в тюркских языках лексическая семантика находится только в стадии изучения, а работы по выделению классов слов с высшей лексической абстракцией не появлялись, при анализе форм способов действия, выраженных аналитическими конструкциями, мы будем опираться на компонентный анализ для выявления категориальной релевантности семы, сохраняющейся у десемантизованного глагола, которая выражает тот или иной способ протекания действия.

Анализ аналитических конструкций начнем с синонимической пары на -п + вспомогательный глагол пар- 'идти' и -п + вспомогательный глагол сал- 'класть' наиболее сложных для разграничения их значений.

Изучая функционирование этих форм, мы столкнулись с трудностью их дифференциации. С одной стороны, они могут употребляться синонимично, с другой стороны - в целом ряде случаев допустима только одна из указанных конструкций, например: а) олар чаң ыр ырлап паҕаннар (можно сказать ырлап салҕаннар) 'Они спели новую песню'. мән ат мүнүп паҕам (можно сказать мүнүп салҕам) 'Я сел (верхом) на лошадь'. мән чип паҕам (можно сказать мән чип салҕам) 'Я съел'; б) сән айтыаң ба?- айтып салҕам. 'Ты сказал? - Сказал'(форма айтып паҕам неграмматична). сән ежитке:ң? - ӓштеп паҕам.'Ты слышал? - Слышал' (форма ӓштеп салҕам неграмматична), ӱрнӱп паҕам 'Я обрадовался' (форма ӱрнӱп салҕам неграмматична). И в той и в другой группе примеров в рассматриваемых конструкциях проявляется значение завершенности. Это значение является тем общим признаком, на котором базируется синонимичность исследуемых конструкций. Однако для разграничения конструкций -п + вспомогательный глагол пар- 'идти' и -п + вспомогательный глагол сал- 'класть' существенными оказываются другие признаки.

Рассмотрим каждый из вспомогательных глаголов данных конструкций. Глагол пар- 'идти' относится к лексико-семантическому разряду глаголов движения. Движение предполагает изменение в пространстве и времени. Этот абстрагированный признак "изменение" и является тем категориальным признаком, который сохраняет данный вспомогательный глагол. По отношению к субъекту действия (лице, предмета) движение может быть производимым или не производимым самим субъектом, т.е. может быть зависящим, преднамеренным (произвольным) или независимым, непреднамеренным (непроизвольным). Кроме того, глаголы движения являются непредельными. Однако непредельные глаголы могут выражать начинательную предельность. Таким образом, у десемантизированного глагола пар- 'идти' содержатся семы: а) изменение во времени, б) непроизвольности или произвольности действия (относительно субъекта действия), в) начинательная предельность.

Глагол сал- 'класть' - семантически предельный, каузативный глагол. Предельность обозначает стремление к какому-то пределу, что характеризует сему: результативность, завершенность. Каузирование какого-либо действия предполагает обязательно признак преднамеренности (произвольности) действия, что является вторым семантическим признаком этого глагола. Таким образом, завершенность (результативность) и произвольность (преднамеренность) действия являются теми категориальными признаками, которые сохраняются у десемантизованного глагола сал- в аналитической конструкции -п + сал-.

Эти семантические признаки предопределяют значения указанных конструкций. Для анализа значений рассматриваемых конструкций, в которых актуализируются выделенные семантические признаки, приведем таблицу возможных употреблений с вспомогательными глаголами пар- и сал- (знак "-" означает отсутствие; выпадение звука "р" в глаголе пар- идти обусловлено диалектными различиями: в н.чул. звук "р" сохраняется, в ср.чул.- выпадает; в форме деепричастия наблюдается тенденция редукции аффикса -ып. Однако определенных закономерностей установить не удалось, так как очень часто сокращенная и полная форма соединительного деепричастия употребляется факультативно одним и тем же лицом, например: кӧр паҕам параллельно с кӧреп паҕам 'я видел').

Таблица I

Аналитическая конструкция		Значение
-п + пар-	-п + сал-	
I	2	3
I. от ке:п паҕан	-	трава высохла
ӓп ӓргип парҕан	-	дом стал старый
ол ке:реп паҕан	-	он постарел
ол порой паҕан	-	он поседел

I	2	3
	пыш паған –	поспела (ягода)
	аза:ғым көп паған –	нога опухла
	ӧп қойоп парған –	дом сгорел
	ӱрнӱп парлықым –	(я) обрадуюсь
	кӱн ӓртеп парлық –	день пройдет
	тестӓм ачыт паған –	тесто подошло (прокисл
	ол парлық –	он умрет
	кынып паған –	я полюбил
	пай паған –	он разбогател
	қар е:р паған –	снег растаял
2.	қо:лун ке:с парған –	он руку порезал
	мӓн аңнап паған –	я упал
	мылтық ат парған –	ружье выстрелило
	ке:рӧчқа пет паған –	старик утонул
	ітӓрлӓп парлықым –	вспотею
	чӓл тӱш ваған –	ветер подул
	пудақ сынпарған –	ветка сломалась
	чӓл ағашты пӱк ваған –	ветер дерево согнул
	чылтыс е:реп паған –	корень врос
	чымычхы шық паған –	прыщ выскочил
	е:жик аштып паған –	дверь открылась
	көрӱп корғул парған –	он, увидев, испугался
	қар ча:п паған –	снег выпал
8.	чи:п паған чи:п салған	(я) съел
	ичип пағабыс ичип салғабыс	(мы) выпили
	аш е:т паған аш е:т салған	(я) еду приготовил
	қабаш парлықым қабаш саллыкым	помогу
	қайнат паған қайнат салған	(я) вскипятил
	парлап паған парлап салған	(он) связал
	мӱнӱп паған мӱнӱп салған	(я) сел верхом
	ырлып пағаннар ырлып салғаннар	(они) спели
	тик парлыкым тик саллыкым	(я) сошью
	чӱрштӱп паған чӱрштӱп салған	(он) снял (с огня)
	мӱн қос паған мӱн қос салған	суп поставила (греть)
	о:дуң са:п паған о:дуң са:п салған	дрова положил

Таблица свидетельствует о том, что в примерах под пунктом I и 2 в аналитической конструкции употребляется только вспомогательный глагол пар-'идти'. Анализ примеров дает основание заключить, что в примерах под пунктом I у глагола пар- реализован первый из вышеназванных семантических признаков - изменение (состояния, переход одного состояния в другое). В примерах под пунктом 2 реализован второй семантический признак, свойственный глаголу пар- 'идти' - нецеленаправленного, непроизвольного процесса, независящего от (воли) лица, субъекта, предмета, с которым происходит этот процесс.

В этих двух значениях, как показывает таблица (основанная на материале наших полевых записей), конструкции на -п + вспомогательный глагол пар- и на -п + вспомогательный глагол сал- не коррелируют. Конструкция с вспомогательным глаголом сал- здесь не употребляется в силу того, что во вспомогательном глаголе сал- может реализоваться только свойственный ему категориальный признак - целенаправленность, произвольность, предполагающий обязательное наличие агента (субъект в этой конструкции является агентом). В конструкции с вспомогательным глаголом пар- в этих значениях актуализируются семы изменение и нецеленаправленность, произвольность, в силу чего субъект не является агентом. В добавление к упомянутым выше примерам приведем еще два, особенно ярко иллюстрирующие вышеизложенное: ол иге қыс ту:п салған 'Она родила двух девочек', форма ту:п паған неграмматична (заключение, сделанное исходя из замечаний информантов) и иге қыс ту:п паған 'Две девочки родились'. ол өл паған 'он умер', ол өл салған (последний пример неграмматичен). В примерах под пунктом 3 анализируемые конструкции коррелируют. Это объясняется тем, что в этих примерах вспомогательный глагол пар- реализует сему произвольность, целенаправленность, предполагающий субъект, который является агентом, т.е. то, что составляет семантический признак вспомогательного глагола сал-. В данном случае обе конструкции выступают в значении завершенности. Однако в конструкции с вспомогательным глаголом сал- имеется в виду завершенность в результате однофазисного действия (что содержится в семантике глагола сал- 'класть'), а в конструкции с вспомогательным глаголом пар- 'идти' выражается завершенность, предполагающая предшествующую длительность действия.

Справедливость подобной дифференциации этих конструкций в

указанном значении может быть подтверждена тестированием: I) чыдыр салҕам 'Я потерял' и чыдыр паҕам не грамматично, так как терять длительное время нельзя (терять многократно можно, а это уже сфера употребления одноактных предельных глаголов, каковым является сал-); 2) чӓнжил салҕан 'Уколол (он)', чӓнжил паҕан. Второй вариант не грамматичен, так как уколоть длительное время нельзя; 3) адай моҕалаҕ ӱрӱп паҕан 'Собака прогнала медведя' (она прогнала его в результате предшествующего длительного действия "лая"); ӱрӱп салҕан в данном контексте не употребимо, так как эта форма может означать гавкнула, что не повлечет за собой выраженного выше результата (прогнала), поэтому информант констатирует факт неграмматичности последней из упомянутых конструкций в данном контексте; 4) аҕотник тӱн тайҕадын шыҕ паҕан 'Охотник вышел из глухой тайги'; употребление конструкции с вспомогательным глаголом пар- обусловлено реализацией значения завершенности в результате предшествующего длительного действия: охотник долго бродил и вышел из тайги. В этом контексте информант указывает на невозможность употребления конструкции с вспомогательным глаголом сал-. Примеры при желании можно увеличить в несколько раз.

Таким образом, конструкция на -п плюс вспомогательный глагол пар- является формой выражения определенных способов протекания действия. Действие (процесс) может характеризоваться как изменяющееся во времени (выражает изменение признака, качества, свойственного лицу, предмету). Это изменение признака, качества может быть непроизвольным и произвольным. При произвольном характере действия субъект всегда выступает как агент, а действие при этом характеризуется как завершенное в результате предшествующего длительного действия. При конструкции с вспомогательным глаголом сал- действие характеризуется как завершенное в результате однофазного акта.

Конструкция с вспомогательным глаголом ыс 'посылать' выражает в чулымско-тюркском языке способ протекания глагольного действия, характеризующий его как ингрессивное, т.е. обозначающий достижение результата в процессе возникновения явления. Это значение обусловлено семантическими признаками, содержащимися в десемантизованном вспомогательном глаголе. Глагол ыс 'посылать', 'послать'- однофазисный, предельный. Это способствует реализации семы достижения предела, завершенности действия (процесса). Кроме того, лексическая семантика глагола ыс 'посылать' предполагает действие, обозначающее начало. Следовательно, начало и завершенность (действия, процесса) являются теми семантическими признаками, которые сохраняются в лишенном лексического значения вспомогательном глаголе ыс-.

Примеры: кеːрепискен 'ˀ(Он) начал стареть (постарел)', чӱгӱрӱпискӓн 'Он побежал', қыныпысхан 'Он полюбил', пайыпысхан Он разбогател (начал богатеть)', чақшы чуртапысхан 'Он хорошо зажил'(начал хорошо жить) , ағрыпысхан 'Он заболел'(начал болеть) , адай ӱрӱпискӓн 'ˀСобака залаяла'(начала лаять) , атыпысхан 'Он застрелил'(означает, что зверь еще живой, а если мертвый, то это обозначается конструкцией атҕалҕан 'Он застрелил'(убил) ; тигипискӓн 'ˀОн начал шить'(тик паҕан 'сшил'), сӓн пискӓ пазақ чӧːрӱпискӓн 'ˀТы к нам опять начал ходить' (не ходил, а теперь "заходил") , чиːпискем 'Я начал есть' (чиːп паҕам, или чиːп салҕам 'Я поел' ; пӱːн чылыҕ кӱн, чӧмӧ кеːпистик 'Сегодня день теплый, вещи уже начали высыхать'.

Конструкция -п + вспомогательный глагол ас- выражает значение интенсивности, полноты действия (процесса), например: адай қой тутуп асхан 'Собака овцу схватила'(до смерти). мӓн қой тутуп асхам 'ˀЯ схватил овцу'(информант пояснил: "Так не говорят, у тебя такой силы нет"). В данной конструкции трудность вызывает соотнесение вспомогательного глагола ас- с полнозначным глаголом. Чисто фонетически он соотносится с глаголом ас- 'висеть', в лексической семантике которого признаки интенсивности и полноты действия отсутствуют. В то же время имея дело с элементами морфологического уровня, обладающими свойствами высокой степени абстракции, можно было бы предположить наличие в глаголе ас- 'висеть' "потенциальных сем" (о термине и понятии см. В.Г.Гак, 1976, 87), которые привносятся в конструкцию на основании переосмысления лексического значения глагола ас- 'висеть'. И все же, видимо, ближе к истине мысль, высказанная по этому поводу Е.И.Убрятовой, предположившей в основе этой формы глагол аш- 'переваливать, преодолевать', встречающийся в соседнем хакасском языке в форме ас- со значениями: I) превышать что-либо ; 2) повышаться, подниматься ; 3) обгонять, перегонять; 4) осилить кого-либо и др. (И.А.Баскаков и А.И.Инкижекова-Грекул). Следует только отметить, что чередование ш - с в ауслауте в чулым-

ско-тюркском четко соблюдается: звук с в ауслауте встречается только в (контактирующем с кызыльским диалектом хакасского языка) мелетском говоре чулымско-тюркского языка, в то время как вспомогательный глагол в форме ас- функционирует во всех говорах. Если допустить, что влияние хакасского языка в этой изоглоссе сказалось на все говоры (что, видимо, можно, принимая во внимание схождения чулымско-тюркского с хакасским языком), то можно предположить, что мы имеем дело с вспомогательным глаголом ас-, соотносящимся с полнозначным глаголом ас, который в функции вспомогательного глагола реализует значения превышать что-либо, осилить кого-либо, обгонять кого-либо, что-либо. Анализ примеров употребления конструкции -п + вспомогательный глагол ас- показывает, что во вспомогательном глаголе актуализируется каузативное значение глагола ас , которое содержит сему преднамеренного произвольного действия, производимого субъектом, поэтому в рассматриваемой конструкции субъект всегда агент, например, узуп асхан 'Он (глубоко) заснул', кор туп асхам 'Я (сильно) испугался'. мăн ăп ăртăп асхам 'Я поджег дом', но* ăп ăртăп асхан . По поводу неграмматичности последнего предложения информант заметил: "У меня руки, ноги есть, а у дома нет, он сам себя поджечь не может". Кроме того, глагол ас реализует также значение интенсивности, полноты действия, например: тустап салған 'Он посолил'- тустап асхан 'Он пересолил', чăнжип салған 'Он уколол'-чăнжип асхан 'Он сильно уколо Следовательно, теми семантическими признаками, которые обусловливают значение конструкции -п + вспомогательный глагол ас - являются: интенсивность, полнота действия, при котором субъект агент.

Таким образом, в аналитических конструкциях в качестве вспомогательных глаголов используются:

I) глагол движения пар- 'идти', сохраняющий от абстрактного лексического значения сему изменение (во времени), обозначает как непроизвольное, так и произвольное действие. Глагол пар может актуализировать и тот и другой признак. В первом случае конструкция с вспомогательным глаголом пар- выражает один способ действия: изменение состояния, непроизвольное действие, в котором субъект - не Агент; во втором случае реализуется другой признак и, следовательно, выражается другой способ, характеризующий протекание действия как завершенное в результате предшествующей длительности действия.

2) семантические каузативы: сал- 'класть', ыс-'посылать ас- 'превышать'.

Поскольку каузирование какого-либо действия предполагает признак преднамеренности (произвольности) действия, то в этих глаголах содержится сема активности, иначе говоря, аналитические конструкции с рассматриваемыми вспомогательными глаголами обозначают действие, при котором субъект - производитель этого действия, Агент. Будучи предельными, указанные глаголы содержат также сему фазисности. Эти релевантные признаки определяют способы протекания действия: ингрессивный, интенсивный, завершенный.

Категория наклонения и времени

Изъявительное наклонение

"Категория времени - это словоизменительная грамматическая категория, обозначающая отношение глагольного действия к одному из трех реальных временных планов - настоящего, прошедшего, будущего" (Грамматика русского языка, I960, 356).

За точку отсчета глагольного действия или состояния, как правило, принимается момент речи. "Грамматическая категория времени в языке возникает из потребности хронологической соотнесенности сообщаемого с моментом речи" (Б.А.Серебренников, 1960, с.8).

Определение категории времени через отношение действия к моменту речи находит возражение со стороны некоторых лингвистов, отмечающих, что понятие момента речи привносит субъективный фактор в определение грамматической категории (Н.С.Поспелов, 295-296), приводит к смешению грамматического, объективного и субъективного времени (И.Г.Кошевая, I972, I48; I976, 77-8I). Отрицание понятия "момента речи" при определении грамматической категории времени не нашло широкой поддержки среди лингвистов. Ученые, выступающие в защиту понятия "момента речи", подчеркивают, что говорящий непроизвольно устанавливает момент речи, а "исходным моментом", "нулем" грамматического обозначения времени является момент данной речи, который есть не что иное, как определенный момент объективного времени. Отмечая объективный характер момента речи, Б.А.Серебренников подчеркивает: "Без активной роли субъекта речи говорящего, вообще никакая действи-

тельная коммуникация невозможна. Выражения в языке соотносител ности действия или состояния с моментом сообщения порождается необходимостью общения, а не представляет результат упражнений теоретиков-лингвистов в психологическом анализе процесса речи" (Б.А.Серебренников, 1960, 9). Таким образом, момент речи является точкой отсчета глагольного действия: препозиция действия моменту речи есть временной план прошедшего, совпадение глагольного действия с моментом речи - временной план настоящего и постпозиция глагольного действия моменту речи представляет собой временной план будущего.

Система времен в изъявительном наклонении в чулымско-тюркском языке представлена разветвленной системой форм настоящего прошедшего и будущего времени. Анализ категории времени осуществляется в данной работе на основе компонентного анализа (Е.И. Шендельс, 124) и метода грамматических оппозиций (И.Б.Хлебникова). При анализе временных форм чулымско-тюркского языка мы акцентируем свое внимание на системе времен среднечулымского диалекта, так как в работах А.П.Дульзона рассматривается временная система нижнечулымского диалекта. В работе М.А.Абрахманова, хотя автор и делает ссылку на среднечулымский диалект, представлены парадигмы спряжения и система времени также нижнечулымского диалекта (М.А.Абдрахманов, 1970).

Настоящее время

В поле настоящего времени А.П.Дульзон выделил: 1) настоящее обычное время на -ады/-еди; 2) настоящее данного момента на -тур; 3) настоящее данного момента на -йат (н.чул.), -чат (ср. чул.); 4) настоящее данного момента на от' (н.чул.); 5) настоящее данного момента на -был/-бил (ср.чул.).

Последняя из перечисленных форм, отмеченная А.П.Дульзоном только для среднечулымского диалекта, была принята им за особую форму, образуемую с помощью морфемы -бъл. Исследования показали что перед нами форма, аналогичная нижнечулымской форме на от', в образовании которой был использован тот же вспомогательный глагол, но в другом фонетическом варианте (подробно об этом см. ниже). Поэтому эту форму мы в дальнейшем будем называть форма на -ыл(-ъл). Нами выделена временная форма, не отмеченная в литературе - форма на -ыл(ъл) + чат. Для дифференциации целого р

да указанных форм настоящего времени данного момента необходимо проанализировать каждую из упомянутых форм в отдельности и определить её место во всей системе времен чулымско-тюркского языка.

Форма на -ады

В работах А.П.Дульзона эта форма, называемая настоящим обычным временем на -ды, -ди, описывается как форма, состоящая из слитного деепричастия, к которому присоединяется аффикс -ды/-ди. Аффикс -ды/-ди возводится к аффиксу -дыр/-тыр< турур (А.П.Дульзон, 1960, 103).

Аналогичное объяснение дается и другими исследователями тюркских языков, в которых отмечена данная форма настоящего времени.

А.Н.Кононов рассматривает элемент -а/-й основы анализируемой формы времени в узбекском языке как показатель времени, восходящий к аффиксу -ар, который в свою очередь восходит к аффиксу дательно-направительного падежа -гар< гару (А.Н.Кононов, 1960, 209). В якутском языке, имеющем окончание -ар в 3-м лице ед.числа, о генезисе этой формы учеными высказаны также различные точки зрения (см.подробно анализ точек зрения в работе Е.И.Коркиной, которая вслед за О.Бетлингком считает её развившейся из причастия на -ар/-ыр с помощью аффиксов лица с выпадением -р в 1-м и 2-м лицах ед. и мн.числа; Е.И.Коркина, 35-46).

В отношении развития анализируемой формы в тюркских языках существует отличная от вышеупомянутых точка зрения, рассматривающая эту форму как временную форму на -ады и предполагающая, что она представляет собой контаминацию -а (носитель настоящего времени) и -ды/-т - древнее причастие, недифференцированное во временном отношении (Н.З.Гаджиева, 1975а, 281).

Если принять во внимание, что временные формы, состоящие из деепричастия и вспомогательного глагола, используются в исследуемом языке для выражения модификации способов глагольного действия, а анализируемая форма противостоит всем остальным формам в поле настоящего времени как нейтральная в этом отношении, и обладает значением, как будет подробно показано ниже, позволяющим именовать его вневременным, то специфике данной

формы в чулымско-тюркском языке, по всей вероятности, более соответствует предположение о её происхождении, высказанное Н.З. Гаджиевой, поэтому в данной работе она так и именуется.

Парадигма спряжения глаголов ал-'брать', пăр- 'давать', и глагола с основой на гласный сана- 'считать'

мăн	аладым	пăрăдим	сани:дым
сăн	аладың	пăрăдиң	сани:диң
ол	алады	пăрăди	сани:ды
пис	аладыбыс	пăрăдибис	сани:дыбыс
силăр	аладыңар	пăрăдиңăр	сани:дыңар
олар	алады(лар)	пăрăди(лăр)	сани:ды(лар)

Отрицательная форма

мăн	алар чоқмăн	сани	чоқмăн
сăн	алар чоқсуң	сани	чоқсуң
ол	алар чоқ	сани	чоқ
пис	алар чоқпус	сани	чоқпус
силăр	алар чоқсуңнар	сани	чоқсуңнар
олар	алар чоқ(тар)	сани	чоқ(тар)

Вопросительная форма образуется путем присоединения вопросительной частицы -ба/-ва; -бă/-вă, которая следует за личным аффиксом, например: сăн кăлăдиңбă? 'Ты идешь?' Отрицательно-вопросительная форма: сани чоқсуңба? 'Ты не читаешь?'

Форма на -ады/-ади выражает:

1) общую способность субъекта к совершению действия: сăн инăк сағарға пилăдиңбă? 'Ты корову доить умеешь?'; мăн қынадым ӧс оғланыма: 'Я люблю своего ребенка'(своих детей) ; мăн қынар чоқ мăн оғланнарға. 'Я не люблю детей'; кем кӧп санады, ол кӧп пилăди 'Кто много читает, тот много знает';

2) действие, совершающееся в момент речи: кӧр, Маша ə:ребелă кăлăди. шағалақ писке киррик. чай қайнатақ, оларны азри гăрăк. пиргă сғлубыла кăлăди 'Смотри, Маша с мужем идет. Сейчас к нам зайдут. Давай чай вскипятим, их накормить надо. Вместе с сыном идут'; тăрзăдин кӧрдăк. ким кăлăди? 'В окно посмотри-ка, кто идет?'-сăн ə:ны пилăдиңбă? 'Ты его знаешь?'- пилăдим 'Знаю';

3) обычное, повторяющееся действие: мăн чыл зай кăлăдим Тогольдăткă 'Я каждый год приезжаю в Тегульдет'; ме:ң ăптă иш кӧп, мăн турадым ăртăн иштăнăдим ăртăнгидин и:рге. 'У меня дома дел много. Я встаю рано, работаю с утра до вечера'; мăн кӱнзай армыжымны кӧрăдим, сăн ə:ны кӧрăй чоқсуң 'Я каждый день товарища своего вижу, ты его не видишь'.

Таким образом, значения этой формы времени аналогичны значениям презенса, встречающегося во многих языках мира. Для определения основного значения формы на -ады в чулымско-тюркском языке, т.е. ее парадигматического значения, проявляющегося в нейтральном контексте в позиции сильного противопоставления (с принятой здесь трактовке основного и производных значениях глагольных форм см. Шендельс Е.И., 27), возьмем несколько привативных оппозиций, одним из членов которых является форма на -ады:

1) ол иште:ди қолхоста 'Он работает в колхозе'- ол иште:птер қолхоста 'Он (хорошо, много лет, активно) работает в колхозе';

2) ол иште:ди қолхоста 'Он работает в колхозе'- ол иште:был қолхоста 'Он (время от времени, помаленьку) работает в колхозе';

3) ол иште:ди қолхоста 'Он работает в колхозе'- ол иште:балачаты колхоста 'Он (с утра до вечера, день и ночь, беспрерывно) работает в колхозе'.

На основе приведенных оппозиций можно заключить, что форма на -ады индифферентна к способу протекания действия, ее основное значение - наличие действия в момент речи. Это значение состоит из сем: а) наличность действия; б) совпадение действия с моментом речи.

Производными или синтагматическими значениями рассматриваемой формы, появляющимися в определенном контексте, часто под влиянием внешней лексической обусловленности или пресуппозиции, являются:

1. Значение качественного презенса, обозначающего действие или состояние, приписываемые субъекту как его свойство, качество (Петр ичăдă бă? - ичăдă. 'Петр пьет? - Пьет'; кем кӧп санады, ол кӧп пилăди 'Кто много читает, тот много знает'). В этом значении форму настоящего времени называют вневременным настоящим. Это значение состоит из двух сем: а) качественная характеристика действия или состояния, рассматриваемые как качество или свойство, присущие субъекту; б) отсутствие соотнесенности с определенным моментом речи.

2. Значение настоящего данного момента, обозначающего действие или состояние в момент речи. Это значение включает семы: а) контактность с моментом речи; б) длительность.

Формы на -тур, -ыл(ъл), -чат, -от .

Данные формы А.П.Дульзон называет формами настоящего времени данного момента. Термин настоящее время данного момента предполагает обозначение контактности действия, состояния с моментом речи, являющимся основным значением каждой из указанных форм. Однако, как показывает анализ (см. об этом ниже), контактность с моментом речи не является, за исключением нижнечулымской формы на -йат, инвариантным значением этих форм. Контактность с моментом речи является лишь одним из значений форм на -тур, -ыл/ел, -от и только для формы на йат (н.чул.) это основное её значение. Поэтому, по-видимому, термин настоящее данного момента целесообразно сохранить лишь за нижнечулымской формой на-йат.

Ниже дается анализ интересуемых нас форм.

Форма на -тур

Анализируемая форма образуется из деепричастия на -п полной или усеченной формы и вспомогательного глагола тур- 'стоять', в котором произошла десемантизация его лексического значения. Глагол тур подвергается гармонии гласных, на основании чего его можно считать перешедшим в ранг аффикса.

Парадигма спряжения глаголов ал- 'брать', пär- 'давать' и глагола с основой на гласный сана- 'считать'.

мäн	а:птырмäн	пärтирмäн	санаптырмäн
сäн	а:птырзың	пärтирзиң	санаптырзың
ол	а:птыр	пärтир	санаптыр
пис	а:птырбыс	пärтирбис	санаптырбыс
силäр	а:птырзыңнар	пärтирзиңнäр	санаптырзыңнар
олар	а:птыр	пärтир	санаптыр

Отрицательная форма образуется от причастия будущего времени и именного отрицания чоқ , к которому присоединяются личные аффиксы, например, алар чоқмäн 'Я не возьму', сäн сани чоқсуң 'Ты не читаешь', ол чöри чоғул 'Он не ходит'.

Значение: форма на -тур выражает:

1) факт наличия действия или обычно повторяющееся действие, Пöтр иштептер пастуқта 'Петр работает пастухом'. ол пастуқтептир инäк, қой 'Он пасет коров, овец'. қуштар ўчўптўр 'Птицы летают'. кўн зай огорот суғлаптырмäн 'Каждый день огород поливаю'; 2) действие, совершающееся в момент речи, нередко длительное действие: сäн қайа ара тö:дўр чö:ртўрзўң ноға иштäнäр чоқсуң? 'Ты что туда сюда ходишь? Почему не работаешь?'. äзäн тöтка варвара, сäн қачан иштептерсиң? 'Здравствуйте, тетя Варвара. Вы с какого времени работаете?'. мäн иштептермäн äртäнгидин. Я работаю с утра'; Валä нöнä е:ттер? 'Валя что делает?' ол шагал уро:ғын шыйыптыр 'Она сейчас уроки пишет'; мäн äштептермäн телиäк орлаптыр. 'Я слышу, как кричит теленок'.

Отмеченные значения формы настоящего времени на -тур свидетельствуют о том, что у этой формы те же значения, что и у формы настоящего времени на -ады. Здесь следует отметить, что в среднечулымском диалекте есть еще одна форма настоящего времени на -ыл(ъл), имеющая те же значения (о форме на -ыл см.ниже).

Для определения дифференциальных признаков указанных трех форм рассмотрим привативную оппозицию, членами которой, с одной стороны, является форма на -ады, с другой - формы на -тур и -ыл:

1) - тайга: ереңбелä чö:редеңнäрбе?
- В тайгу с мужем ходите ли?
- чö:рўбўлбўс 'Ходим (через день, два)'; чö:ртўрбўс 'Ходим (каждый день) ;

2) ине:гең сäн сағадыңба? 'Корову ты доишь?'- сыбылмäн 'Дою'; Второй вариант: - сы:птырмäн 'Дою'. Разницу в употреблении форм информант объясняет так: "сыбылмäн - это, когда корова дает уже помалу молока, вот -вот кончит доиться, а сы:птырмäн - это, когда я хорошо дою, много молока";

3) сäн тигадиңбä? 'Ты шьешь (вообще)?'- тигäдим 'Шью (умею шить)'; 'тигиптирмäн 'Я шью (шью хорошо)'; - тигибилмäн 'Шью (время от времени)'.

4) сäн тäрлäдиңбä? 'Ты потеешь (вообще-то)' - тäрлäдим -'Потею'. Разницу между тäрлäптермäн и тäрлäбилмäн информант объяс-

няет так: "тӓрлӓптирмӓн - это я шибко мокрый, а тӓрлӓ:билман, потею помаленьку ;

5) лӱсӓ, нӧнӓ сӓн е:ттирзиң? 'Люся, что ты делаешь?'- чип мӓн 'Ем'(ем хорошо, тороплюсь) ; второй вариант - чи:билмӓн 'Ем'(если закушу немного или после болезни, то тогда тоже гово рят чи:билмен) .

Противопоставление форм настоящего времени на -ады и -тур, -ыл(-ъл) показывает, что они дифференцируются по обозначению способа протекания действия, а именно по степени интенсивност активности: форма на -ады индифферентна к способу протекания действия, в форме на -ыл(-ъл) выражена малая степень интенси ности действия, медленность совершения действия или процесса, в форме на -тур выражена большая степень интенсивности, акти ности процесса или субъекта действия.

Таким образом, основное значение формы на -тур, проявляюще ся в нейтральном контексте в позиции сильного противопоставле ния, являетоя отнесение действия к моменту речи, характеризуе щегося особым способом протекания действия - интенсивностью или активностью субъекта. Основное значение содержит две сем I) временной план настоящего, т.е. совпадение с моментом реч и 2) способ протекания действия - интенсивность действия, про цесса, активность субъекта.

К производным значениям формы на -тур, являющимся синтагм тическими значениями и проявляющимися в определенных речевых условиях, следует отнести:

I. Значение качественного презенса, включающего семы: а) качественная характеристика - настоящее время употребляется дл обозначения постоянного свойства; б) отсутствие соотнесенност с определенным моментом речи; в) интенсивность действия (на пример, ол иштептер пастуқта 'Он работает пастухом'; қуштар ӱчӱптӱр 'Птицы летают').

2. Значение обычно повторяющегося действия, состоящее из а) наличие действия, б) соотнесенность с моментом речи, в) и тенсивность .

3. Значение настоящего данного момента, обозначающего дей вие (состояние), совершающегося в момент речи. Это значение чает семы: а) контактность с моментом речи; б) длительность в) интенсивность.

Форма на -ыл(-ъл)

В инвентаре грамматических форм чулымско-тюркского языка данная форма значится как форма настоящего времени данного момента на -бъл. Она получила такое наименование в работах А.П.Дульзона (1960, 110; 1966, 454) и его последователей (М.А.Абдрахманов, 1971, 3). А.П.Дульзон предполагал, что данное время образуется с помощью морфемы -бъл, присоединяемой к деепричастию на -ып спрягаемого глагола. Он также подчеркивал, что эта форма характерна только для среднечулымского диалекта.

Дальнейшие исследования структуры и значения данной формы, имеющей аналогичное семантическое содержание с нижнечулымской формой на -от, привели нас к заключению, что перед нами тождественные формы, образованные с помощью соединительного деепричастия и вспомогательного глагола о:тур 'сидеть' в нижнечулымском диалекте и о:лур 'сидеть' в среднечулымском, т.е. в диалектах чулымско-тюркского языка обнаруживается различное развитие древне-тюркской формы олтур 'сидеть'.

Таким образом, среднечулымская форма парабыл представляет собой парып о:лур > парыбол > парыбъл > парыбыл 'идет (потихоньку)', көрӱбӱл < көрӱп о:лур 'видит'. В результате сильных фонетических изменений вспомогательный глагол перешел в ранг аффикса, будучи подвергнутым явлениям сингармонизма. Поскольку в чулымско-тюркском языке звук о в непервых слогах практически не встречается, он представлен либо редуцированным гласным ъ, либо звуком ы ; после корней с лабиальными гласными все аффиксы содержат лабиальные гласные, главным образом у/ӱ. Этим объясняются различные варианты -ыл(-ъл)-ил,-ул/-ӱл анализируемой среднечулымской формы.

В основах, оканчивающихся на гласный, гласный основы и аффикса соединительного деепричастия стягиваются в один долгий, например, сана:былмӓн 'считаю', пулра:былсың 'мешаешь'.

Парадигма спряжения глаголов ал- 'брать'
сана 'считать'

мӓн	а:былмӓн	сана:былмӓн
сӓн	а:былсың	сана:былсың
ол	а:был	сана:был

пис	а:былбыс	сана:былбыс
силәр	а:былсыңнар	сана:былсыңнар
олар	а:был	сана:был

Отрицательная форма образуется так же как и у предыдущих форм настоящего времени, например: алар чоқмән 'Я не беру', сән әштәр чоқсуң 'Ты не слышишь', пис сани чоқпус 'Мы не считаем.', силәр пәрәй чоқсуңнар 'Вы не даете'.

Для определения семантической структуры данной формы рассмотрим ряд примеров с формами настоящего времени на -ады, -тур и -ыл(ъл) (с пояснениями информантов в скобках). Примеры: I) сән тартадыңба? 'Ты куришь'(вообще)? - тартадым 'Курю' (вообще-то) ; тартаптырмән 'Курю, нюхаю табак'(постоянно, часто) ; тартабылмән 'Курю (помаленьку, папиросы, например)' ; 2) тутунуңну сән чами:дың ба? 'Ты вещи свои чинишь?'- чами:дым 'Чиню'(вообще-то) ; шәгәл чамаптырмән 'Сейчас чиню'(тороплюсь) шәгәл чама:былмән 'Чиню'(не тороплюсь, медленно) ; 3) пӱ: лидыңба? 'Сеть вяжешь?'(умеешь вязать) - пагли:дым 'Вяжу'(умею вязать) , пагла:былмән 'Вяжу'(помаленьку) - шәгәл пагли:динба? 'Сечас вяжешь?'- әй, шәгәл пагла:былмән 'Да, сейчас вяжу'(помаленьку) ; 4) пӧктӱбелмен 'Я думаю'(маленько думаю) ; пӧктӱптәмән 'Я думаю'(шибко думаю) ; 5) ӱрӱбелмен 'Дую'(в уголь дую долго) , ӱрӱптермен 'Дую'(фу-фу сильно - это ӱрӱптермен) ; 6) пулға:былмән 'Мешаю'(кашу, например, мешаю медленно) , пулғаптырмән 'Скорей мешаю'; 7) айғлабылмән 'Кричу'(помаленьку), айғлаптырмән (Погромче кричу) .

Анализ приведенных оппозиций подтверждает ранее сделанный вывод о дифференциации рассмотренных форм по способу протекания действия.

Основное значение формы на -ыл(-ъл), проявляющееся в позиции сильного противопоставления, является отнесение действия к моменту речи, характеризующегося особым способом протекания - неинтенсивностью действия, процесса, малой активностью субъекта, медленностью совершения действия. Это значение включает две семы: а) временной план настоящего, т.е. совпадение с моментом речи и б) способ протекания действия - небольшая степень интенсивности действия, медленное протекание, малая степень активности субъекта.

Для определения производных значений рассмотрим следующие примеры:

I) мә:ң қарында:жым иште:бел пастуқта 'Мой брат работает пастухом'. ол пастуқта:был инәк, қой 'Он пасет коров и овец'; па:лық тутадыңба? 'Рыбу ловишь?'(вообще-то)? - кӧмәс тута:-былмән 'Ловлю немного'(умею немного) ;

2) ол писке әрлақ қабашы:был, а:ң ӧс семйе:зы. ол қынар чо:-ғул әгротта иштәнәрге. ол тайғали:ге, ол қынады тайға. Гена көп туту:был ти:ң, қара қузуру:ғын да көп ӧ:лӱрттӱр, қозан да тутубыл пашқысын да ӧ:лӱрттӱр. ол туту:был, қа:зына пе:ребел. Он нам мало помогает, у него своя семья. Он не любит в огороде работать. Он охотится, любит тайгу. Гена много ловит белок, и соболей убивает, и зайцев ловит, и других (зверей) убивает. Он ловит и сдает в казну (государству);

3) мән ӧ:лӱрӱлмән пер әртән, се:не се:ғыбылмән 'Я сижу целое утро, жду тебя'; сән пер әртән ӧ:лӱрәй чоқсуң , әптә иштә:ғалақ е:ттерсиң? 'Ты что сейчас делаешь?'; көрәй чоқсуңба чи:-билмән 'Ты не видишь разве, ем'.

На основе данных примеров можно вывести следующие производные значения, обусловленные речевыми условиями и контекстом:

I. Значение качественного презенса, включающего семы: а) качественная характеристика - обозначение постоянного свойства; б) отсутствие соотнесенности с определенным моментом; в) малая степень интенсивности действия, нерегулярность совершения действия.

2. Значение обычно повторяющегося действия, состоящего из сем: а) наличие действия; б) соотнесенность с моментом речи; в) малая степень интенсивности действия, нерегулярность совершения.

3. Значение настоящего данного момента, обозначающего действие (состояние), совершающегося в момент речи. Это значение включает семы: а) контактность с моментом речи; б) длительность; в) медленность, нерегулярность, малая степень интенсивности.

Форма на -чат

В отличие от нижнечулымской формы на -йат среднечулымская форма на -чат образуется трояко: путем прибавления вспомогательного глагола -чат: I) как к редуцированной форме деепричастия на -п, так и к его полной форме, например, узуп ча:ды 'Он спит'

и ус ча:ты 'Он спит'. Сюда относится очень немногочисленная группа глаголов. Кроме указанного глагола, сюда входит еще, пожалуй, глагол о:лур 'сидеть'; 2) только к редуцированной форме деепричастия: тигин ча:ды 'Он шьет'; чича:ты 'Он лежит'; 3) только к полной форме деепричастия. Это самая многочисленная группа: ичип ча:ды 'Он пьет', ойнап ча:ды 'Играет'; сыктап ча:ды 'Плачет'; сытып ча:ды 'Доит'; қыйырлап ча:ды 'Кричит' и др. Глаголы пар- 'идти' и кäл- 'приходить' имеют только сильно стянутые формы: паре:дым 'Я иду'; кäле:дим 'Я подхожу'.

Гласный вспомогательного глагола - долгий. В нижнечулымском диалекте долгота гласного в этой форме факультативна.

Парадигма спряжения глаголов о:лур- 'сидеть', пöктӱ - 'думать'.

мäн	о:луруп ча:дым	пöктӱп ча:дым
сäн	о:луруп ча:дың	пöктӱп ча:дың
ол	о:луруп ча:ды	пöктӱп ча:ды
пис	о:луруп ча:дыбыс	пöктӱп чадыбыс
силäр	о:луруп ча:дыңнар	пöктӱп ча:дыңнар
олар	о:луруп ча:ды	пöктӱп ча:ды

Способ выражения отрицания аналогичен способу выражения отрицания в других рассмотренных формах настоящего времени. В поле настоящего времени фактически существует одна отрицательная форма.

Вопросительная форма: о:луруп чадыңба? 'Ты сидишь?' Дополнительные данные о частотности употребления формы на -чат не подтверждают такую широкую частотность, которую предполагал А.П.Дульзон. Здесь приходится внести некоторую корректировку. Значение, которое А.П.Дульзон выделяет для этой формы - совпадение времени действия с моментом речи - встречается, как нам представляется, в среднечулымском диалекте только у определенной группы глаголов:

I) выражающих пребывание в каком-либо состоянии, например: ме:ң ну:чегем узуп ча:ды қо:лумда 'Моя внучка спит на (моих) руках'; игиндже:зи чича:ты öзäлä 'Другая лежит сама'; пöктӱп ча:дым 'Я думаю'; пис о:луруп ча:дыбыс 'Мы сидим'; агрып ча:ды 'Болеет'; қорлап ча:ды 'Хранит'; от көгер ча:ды 'Трава зеленеет

2) двух глаголов движения: пар- 'идти' и кäл- 'приходить'. ким кäле:ди 'Кто идет?'; пистиңнäр кäле:ди 'Наши идут'; сäн қайа паре:дың 'Ты куда идешь?'- ишке паре:дым 'На работу иду'.

Употребленная с другими глаголами эта форма выражает заглазное действие, например: қайдалы чöрӱп ча:ды 'Где-то ходит' еңзыныш ча:ды 'Охотится'; ӱстä па:лықтап ча:ды (ӱлештäп ча:ды) На Чулыме рыбачит (на удочку ловит)'; кейзеп ча:ды 'Пилит'(информант объясняет: 'Где-то пилит'). сықтап ча:ды 'Плачет' (когда сам не видишь, а слышишь- объяснение информанта). ме:ң е:рем ичип ча:ды 'Мой муж пьет' (Где-то ходит, пьет, не дома).

Таким образом, основное значение формы на -чат у глаголов, выражающих состояние, и двух глаголов движения пар- 'идти' и кäл- 'приходить'- это значение настоящего данного момента, содержащего семы: а) совпадение с моментом речи и б) длительность, процесс. У остальных глаголов эта форма выражает значение настоящего заглазного действия, содержащего семы: а) совпадение с моментом речи, б) модальность.

Итак, у первой группы глаголов эта форма имеет значение настоящего данного момента, характеризующееся по способу действия; у второй же группы глаголов - значение настоящего времени, характеризующееся отношением говорящего к действию (т.е. модальности). Расширение временных форм индикатива на базе конструкций способов действия с глаголами статики в восточнотюркских языках отмечает и Э.А.Грунина (1976, 10).

Форма на -ыл(-ъл) + -чат

Выделенная нами в среднечулымском диалекте еще одна форма настоящего времени образуется путем прибавления вспомогательного глагола -чат 'лежать' к форме на -ыл(-ъл). Эта форма рассматривается как временная, поскольку она закреплена за сферой настоящего времени и не встречается в сфере прошедшего и будущего времени.

Парадигма спряжения глаголов пар- 'идти' и кäл- 'приходить'.

ман	па:рыбыла ча:дым	ке:белä чадым
сäн	па:рыбыла ча:дың	ке:белä чадың
ол	па:рыбыла ча:ды	ке:белä чады

пис	па:рыбыла ча:дыбыс	ке:белӓ чадыбыс
силäр	па:рыбыла ча:дынар	ке:белӓ чадынар
олар	па:рыбыла ча:ды (лар)	ке:белӓ чады(лар)

Отрицательная форма: парай чоқмäн 'Я не иду'; кäлäр чоқмäн 'Я не прихожу'. Данная форма может быть образована от всех глаголов.

Для определения значения анализируемой формы рассмотрим следующие примеры (с объяснениями информантов в скобках): Надя иге час то:набала ча:ды, мäн а:ны қыржыптырмäн, äттирä а:гур е:ттер 'Надя два часа одевается, я ее ругаю, очень медленно (все) делает'. äртäнгидин суғ апшигбала ча:дым 'С утра воду ношу'. ме:ң оғланна:рым пайдақ тигинбäлä чадым 'У меня детей много, (все время) шью'. тартабала чадың 'Ты куришь'(всё время без остановки) умдубала чады 'Забывает'(всё время) . кирибäлä чады 'Заходит' (всё время) . мäн ана қынибылмäн 'Я ее люблю', а қынибала ча:дым 'Я люблю'("Полюбил, не может отойти"). äртäн турса сохшубала ча:ды 'С утра встанет, дерется'("Не прекращает") , ол äртäнгидин пастуқтаптер 'Он с утра пасет'("А пастуқбала чады сказать нельзя. Неужели он день и ночь должен пасти?) .

Анализ значений, реализованных в приведенных примерах, позволяет выделить основное значение формы на -ыл(-ъл) + -чат - значение настоящего продолженного действия, содержащего семы: а) контактность с моментом речи и б) непрерывная длительность. Некоторую аналогию можно провести с английской формой Present Perfect Continuous. Производным или синтагматическим значением в чулымско-тюркском языке является значение настоящего многократного действия (например, ме:ң пийем чыл зай ту:ғбала ча:ды 'Моя сестра каждый год (детей) рожает'. Это значение реализуется, как правило, у одноактных глаголов типа кир- 'заходить', туғ- 'рожать' и т.п.

Итак, представленные здесь формы характеризуют микросистему настоящего времени индикатива. Эта система состоит из двух рядов форм, противопоставленных как члены привативной оппозиции. Одним из членов этой оппозиции является форма на -ады (немаркированный член оппозиции), другой член (представленный синонимическим рядом форм) маркирован дифференциальным признаком, характеризующим способ протекания действия. Форма на -ады как индифферентная к способу протекания действия противостоит всем остальным формам, выражающим различные типы способов действия:

интенсивности действия, активности субъекта, неинтенсивности, медленности протекания действия, неактивности действия, неактивности субъекта, длительности, непрерывной длительности.

Будущее время

В системе будущего времени в чулымско-тюркском языке А.П. Дульзон выделил пять форм: 1) на -ар/-äр; 2) на -лық; 3) на -ғоқ/қоқ (н.чул.диалект); 4) на -йат +-ар/-äр (н.чул.диалект); 5) на -ыс + -лық (ср.чул.диалект).

Дальнейшие исследования показали, что последняя форма, а также выделенная нами еще одна аналитическая форма с аффиксом -лык (-ас + лық) не являются временными (см. об этом в разделе "Формы выражения способов действия").

Рассмотрим каждую из указанных первых трех форм.

Форма на -ар/-äр

Данная форма времени образуется от основы глагола путем присоединения аффикса -ар/-äр и личных суффиксов. Эта форма будущего времени, известная во многих тюркских языках, восходит, по мнению большинства ученых, к причастию будущего времени на -ар (различный подход к анализу названного причастия дается в разделе "Причастие").

В чулымско-тюркском языке аффикс -ар/-äр представлен несколькими вариантами: -ар/-äр (после согласных основ), -ы/-и: (после гласных основ, причем в среднечулымском только -и:), после основ, оканчивающихся на согласный р в нижнечулымском встречается тот же вариант, а именно: -ы:/-и:, а в среднечулымском встречается вариант -ай.

А.П.Дульзон возводит аффикс ы:/и: к аффиксу -ар/-äр, предполагая следующие этапы его фонетического развития: парар>парай> парäй, парей>пари: . Вопрос о возможных причинах такого развития излагается нами подробно в разделе "Причастие". Переход ар>ай можно, вероятно, объяснить стремлением к ликвидации гаплологии (мнение, высказанное устно Н.А.Баскаковым).

Что касается личных аффиксов, то в нижнечулымском диалекте используются аффиксы П категории, независимо от основы спрягаемого глагола. В среднечулымском диалекте при спряжении глаго-

лов, оканчивающихся на согласные (в том числе и согласный р), употребляются аффиксы I категории, в глаголах с основой на гласный в I-м лице ед.числе употребляется усеченный аффикс, во всех остальных лицах ед.и мн.числа - полные аффиксы.

Парадигмы спряжения глаголов ал- 'брать', пар- 'идти', сана-'считать', 'читать'.

мән	аларман	параймән	сани:м
сән	аларзың	парайзың	сани:зың
ол	алар	парай	сани:
пис	аларбыс	парайбыс	сани:быс
силәр	аларзыңнар	парайзыңнар	санизыңнар
олар	алар(лар)	парай (лар)	сани:(лар)

Приведенная А.П.Дульзоном схема образования отрицательной формы с помощью суффикса -бас/-бәс, -пас/-пес характерна только для нижнечулымского диалекта. В среднечулымском диалекте функционирует отрицательная форма, образованная от основы причастия настоящего времени и именного отрицания чоқ с личными аффиксами (эта же форма, как указывалось выше, употребляется и при отрицании действия в настоящем времени).

Парадигма спряжения отрицательной формы глаголов ал-'брать', пар-'идти', сана -'считать', 'читать'.

мән		чоқман
сән		чоқсуң
ол	алар	чо:ғул
пис	парай	чоқпус
силәр	сани:	чоқсыңнар
олар		чоқтар (чо:ғул)

Например: тутарман 'Я возьму', тутар чоқман 'Я не возьму ўрәнәрсиң 'Ты будешь учиться', ўрәнәр чоқсуң 'Ты не будешь учиться', оскураймән 'Я разбужу', оскурай чоқман 'Я не разбужу

Для определения парадигматического значения формы на -ар возьмем примеры, в которых эта форма встречается в позиции сильного противопоставления. Такой позицией для этой формы является противоположение форме на -лық: олар ме:не сағилар ч

'Они меня, наверное, будут ждать'. олар ме:не саги:к? 'Они меня подождут'. чатсын, қачан-болса алармән 'Пусть лежит, когда-нибудь возьму'- чатсын, аллықмән 'Пусть лежит (обязательно) возьму'. мән пў:н параймән 'Я сегодня пойду'.- мән пў:н пердим паррыкмән 'Я сегодня обязательно пойду'. сән ма: се:гис ақча пәрәйсиң 'Ты мне восемь копеек дашь?'- пәрәймән 'Дам' или пердим пәррикмән 'Обязательно дам'. Из оппозиции форм на -р и на -лық можно заключить, что парадигматическим значением формы на -р является значение собственного футурума, содержащего одну сему: футуральность (постпозиция действия по отношению к моменту речи). Следует отметить, что в среднечулымском диалекте форма будущего времени на -р встречается довольно редко, а в его мелетском говоре-чрезвычайно редко, будучи замененной формой на -лық.

Будущее на -лық

Указанная форма образуется путем присоединения морфемы -лық, представленной в языке многочисленными алломорфами (обусловленными ассимилятивными процессами), к краткой форме соединительного деепричастия. Эта форма широко распространена в среднечулымском диалекте и нередко захватывает сферу функционирования формы будущего времени на -ар. Данная форма будущего времени, кроме чулымско-тюркского языка, в пределах Сибирского ареала не встречается. Из других же тюркских языков она еще встречается в карачаево-балкарском языке и имеет ту же семантику.

Парадигма спряжения глаголов ал- 'брать', пәр- 'давать'.

мән	аллықман	пәррикмән
сән	аллықсың	пәрриксиң
ол	аллық	пәррик
пис	аллықбыс	пәррикибис
силәр	аллықсыңнар	пәрриксиңнәр
олар	аллық(тар)	пәррик(тәр)

Парадигма спряжения с основой на гласный глаголов сана- 'читать', ӓмнӓ- 'лечить'

мӓн	сани:кмӓн	ӓмни:кмӓн
сӓн	сани:ксиӈ	ӓмни:ксиӈ
ол	сани:к	ӓмни:к
пис	сани:кпыс	ӓмни:кпис
силӓр	сани:ксиӈнӓр	ӓмни:ксиӈнӓр
олар	сани:к	ӓмни:к

По мнению А.П.Дульзона в среднечулымском диалекте одни глаголы (с основой на согласный) образуют будущее время на -лыӄ, другие (с основой на гласный) - на -роӄ, который, как он предполагает, является среднечулымским вариантом нижнечулымского аффикса - руӄ . Так, форма тыӈни:кум 'Я буду слушать' есть тыӈна + -руӄ + бын (А.П.Дульзон, 1960, 131), где р выпадает, а дифтонг ау, согласно правилу, сформулированному для хакасского языка Ф.Г.Исхаковым (Ф.Г.Исхаков, 1956,в,18), переходит в и: . В этом объяснении существования форм с элементом и: в группе глаголов с основой на гласный (тыӈни:кум), сомнение вызывают два момента: 1) само существование аффикса -руӄ, не зафиксированного в языке; 2) необычность языковой ситуации: функционирование одной группы глаголов только в форме будущего времени на -лыӄ, другой - только на -роӄ (двух семантически разных форм).

Мы предполагаем, что развитие форм от глаголов с гласной основой может быть представлено следующим образом: сана + лыӄ > сана: + ык>сана́:ык > сане:ык > сани:к (толчком такого развития могла послужить субстратная языковая норма, о чем подробно сказано в разделе "Причастие"). Выпадение звука л и удлинение предшествующего гласного характерно для среднечулымского диалекта. Дифтонгический характер произношения элемента и: очень характерен для носителей чулымско-тюркского языка. Это же отмечает А.П.Дульзон (1960, 131).

Наш подход к объяснению существования элемента и в грамматических формах снимает необходимость привлечения формы на -руӄ, не зафиксированной в чулымско-тюркском языке и, в частности, в его среднем диалекте. Кроме того, в соответствии с этой точкой зрения все глаголы как с основой на согласную, так и с основой на гласную образуют форму одного и того же будущего времени на -лыӄ.

Отрицательная форма образуется с помощью отрицательной частицы ба - санабуӄмӓн 'я не буду читать' < сана + ба + лук + мӓн, где элемент -бук представляет собой контаминацию отрицательной частицы -ба, у которой выпадает гласный, и морфемы будущего времени -лук, у которой выпадает согласный.

Приведем примеры употребления формы будущего времени на -лыӄ как с основами на согласный, так и с основами на гласный: тӧтӓ варвара, нӧнӓ ӓттикоиӈ тамна? 'Тетя Варвара, что ты завтра будешь делать?' тамна мӓн кӱнӱбылӧ қайнаттыӄмӓн, тутун чамикмӓн, тамна ӧртӓнгидин чуннуӄмӓн оғланнарныӈ кӱне:гин. 'Завтра я целый день буду варить, одежду чинить, завтра с утра буду стирать рубашки детей'. сӓн тамна пискӓ кирӓйсиӈ мӓ? - пирдим киррикмӓн. 'Ты к нам завтра зайдешь ли?'-'Обязательно зайду'. сӓн чиксиӈ бӓ? 'Ты будешь есть?'- чикмӓн 'Буду есть'(а форму чи:мӓн(буд.на -ар) объясняет информант, употребляют, когда не очень хотят есть, а когда очень хотят есть и обязательно будут есть, говорят чи:кмӓн).

Таким образом, основным значением формы на -лыӄ, её парадигматическим значением, выявляемым в позиции сильного противопоставления (кирӓймӓн 'зайду'- пирдим киррикмӓн 'обязательно зайду'), является значение обязательности совершения действия в будущем. Это значение содержит две семы: 1) футуральность, 2) обязательность, категоричность.

Форма на -лыӄ является ведущей формой или доминантой в поле будущего времени; это можно судить по тому, что в нейтральном контексте (не в позиции сильного противопоставления), как правило, употребляется форма на -лыӄ, а в мелетском говоре среднечулымского диалекта форма на -лыӄ полностью вытеснила форму на -ар.

Форма на -роӄ/-коӄ

Образование, употребление этой формы будущего времени и большое количество примеров даются А.П.Дульзоном. Следует лишь подчеркнуть, что эта форма характерна для нижнечулымского диалекта и не отмечена в среднечулымском. Нельзя, по-видимому, согласиться и с тем, что среднечулымский аффикс -роӄ имеет другую огласовку (у вместо о) и образует это время только от глаголов с основой на гласную. Как было показано выше, в этой

трактовке вызывают сомнение два момента: упоминание аффикса, не зафиксированного в диалекте, и возможность в нижнечулымском диалекте образовать от любой основы форму будущего времени на -лыӈ и на -ғоӄ, и невозможность этого для среднечулымского диалекта. Для среднечулымского диалекта постулируется образование от одной основы форм будущего времени на -лыӈ, а от другой основы - форм будущего времени на -ғоӄ, т.е. двух различных форм, отличающихся семантически. Выше мы попытались показать, что формы типа сани:к 'он прочтет', тыӈни:к 'он послушает' не являются формами будущего времени на -ғоӄ , а представляют собой формы будущего времени на -лыӈ.

Прошедшее время

В системе прошедших времен выделены формы: I) прошедшее определенное (форма на -ды); 2) прошедшее неопределенное (форма на -ған); 3) прошедшее совершенное; 4) прошедшее обычное (на -диған); 5) прошедшее данного момента; 6) прошедшее заглазное (на -т'и); 7) прошедшее несовершенного действия (на -ғалаӄ); 8)прошедшее на -чаӈ в среднечулымском диалекте (А.П.Дульзон, I960, III-I22).

Если исходить из единого принципа анализа языковых элементов при выделении временных форм - соотнесенности с моментом речи или каким-либо другим действием одного и того же временного плана, то, по-видимому, не все перечисленные формы следует считать временными. Указанный принцип, предполагающий при выделении форм прошедшего времени предшествование моменту речи или другому действию, дает основание отнести к временным в нижнечулымском диалекте следующие формы: I) прошедшее неопределенное (форма на -ған); 2) прошедшее на -ғалаӄ (не совершившееся действие); 3) прошедшее заглазное (форма на т'и).

Что касается формы на -ды, то материалы полевых записей свидетельствуют о том, что эта форма фактически не характерна для нижнечулымского диалекта. Из 205 случаев употребления форм прошедшего времени всего 5 случаев приходится на форму определенного времени на -ды, остальные 200 - на форму неопределенного прошедшего времени на -ған. (Статистические данные получены в результате анализа полевого материала, см. А.П.Дульзон, I973(в), с.I87-207; а также А.П.Дульзон, I977, с.I50-I78). Встречаемость

формы на -ды в нижнечулымском диалекте можно объяснить влиянием татарских диалектов. Из указанных выше 205 случаев употребления форм прошедшего времени в I70 случаях в параллельных примерах в эуштинском говоре томского диалекта употреблена форма на -ды. Это говорит о широкой употребляемости данной формы в соседнем (с нижнечулымским) диалекте сибирских татар. В нижнечулымском же диалекте в поле прошедшего времени функционирует, главным образом, форма на -ған (если учесть, что форма на -ғалаӄ и на -т'и требуют специфического контекста). Это подтверждается частотностью её использования: 200 случаев употребления из 205.

В среднечулымском диалекте поле прошедшего времени представлено двумя формами: I) прошедшим на -ған и 2) прошедшим на -ғалаӄ. Упомянутая А.П.Дульзоном форма на -чаӈ, по нашим данным полевых записей, в среднечулымском диалекте отсутствует. Чрезвычайно редкие случаи употребления этой формы в мелетском говоре являются результатом влияния хакасского языка (наличие этой формы в хакасском языке см. Н.П.Дыренкова, I948, 95).Сомневаясь в данной форме, А.П.Дульзон указывал на необходимость уточнения значения и распространения этой формы (Дульзон, I960, I22).

В сфере прошедшего времени на -ған А.П.Дульзоном выделена форма прошедшего совершенного, структурно представленная деепричастием на -п + вспомогательный глагол ыс (ср.чул.), ыв (н.чул.) 'посылать' + -ған. Если считать эту форму временной (прошедшее совершенное), то возникает вопрос, почему не отнесены к этому же ряду структурно тождественные формы, имеющиеся в чулымско-тюркском языке и дифференцирующиеся формально только вспомогательными глаголами: ас- 'вешать', сал- 'класть', пар- 'идти' (например, ичип асхан 'Он выпил', ичип салған 'Он выпил', ичип паған < (ичип парған) 'Он выпил'. Все эти формы на -п + -ыс + -ған, -п + -ас + -ған, -п + -сал + -ған, -п + -пар + ған выражают препозицию действия по отношению к моменту речи. Формальным показателем предшествования моменту речи в этих сочетаниях является аффикс -ған, представляющий собой формант прошедшего неопределенного (по терминологии А.П.Дульзона),т.е. во временном отношении различий между ними нет. Различия же между ними базируются не выражении признаков, не связанных с моментом речи, поэтому, видимо, более правомерно не относить

форму на -п + ыс~-ган, названную А.П.Дульзоном временной формой прошедшее совершенное, к временной. Анализ этой и структурно аналогичных форм дан в разделе "Формы способов действия". Таким образом, в среднечулымском диалекте так же как и в нижнечулымском в сфере прошедшего времени функционирует, главным образом, форма на -ган.

Форма на -ган

Прошедшее время в среднечулымском диалекте образуется от причастия на -ган и усеченной формы аффиксов лица. Глаголы с основой на гласную имеют стяженную форму, в результате выпадения согласных г и н в аффиксе. В основах, оканчивающихся на согласный, в аффиксе выпадает конечный согласный.

Парадигма спряжения глаголов пар- 'идти', кäл- 'приходить', сана-'считать', 'читать'.

мäн	пага:м	кäлге:м	сана:м
сäн	пага:ң	кäлге:ң	сана:ң
ол	паған	кäлган	сана:н
пис	пага:быс	кäлге:бес	сана:быс
силäр	пага:ңнар	кäлге:ңнар	сана:ңнар
олар	паған(нар)	кäлгäн(нäр)	сана:н(нар)

Отрицательная форма образуется с помощью отрицательной частицы ба, занимающей позицию между основой и аффиксом -ган.Причем аффикс -ган в среднечулымском полностью, а в нижнечулымском частично выпадает, в результате чего у гласного отрицательного аффикса появляется компенсирующее удлинение.

Спряжение глаголов пар- 'идти', кäл- 'приходить', сана-'считать' в отрицательной форме:

мäн	парба:м	кäлба:м	санаба:м
сäн	парба:ң	кäлба:ң	санаба:ң
ол	парба:н	кäлба:н	санаба:н
пис	парба:быс	кäлба:быс	санаба:быс
силäр	парба:ңнар	кäлба:ңнäр	санаба:ңнар
олар	парба:н(нар)	кäлба:н(нäр)	санаба:н(нар)

Будучи фактически единственной формой прошедшего времени в среднечулымском диалекте, форма на -ган имеет чрезвычайно широкую сферу употребления. Эта форма выражает:

1. Действие, имевшее место в прошлом (просто в плане констатации факта или обычно совершавшегося действия): валä, мäн се:не: пайа айтқам посуда чунарға, сäн ämдä да о:лурубылсуң 'Валя, я тебе давно сказала вымыть посуду, ты все еще сидишь'. қачан мäн че:ғит полғам, көп иштäнге:м. мäн пағам ағач арäзынға, мäшке чи:ға:м, қарағат чи:га:м аңзын чö:ре:м. и:рге о:лурға:быс чомаң исха:быс, ырла:быс. 'Когда я была молодая, я много работала. Я ходила в лес собирала грибы, смородину собирала, ходила охотилась. Вечером (вечерами) сидели сказки рассказывали,пели'.

2. Действие, развивавшееся в процессе (до момента речи или определяется моментом другого прошедшего действия): кäшä мäн турғам елты часта, инäк саға:м, сÿдÿм а:п паға:м маслопромға, оғланнарның кÿне:ген кÿнÿбелä чунға:м. азонда пыырга:м мÿн . мäн қайнатқа:м ät кÿнÿбелä, ке:р инäктиң е:де полған.'Я вчера встала в шесть часов, корову подоила, молоко отнесла в маслопромхоз, целый день стирала рубашки детей. Затем варила. Я варила (кипятила) мясо целый день; мясо было от старой коровы'. ол сата:н қайнар чурта:н, пис а:ны тыңна:быс ÿч час 'Он рассказывал, как они жили, мы его слушали три часа'.

3. Действие, очевидцем которого: а) говорящий не был, или б) очевидцем которого говорящий был (форма на -ган не дифференцирует этих значений). Например: а) ол айтқан олар ырлыңқаннар писта ämäç, öс äптe:ренда 'Он сказал, что они пели не у нас, у себя дома'. мäн ежитке:м қайнар сäн сықта:н оранда. 'Я слышал, как ты плакал во дворе'; б) мäн чурта:м көп чыл пу ы:лда. кäчä мäн чöре:м оғланға, ма: тоғашқан öс аргыжым, са:-ташқа:м, олар айтқан и:рге кäлликебас. и:рге кäлгäннäр, пис пағла:быс пирге пÿ, пöгÿнге:бес чедетта қайнар тайгэ чö:ре:-бес, тайғала:быс ти:ң, қозан, тÿлгÿ .'Я жила много лет в этой деревне. Вчера я ходила к детям, встретила своих подруг, поговорила, они сказали,к вечеру придут. К вечеру пришли, мы вязали вместе сеть, вспоминали,как в молодости в тайгу ходили,охотились за белками, зайцами, лисами'.

4. Перфектное значение, выражающее совершившееся действие в прошлом и имеющее результат в настоящем, например: ме:ң

е:рем чаң әп көндүргән. ол ур әткән. мән ақтап сырлап салғам. 'Мой муж новый дом построил. Он долго делал. Я, побелив, покрасила'. е:рем па:лық тутқан. мән а:ны шәрли:м чағыла әттирә та:длығ '(Мой) муж рыбу поймал. Я её буду жарить с маслом.Очень вкусно'. қачен кәлге:ң 'Когда (ты) пришел?'- мән шағалақ кәлге:м 'Я сейчас (только) пришел'. ол силәрдә ба кәлгән қонарға? 'Он у вас остался ночевать?'- писта, киргил, шағалақ та пистә о:лурған.-'У нас, заходи, и сейчас у нас сидит'.

Анализ значении, реализованных в приведенных примерах, дает возможность выделить основное значение формы на -ған. Этим значением является наличие действия в прошлом. Основное значение содержит семы: а) препозиция действия моменту речи, б) наличие действия.

Производными значениями анализируемой формы, выявляемыми на основе контекста, специальных речевых условий являются значения: I) заглазного действия, значение, содержащее две семы: препозиция действия моменту речи, модальность (отношение говорящего к действию); 2) значение продолженного действия, включающего семы: препозиция моменту речи, длительность; 3) перфективное значение, содержащее семы: препозиция моменту речи, контактность с моментом речи, законченность действия. Реализации синтагматических значений способствует внешняя лексическая обусловленность, а также синтаксическая структура предложения.

Форма на -ғалақ

Данная форма образуется от основы причастия, образованного от древнейшего глагольного имени (причастия на к, -гу, -гма, -глы, -г/ы(а)/лек (о форме причастия см. Гаджиева Н.З., 1973, 92) и личных аффиксов, представленных в среднечулымском в отличие от нижнечулымского диалекта полной формой. Образующий эту форму аффикс представлен следующими алломорфами: -қалақ/-ғалақ, -кәлӛк/-гәлӛк. Левая часть указанных пар встречается после основ, оканчивающихся на глухой согласный, правая - после основ, оканчивающихся на гласный. В глаголах с основой на гласный в аффиксе -ғалақ выпадает первый слог, за счет чего удлиняется гласный основы.

Парадигма спряжения глаголов ал- 'брать', кәл- 'приходить', сана- 'считать,читать'.

мән	алғалақмӛн	кәлгӛлекмӛн	сана:лақмӛн
сӛн	алғалақсың	кәлгӛлексиң	сана:лақсың
ол	алғалақ	кәлгӛлӛк	сана:лақ
пис	алғалақыбыс	кәлгӛлекебис	сана:лақпыс
силӛр	алғалақсыңнар	кәлгӛлексиңнӛр	сана:лақсыңнар
олар	алғалақ	кәлгӛлек	сана:лақ

При спряжении в прошедшем времени в словах пар- 'идти' и пӛр- 'давать' согласный р в среднечулымском диалекте выпадает. Отрицательная форма отсутствует в связи с наличием отрицания в самой семантике данной формы.

Анализируемая форма выражает несовершившееся,несостоявшееся действие к моменту речи или к моменту совершения другого действия в прошлом. Например:

а) пыжырғалақмӛн '(Я) еще не сварила', о:лурғалақсың '(Ты) еще не сел'. қой соққалақпыс 'Овцу еще не резали'(не убивали), от оскӛлек 'Трава еще не выросла', ине:ген сага:лақ 'Корову (она) еще не доила';

б) олар пичӛн пашқарғалақ, қыжыпысхан 'Они не успели убрать сено, началась зима'. Епим мүнгӛлек, чылгы:зы чөртүпискӛн 'Не успел Ефим сесть (верхом) на лошадь, она помчалась'. қапчарымда әткӛлекем ачыр қарында:жым кәлгӛн. 'Не успела я сделать половину (дел), пришел мой двоюродный брат'.

Основное значение рассматриваемой формы - значение не состоявшегося действия в прошлом. Это - парадигматическое значение формы на -ғалақ, отчетливо проявляющееся в нейтральном контексте. Синтагматическое значение - значение относительного прошлого, это её производное значение. Основное значение содержит две семы: временная соотнесенность (препозиция моменту речи и констатация не состоявшегося действия. Производное значения включает также две семы: соотнесенность действия с другим действием в прошлом и констатация не состоявшегося действия.

Косвенные наклонения

Повелительное наклонение

О составе элементов парадигмы спряжения повелительного накл нения в тюркологической литературе нет единого мнения. Разногл сия касаются вопроса включения формы I-го лица в категорию пов лительного наклонения. Одни ученые, исходя из семантических пр чин (алогичности) и формальных средств образования формы I-го лица (являющейся формой желательного наклонения), не включают эту форму в парадигму спряжения (П.М.Мелиоранский, 52; Н.К. Дмитриев, 1948, 165; А.А.Юлдашев, 1958, 165; А.Н.Кононов, 1960, 305; Н.З.Гаджиева, 1976(а), 13; Э.Р.Тенишев, 1976а, 97), другие признают наличие формы I-го лица повелительного наклонения (В. Богородицкий, 120; Н.Ф.Катанов, 633-638; А.К.Боровков, 152; Н. Дыренкова, 1948, 83,87; Е.И.Коркина, 150; Н.А.Баскаков, 1975а, 91; В.И.Рассадин, 222). Некоторые ученые выделяют повелительно-желательное наклонение (см., например, Н.А.Баскаков, 1972, 118; Д.Г.Тумашева, 1977, 236) или предлагательно-желательное наклон ние (А.М.Щербак, 1961, 145; 1982, 156), в которые включается форма I-го лица, составляющая в совокупности с формой повелите ного наклонения единую парадигму.

Подлинной формой повелительного наклонения, с чем согласны все исследователи, может быть только форма 2-го лица, так как побуждение к действию может быть направлено только слушающему (слушающим).

Форма же I-го лица может быть включена в поле повелительного наклонения лишь условно в целях удобства описания. Так это сделано в данной работе, поскольку выделение особого желательного наклонения не представляется возможным в силу того, что оно было бы представлено одним лицом (правда, в литературе эт встречается, например, в работе Д.Г.Тумашевой (1977, 105-106, 212, 236), хотя и не последовательно: эта категория желательно го наклонения выделена для тоболо-иртышского диалекта, в других же диалектах эти формы рассматриваются в категории повелительно-желательного наклонения. Кроме того, при функционирова нии в синтагматике эта форма, как правило, теряет свое оптати ное значение.

Парадигма спряжения глаголов ал-'брать', пăр-'давать'

ед.числа

мăн	ал'им 'возьму-ка я'	пăр'им 'дам-ка'
сăн	ал/ғыл 'возьми'	пăр/гил 'дай'
ол	алсын 'пусть возьмет'	пăрсин 'пусть даст'
	дв.число	
алақ	'давай возьмем'	пăрăк 'давай дадим'
	мн.число	
пис	ал'ибыс 'возьмем-ка'	пăр'ибис 'дадим-ка'
слăр	а:лыш 'возьмите'	пă:риш 'дайте'
олар	алсын/нар 'пусть они возьмут'	пăрсин/нăр 'пусть дадут'

Отрицательная форма

	ед.число	
мăн	албим 'не возьму-ка'	пăрбим 'не дам-ка'
сăн	алба 'не бери'	пăрба 'не давай'
	алба/ғыл 'не бери'	пăрбăгил 'не давай'
ол	албасын 'пусть не берет'	пăрсин 'пусть даст'
	дв.число	
албак	'давай не возьмем'	пăрбăк 'давай не дадим'
	мн.число	
пис	албибыс 'не возьмем-ка'	пăрбибис 'не дадим-ка'
силăр	албаш 'не берите'	пăрбăш 'не давайте'
	албашқыл 'не берите'	пăрбăшкил 'не давайте'
олар	албасын/нар 'пусть не берут'	пăрбăсин/нăр 'пусть не дают'

Ударение падает на гласный последнего слога основы:

Рассмотрим каждую из форм.

Форма I-го лица ед.числа представлена в чулымско-тюркском языке аффиксом -им (в обоих сингармонических рядах). Например: қаз'им 'накопаю-ка', кăл'им 'приду-ка', қаз'ибыс 'накопаем-ка', кăл'ибис 'придем-ка'. Из других языков фонетически близкий вариант обнаруживается в хакасском, якутском и азербайджанском языках, а также в армяно-половецких документах. Однако чулымско-тюркский сближается с указанными языками только по форме

выражения I-го лица ед.числа. Что касается I-го лица мн.числа, в чулымско-тюркском сохраняется этот же аффикс + аффикс мн.числа -быс/-бис. В хакасском, якутском и азербайджанском в I-м лице мн.числа используется другой форманг.

Хакасоведы считают аффикс -и производным от сочетаний -ыны, -айн, - й , -ей (Грамматика хакасского языка, I90), по-видимому, рассматриваемых как аффиксы желательного наклонения; в якутском языке он возводится к причастию на -ыах (O.Böhtlingk, § 506), к деепричастию на -а и притяжательного аффикса (W.Radloff, I908, 43), к древнетюркскому причастию на -ыр (Е.И.Убрятова, I950, I29). Н.А.Баскаков все многообразные варианты аффикса I-го лица повелительно-желательного наклонения в различных тюркских языках возводит к форме -гай-мын. (Н.А. Баскаков, I975, 93). В чулымско-тюркском языке, видимо, он восходит к аффиксу желательного наклонения -ай/-ей: алаймäн> алäймен> алеймн>ал'им.

Семантика формы с форментом и в I-м лице ед. и мн.числа содержит различные модальные оттенки: просьба на разрешение, колебание, нерешительность. Эти модальные признаки в значении анализируемой формы ослаблены, в силу чего в синтагматике эта форма специализируется, в основном, как форма вежливости в вопросительных предложениях, выражающих просьбу разрешить что-либо, например, ал'им ба? 'Можно мне взять?' қазим ба? 'Можно мне копать?' тут'им ба? 'Держать мне?' алимбыс ба? 'Можно ли нам взять?' қазимбыс ба? 'Можно ли накопать?' тутимбыс ба? 'Можно ли нам держать?' Аналогичное явление имеет место в немецком языке, например, в форме Konnte ich das machen? 'Сделать мне?' Конъюнктив здесь не служит для выражения модальности, а используется как форма вежливости.

В чулымско-тюркском языке 2-е лицо ед.числа повелительного наклонения представлено двумя формами: без специального аффикса (основа глагола одновременно является формой повелительного наклонения, например, ал 'возьми', кäл 'приди'), что имеет место во многих тюркских языках, и со специальным аффиксом -тыл, встречающемся в немногих тюркских языках. Во 2-м лице множественного числа формой повелительного наклонения является основа совместно-возвратного залога, обозначающая множество лиц, побуждающихся к действию, например: алыш 'возьмите', парыш 'идите', келиш 'приходите'.

Отрицательная форма: албä (алва) 'не бери', кäлбä (кäлвä) 'не приходи', албаш (алваш) 'не берите', кäлбäш (кäлвäш) 'не приходите'.

Парадигматическим значением формы 2-го лица повелительного наклонения, выраженной основой глагола, является значение приказа, содержащее сему побуждение к действию. Синтагматическое значение формы 2-го лица единственного числа - значение различных оттенков приказа от просьбы до требования, а формы 2-го лица множественного числа - значение вежливости, например, ана силäр па:рыш 'мама, Вы идите'.

Архаичный аффикс -тыл прибавляется как к простой основе глагола для выражения повеления, обращенного ко 2-му лицу ед.числа, так и к основе совместно-взаимного залога для выражения повеления, обращенного ко 2-му лицу множественного числа. После основ, оканчивающихся на сонорный или гласный, встречается в фонетическом варианте -тыл, а после основ, оканчивающихся на глухой согласный - в фонетическом варианте -қыл, например: санғыл 'считай', таны:шқыл 'познакомься', сағы:тыл 'жди', қыштығыл 'зимуй' кäлгил 'приходи', көргүл 'смотри'.

Отрицательная форма образуется с помощью аффикса -ба/па, следующего за основой глагола. Например, чайабығыл 'не заставляй', кäлбегел 'не приходи', тутпашқыл 'не ловите'.

Аффикс повелительного наклонения -тыл отмечен в древнетюркском, староузбекском и в некоторых современных языках, например в узбекском, а также в эуштинском и чатском говорах томского диалекта (Д.Г.Тумашева, I977, 236).

О происхождении аффикса -тыл существуют различные точки зрения, которые рассматриваются А.Н.Кононовым в его "Грамматике современного узбекского языка" (208). Большинство из них восходят к точке зрения В.В.Радлова, соотносящего аффикс -тыл/-қыл с глаголом кил 'делай' (W.Radloff, I897, 9I). Н.З.Гаджиева и Б.А.Серебренников полагают, что аффикс -қыл/тыл состоит из соединения двух аффиксов: -қ и -(ы)л, источники происхождения которых "следует искать не в глагольной, а в именной сфере" (I974, 9,I2). Н.А.Баскаков приводит несколько возможных вариантов развития рассматриваемой формы: а) из семантически близкой древнеуйгурской формы на -гулук; б) из аналитической спрягаемой формы причастия на -галы/-гылы; в) из формы -гыла, встречающейся в киргизском и алтайском языках, рассматривая ее как форму, состоя-

щую из основы глагола и аффикса многократного вида -ғыла (Н.А. Баскаков, 1975, 98-99). Несколько раньше последнее из указанных предположений было высказано А.Н.Кононовым (А.Н.Кононов, 1960, 208).

Нам представляется, что материал чулымско-тюркского языка хорошо согласуется с выдвинутым предположением Н.З.Гаджиевой и Б.А.Серебренникова о развитии значения анализируемого аффикса на базе аффикса -қыл, входящего в состав сложного аффикса неглагольной сферы -қылт, ғылт, обозначающего слабо проявляющееся качество (1974, 10). В чулымско-тюркском языке морфема -ғыл присоединяется к основе глагола (простой во 2-м лице ед. числа и взаимно-совместного залога во 2-м лице мн.числа), которая сама является формой выражения побуждения к действию. Присоединение второго аффикса с побудительным значением, вероятно, осуществляется в языке с целью модификации значения словоформы. Эта модификация значения словоформы с аффиксом -ғыл в чулымско-тюркском языке направлена на смягчение формы приказания, требования, просьбы, разрешения, т.е. используется для выражения меньшей степени категоричности (слабо проявляющейся категоричности), например, обращаясь к ребенку, носитель языка произнесет сӓн ал или алғыл 'ты возьми' (во втором случае 'ты возьми-ка'), а к взрослому, как правило, сӓн алғыл 'ты возьми (пожалуйста), 'возьми-ка'. Именно поэтому аффикс -ғыл, присоединенный как к простой основе, так и к основе совместно-взаимного залога, употребляется как форма вежливости, например, при обращении к свекру и свекрови: ада, о:дуң кескел 'Отец, дров наруби (пожалуйста)' или ада, о:дуң ке:лешкел 'Отец, дров нарубите'. ана, мында о:лурғул 'Мама, здесь сядь (пожалуйста)' или ана, силӓр мында о:лурушқул 'Мама, Вы здесь сядьте'.

В узбекском языке А.Н.Кононов также констатирует (кроме фамильярного значения) для этой формы значение "повеления, ослабленного оттенком просьбы или пожелания" (А.Н.Кононов, 1960, 206).

Парадигматическим значением формы на -ғыл является, таким образом, значение приказа, призыва, требования в смягченной форме. Это значение, следовательно, содержит сему модальности (определенного отношения к приказу: более мягкая форма побуждения, отсутствие категоричности). Синтагматическим значением является значение вежливости.

В поле повелительного наклонения входит и форма косвенного приказа, требования, совета, пожелания и т.д. Это форма 3-го лица с морфемой -сын: алсын 'пусть возьмет', парсын 'пусть идет'.

Кроме указанных форм, в исследуемом языке функционирует форма двойственного числа с морфемой -қ: игилӓң парақ 'пойдем-ка вдвоем', игилӓң айдақ 'скажем-ка вдвоем'. В этой форме выделяется сема: побуждение к 2-му лицу (к слушающему) с включением 1-го лица. Морфема -қ встречается и в множественной форме глагола: тӧ:ртилӓң парақтар 'вчетвером пойдем', ӱчӱлӓң айдақтар 'втроем скажем-ка'. В этом случае побуждение к действию относится ко 2-му лицу множественного числа с включением 1-го лица. Отсюда видно, что в чулымско-тюркском языке, как, по-видимому, и в других тюркских языках, побуждение направлено на 2-е лицо, в отличие от германских языков, в которых (например, в немецком языке) побуждение направлено на 1-е лицо. Например: machen wir! 'Давайте-ка (мы) сделаем!'

На периферии поля повелительного наклонения нами обнаружена форма с формантом -қаз, выражающая побуждение к действию, рассчитанное не на данный момент, а на будущее, например, тамна тутқа:зың, қара-қузурық 'Завтра поймай соболя', тамна парсаң палықтап қорай тутқа:зың 'Завтра если пойдешь рыбачить, щуку поймай', тамна писке кӓлсӓң кабашена:зың 'Завтра к нам если придешь, помоги', маңарабы:ғыл апке мында қышта:зың 'Не торопись домой, здесь зимуй'.

О происхождении данной формы можно предположить, что это остаточная форма бытовавшей, видимо, в языке одной из форм понудительного залога. Будучи закрепленной за формой 2-го лица и имея значение побуждения, стала функционировать как форма повелительного наклонения.

Желательное наклонение

Желательное наклонение представлено в чулымско-тюркском языке двумя формами на -ғай/-қай и -ғалдыр/-қалдыр (последняя называется А.П.Дульзоном формой намеренного действия, 1960, 136).

Рассмотрим первую из названных форм.

Структура формы - основа глагола + аффикс -ғай/-қай (для нч.диалекта), -ғач/-қач (для срч. диалекта). В нижнечулымском

диалекте в глаголах с основой на гласный звук к, г в аффиксе выпадает (А.П.Дульзон, 1966, 461). Но гласный аффикса не получает компенсирующего удлинения. По нашим материалам полевых записей в среднечулымском диалекте также наблюдается выпадение звука к в аффиксе глаголов с основой на гласный. В результате гласный аффикса удлиняется, например: ойна:чым 'хочу играть'. аҕта:чым 'хочу белить', ужаҕта:чы 'хочет удить'.

Парадигма спряжения глаголов ал-'брать', кäл-'приходить', сана-'считать, читать'.

мäн	алҕа:чым	кäлге:чим	сана:чым
сäн	алҕа:чың	кäлге:чиң	сана:чың
ол	алҕа:чы	кäлге:чи	сана:чы
пис	алҕа:чыбыс	кäлге:чибис	сана:чыбыс
силäр	алҕа:чыңнар	кäлге:чиңнäр	сана:чыңнар
олар	алҕа:чы(лар)	кäлге:чи(лäр)	сана:чы(лар)

Специализированной отрицательной формы описываемая форма в среднечулымском диалекте не имеет. Для отрицания желания используется перифрастическая форма кыңны чо:ҕул (кыңным чо:-гул) 'не хочет (не хочу)'. Употребляется также отрицательная форма будущего времени, например, алҕа:чыңба? 'хочешь взять?' албуҕмäн 'не возьму'.

Форма желательного наклонения на -ҕай характерна для многих тюркских языков.

По поводу значения формы с аффиксом -ҕай Г.И.Рамстедт отмечает, что "значение желательности, возникшее вследствие присоединения форманта уменьшительности, очень рано стирается и становится умереннее" (Г.И.Рамстедт, 88). Ослабление оптативного значения способствовало развитию у этой формы значения будущего времени (Н.З.Гаджиева, 1968, 35). А.П.Дульзон определил значение данной формы для чулымско-тюркского языка как значение близкого будущего, непосредственно связанного с настоящим (А.П.Дульзон, 1960, 135).

Для определения парадигматического значения анализируемой формы в чулымско-тюркском языке, проявляющегося в нейтральном контексте в позиции сильного противопоставления, рассмотрим несколько примеров, в которых встречаются анализируемая и синонимичные ей формы: мäн паҕлачым 'я хочу вязать', 'я буду вязать' - мäн паҕлалдырмäн 'я буду вязать', 'я хочу вязать' (объяснение информанта: "паҕла:чым - значит хочу вязать, но не шибко тороплюсь, а паҕлалдырмäн - сильно хочу вязать, тороплюсь"); мäн чаң ы:лда чурта:чым 'Я в новой деревне хочу жить - мäн чаң ы:лда чуртäлдырмäн 'Я в новой деревне хочу жить' (объяснение информанта: "чурта:чым - это хочу жить, а чуртäлдырмäн - шибко хочу жить в новой деревне"). Можно заключить, что в форме на -ҕай содержится сема модальности, выражающей обычную степень желания, а в форме на -ҕалдыр содержится сема интенсивного желания.

Форма на -ҕай, кроме того, входит в синонимический ряд с формой будущего времени на -лыҕ: тамне иштäнге:чим 'Завтра буду (хочу) работать' - ай па:женда иштäнникмäн 'Через месяц буду работать'. шаҕал туға:чым 'Сейчас (собираюсь) буду рожать' - иге ай па:женда тугукмäн 'Через два месяца рожу'.

Приведенная оппозиция свидетельствует о том, что в сфере на -ҕай содержится также и сема ближайшего будущего, на что, как мы упомянули выше, указывал А.П.Дульзон. Однако, если бы эта форма содержала только сему ближайшего будущего, без выражения отношения говорящего к действию, то ее следовало бы включить во временную систему индикатива, но поскольку эта форма, кроме семы футуральности, содержит сему модальности, то она, по всей вероятности, должна рассматриваться в поле косвенных наклонений. Таким образом, парадигматическим значением рассматриваемой формы является значение модальности, выражающей желание. Синтагматическим значением является значение ближайшего будущего.

Форма желательного наклонения на -ҕалдыр состоит "из инфинитива путем прибавления настояще-будущего данного момента на -тур от вспомогательного глагола ал" (А.П.Дульзон, 1960, 136). Из других языков эта форма встречается в барабинском диалекте (Д.Г.Тумашева, 1977, 214).

Парадигма спряжения глаголов ал- 'брать', пäр- 'давать', сана- 'считать', 'читать'

мäн	алҕалдырмäн	пäргелдермäн	саналдырмäн
сäн	алҕалдырсың	пäргелдерсиң	саналдырсың
ол	алҕалдыр	пäргелдер	саналдыр
пис	алҕалдырбыс	пäргелдербис	саналдыбыс

силәр	алҕалдырсыҥнар	пәргелдерсиҥнәр	саналдырсыҥнар
олар	алҕалдыр(лар)	пәргелдир	саналдыр.

Эта форма так же как и предыдущая не имеет соответствующей отрицательной формы. Отрицание желания, выраженного формой на -ҕалдыр, осуществляется в языке так же, как и при форме на -ҕай, перифрастически, например: сән ме:ңлә парҕалдырсың ба? – чок, коңнум чоҕул 'Ты со мной пойдешь?'–'Нет, желания нет (душа не лежит)'. Пимкә ичкелдир бә? – ичәргә коңну чо:ҕул 'Ефим хочет ли пить?'–'Пить (у него) желания нет'. Или же используется отрицательная форма будущего времени индикатива, например, сән киргелдерсиң писке, кирәй чоҕсуң 'Ты хочешь к нам зайти, не заходишь'.

Для определения значения рассмотрим примеры на употребление анализируемой формы: пӱ:н мән-кӱнәк чунгалдырмән 'Сегодня я буду стирать белье', мән ӧ:зӱмә пӧ:рӱк ти:ң чамы:гындыҥ тиккелдермән 'Я себе шапку из беличьей шкуры хочу сшить'. оғланнар ойналдыр , иштәнәрге қынар чоқтар 'Дети хотят играть,работать не любят'. мән тыңналдырмән, ол чақшы чомақ ыыптыр 'Я хочу послушать, он хорошо сказку рассказывает'.

Из примеров видно, что форма на -ҕалдыр содержит семы: а) модальность (желание) и б) футуральность. Это те семы, по которым формы на -ҕалдыр и на -ҕач входят в один синонимический ряд. Дифференциальным признаком в оппозиции этих форм является, как было показано выше, при анализе значения формы на -ҕач, разная степень проявления модальности: форма на -ҕалдыр выражает большую степень желания. Например: Ол'га сықта:чы 'Ольга хочет (собирается) плакать'– Ол'га сықталдыр 'Ольга хочет (сильно) плакать', мән е:житке:м, сән тартарға таша:чың 'Я слышал, ты курить хочешь бросить'– мән е:житке:м, сән әттәр таштаҕалдырсың 'Я слышал, ты очень хочешь бросить курить'. Эта сема наличествует в анализируемой форме в нейтральном контексте в позиции сильного противопоставления, т.е. парадигматическим значением данной формы является значение модальности, выражающей сильное желание. Значение футуральности проявляется в определенном контексте: иге кӱн па:женда моҕалақталдырбыс 'Через два дня пойдем на медведя'. Это её синтагматическое значение. В отличие от значения ближайшего будущего, свойственного форме на -ҕай, форма на -ҕалдыр выражает простую фтуральность безотносительно к ближайшему времени совершения действия, что

проявляется при противопоставлении рассматриваемых форм, например: пӱ:н ақта:чым 'Сегодня буду белить', иге кӱн па:жында ақталдырмән 'Через два дня буду белить'.

Наличие семы футуральности подтверждается и использованием в сфере отрицательного аспекта формы будущего времени: се:ң па:жын ӱрбәгәй, тараҕалдырсыҥба? – Таранар чоқмән. 'Голова (твоя) нечесанная, причешешься?'–'Не причешусь'. Примечательно, что при отрицании действия (состояния), выраженного глаголом с аффиксом -ҕай/-ҕач, употребляется форма будущего времени на -лық, выражающая обязательность (категоричность) совершения действия в будущем. Это согласуется со значением ближайшего будущего, выражающегося формой на -ҕай/-ҕач.

При отрицании действия (состояния), выраженного глаголом с аффиксом -ҕалдыр, употребляется форма будущего времени на -ар, выражающая, как было показано при анализе этой формы, только значение простой футуральности. Это также согласуется с синтагматическим значением формы на -ҕалдыр.

Условное наклонение

В чулымско-тюркском языке так же, как и во многих других тюркских языках, условное наклонение образуется с помощью аффикса -са/-сә, представленного фонетическими вариантами -за/-зә, встречающимися после основ, оканчивающихся на гласный или звонкий согласный.(После сонорных согласных аллофон -за/-зә произносится полузвонко).

Вопросу происхождения аффикса -са в тюркских языках посвятили свои исследования многие ученые (В.Котвич, Г.И.Рамстедт, Н.А.Баскаков, 1953, 1956; А.Н.Кононов, 1956; Э.В.Севортян, 1962; Э.Р.Тенишев, 1967; Н.З.Гаджиева, 1968, 1973; А.М.Щербак, 1976, и др.).

Настояще-будущее время

В чулымско-тюркском языке зафиксированы две формы условного настояще-будущего времени – простая и сложная.(А.П.Дульзон, 1960, 133). В среднечулымском диалекте в поле настояще-будущего времени, по нашим наблюдениям, имеется только одна синтетическая форма.

Парадигма спряжения глаголов

ал-	'брать'	пär- 'давать'	сана- 'читать','считать'
мän	алзам	пärзäм	саназам
сän	алзаң	пärзäң	саназаң
ол	алза	пärзä	саназа
пис	алзабыс	пärзäбис	саназабыс
силäр	алзаңнар	пärзäңнäр	саназаңнар
олар	алза(лар)	пärзä(лäр)	саназа(лар)

Парадигма спряжения в отрицательной форме.

мän	албазам	пärбäзäм	санабазам
сän	албазаң	пärбäзäң	санабазаң
ол	албаза	пärбäзä	санабаза
пис	албазабыс	пärбäзäбис	санабазабыс
силäр	албазаңнар	пärбäзäңнäр	санабазаңнар
олар	албаза	пärбäзä/лäр	санабаза

Форма условного настояще-будущего времени выражает:

1) условие, при котором действие мыслится реальным или ирреальным: äпчи а:псалса ол ӧнә: қабашалбуқ 'Если женится (жену возьмет), он матери не сможет помогать'. қырчы чаґса қышта:былар, чанґур чаґса чайбылар. 'Если снег пойдет, зимуют, дождь если пойдет, летуют'. ӧлзäк пиргä ӧллик ... 'Если умирать, то вместе';

2) время: қачан мän турзам кӳн таң ча:рыбыл 'Когда я встаю солнце ярко светит'. қара қан е:бенä кирзä äпче:зи о:л ту:п салґан 'Когда черный хан домой зашел, жена сына родила'.

Значение условия для совершения или несовершения действия является основным (парадигматическим) значением данной формы, проявляющимся в позиции сильного противопоставления в нейтральном контексте (ол парады 'он идет'- ол парса 'если он пойдет'). Значение времени является синтагматическим значением формы на -са, проявляющимся либо в определенных речевых условиях (при сопутствующем обстоятельственном слове қачан), либо при выражении основного действия глаголом в прошедшем времени. Если же глагол основного действия выражен формой настоящего времени, то оно реализует сему отсутствия соотнесенности с определенным моментом речи, иначе говоря, выступает синтагматическое значение формы настоящего времени. При реализации парадигматического значения формы на -са основное действие выражено глаголом в настоящем времени.

В поле условного наклонения в нижнечулымском диалекте выделяют и форму прошедшего времени, образуемую "посредством личных форм глагола пол- с причастием прошедшего времени на -ґан. Например:

мän	парґан	болза·м 'я бы ушел'(в прошлом)
сän	парґан	болза·ң
ол	парґан	боза·
пис	парґан	боза·вас
слäр	парґан	боза·нгнар
олар	парґан	боза , боза:ла:р"(А.П.Дульзон, 1960, 134).

В среднечулымском диалекте по нашим наблюдениям также существует аналитическая форма с глаголом пол- 'быть', однако её структура несколько иная: форма прошедшего времени на -ґан + аффиксы лица + глагол пол- 'быть' + аффикс условного наклонения -са.

Парадигма спряжения глаголов пар- 'идти', кäл- 'приходить', сана 'считать','читать'.

мän	паґа:м	полза	кäлґе:м	полза	сана:м	полза
сän	паґа:ң	полза	кäлґе:ң	полза	сана:ң	полза
ол	паґан	полза	кäлґан	полза	сана:н	полза
пис	паґа:быс	полза	кäлґе:бис	полза	сана:быс	полза
силäр	паґа:ңнар	полза	кäлґе:ңнäр	полза	сана:ңнар	полза
олар	паґа:ннар	полза	кäлґаннäр	полза	сана:ннар	полза

Отрицательная форма

мän	парба:м	полза	кäлбе:м	полза	санаба:м	полза
сän	парба:ң	полза	кäлбе:ң	полза	санаба:ң	полза
ол	парба:н	полза	кäлбе:н	полза	санаба:н	полза
пис	парба:бис	полза	кäлбе:бис	полза	санаба:быс	полза
силäр	парба:ңнар	полза	кäлбе:ңнар	полза	санаба:ңнар	полза
олар	парба:ннар	полза	кäлбе:ннар	полза	санаба:ннар	полза

Следует отметить, что в мелетском говоре среднечулымского диалекта имеются еще две формы: первая типа паґа:м поґан

полза 'если бы я пошел', вторая – типа паррық полэа.

Рассмотрим соотношение форм условного наклонения вначале в мелетском говоре.

Первые две формы выражают нереальное условие, противопоставляемое по семе время. Форма паға:м полса выражает нереальное условие, желание, относящиеся к настоящему и будущему времени, форма же паға:м полган полса выражает нереальное условие, желание, относящиеся к прошедшему времени. Это предположение о значении форм основывается на их дистрибуции. Форма паға:м полса встречается с обстоятельственными словами тамна 'завтра', күнзай 'каждый день'; с обстоятельственными же словами кәчә 'вчера', әрте:зи 'раньше' употребляется только форма паға:м полза. Например: а) сән тамна та:брагин паға:ң полза 'Если бы ты завтра шел побыстрее'. поста тамна ызыпыскаң полза ол көррүк полган 'Если бы (ты) у нас завтра заснул, он бы (тебя) увидел'. В нижеследующих предложениях нет обстоятельственных слов, однако, судя по контексту, в них выражается условие, не относящееся к прошлому: кәч чақшы полгаң полза ол күллүк 'Если бы ребенок был здоровым, он бы засмеялся' (основное действие выражено глаголом в будущем времени), мән сәндә қа:л паррық полғам ме:не са:ғыбылы тәтәм 'Я бы у тебя остался, (но) меня ждет отец' (основное действие выражено глаголом в настоящем времени); б) кәчә мән а:ны көрге:м полғам полза, мән ана пе:рсаллық полғам та:бы:ғыны 'Если бы я вчера видел, я бы дал ему что нашел (я)', ол әрте:зи кәлгән полган полза түлгүзүн кө:р паррық қапканда полған. 'Если бы он раньше пришел, лисицу бы увидел в капкане', мән карында:жыма парче:зын са:тавастықым полғам, ол мында кәчә полган полган полза 'Я бы всё брату (своему) рассказал, если бы он вчера был здесь'.

Форма типа паррық ползам 'если бы пошел (я)' противостоит форме паған полза по семе модальности : в первом случае выражается желание, предположение, не обязательно противоречащее реальности, во втором случае – ирреальное желание, условие, предположение, например: тамна тайга паррықым. ö:лүрлүк ползам могалақты! 'Завтра в тайгу пойду. Убить бы мне медведя!' ол ме:не анда сагик полса! 'Подождал бы он меня!' мән үрнүп паррық полғам, сән кәллик полсаң тамна мән пиләр чокмән сән кәлликсиң бә чокбә. 'Я бы обрадовался если бы ты пришел завтра, (но) я не знаю, придешь ты или нет'.

В тутальском говоре среднечулымского диалекта из анализированных форм паған полса и паған поган полса функционирует только первая. Различная дистрибуция этой формы как с обстоятельственными словами тамна 'завтра', күнзай 'каждый день', шагал 'сейчас', так и со словами кәчә 'вчера', пылтыр 'в прошлом году' говорит о том, что в семантике этой формы не дифференцируется время, эта форма используется только в плане ирреальной модальности, например: ме:ң ичәм бә тирит полган полса шагал! 'Была бы моя мать сейчас живой!', шагал чай полган полза, полбуқ, ол чажан 'Был бы сейчас чай. Не будет, она ленивая'. мән үрнүп паррық е:дем агам тамна чақшы полған полза 'Я бы обрадовался, если бы завтра отец хорошо себя чувствовал'. сән көп пылтыр чө:ре:ң полза агрыбуг е:диң 'Если бы в прошлом году много ходил, ты бы не болел', кәчә пис а:ны көрге:бис полза ти:ң пәрик е:дебес 'Если бы мы его вчера видели, мы бы ему дали белок'. Форма типа паррық ползам 'если бы я пошел' имеет в этом говоре ту же семантическую нагрузку, что и в мелетском говоре.

Сослагательное наклонение

Структура формы: причастие будущего времени спрягаемого глагола + личные формы определенного прошедшего времени недостаточного глагола е-. Данная форма свойственна как нижнечулымскому, так и среднечулымскому диалекту. В форме недостаточного глагола -е по нашим материалам выделяется долгота. В парадигме спряжения, данной А.П.Дульзоном, долгота отсутствует, однако ниже во многих примерах, данных для иллюстрации, долгота им отмечена.

Следует заметить, что в среднечулымском диалекте в его тутальском говоре для образования сослагательного наклонения используются две формы причастия: на -лық и на -ар. В мелетском говоре описываемая форма используется крайне редко.

Парадигма спряжения глаголов пар- 'идти', кәл- 'приходить', сана- 'считать', 'читать' в форме сослагательного наклонения на -ар/-әр е:ди .

мән	парай	е:дим	кәләр	е:дим	сани	е:дим
сән	парай	е:диң	кәләр	е:диң	сани	е:диң
ол	парай	е:ди	кәләр	е:ди	сани	е:ди

пис	парай	е:дибис	кәлӛр	е:дибис	сани	е:дибис
силӛр	парай	е:диңнәр	кәлӛр	е:диңнәр	сани	е:диңнә
олар	парай	еди(лӛр)	кәлӛр	е:ди(лӛр)	сани	е:ди(лӛр

Парадигма спряжения этих же глаголов в форме сослагательного наклонения на -лық/-лик е:ди

мән	паррық	е:дим	кәллик	е:дим	сани:к	е:дим
сән	паррық	е:диң	кәллик	е:диң	сани:к	е:диң
ол	паррық	е:ди	кәллик	е:ди	сани:к	е:ди
пис	паррық	е:дибис	кәллик	е:дибис	сани:к	е:дибис
силӛр	паррық	е:диңнәр	кәллик	е:диңнар	сани:к	е:диңнә
олар	паррық	е:ди/лӛр	кәллик	е:ди/лӛр	сани:к	е:ди/лӛ

Нами зафиксирована только одна отрицательная форма.

Парадигма спряжения глаголов в отрицательной форме

мән	парба:с	е:дим	кәлбӛ:с	е:дим	санаба:с	е:дим
сән	парба:с	е:диң	кәлбӛ:с	е:диң	санаба:с	е:диң
ол	парба:с	е:ди	кәлбӛ:с	е:ди	санаба:с	е:ди
пис	парба:с	е:дибис	кәлбӛ:с	е:дибис	санаба:с	е:дибис
силар	парба:с	е:диңнәр	кәлбӛ:с	едиңнәр	санаба:с	е:диңнә
олар	парба:с	е:ди(лӛр)	кәлбӛ:с	е:ди(лӛр)	санаба:с	е:ди/лӛ

Значениями формы сослагательного наклонения являются предположение, желание, возможность или невозможность действия. Форма сослагательного наклонения может употребляться как в простом распространенном и нераспространенном предложении, так и в составе условного периода, например: ӧ:лӱрәй е:дим көп қара қузуруқту 'Убить бы мне много соболей', ағала қабаштық е:диң 'Помог бы отцу'. е:жикти чабар е:диң 'Дверь закрыл бы'. ме:ң қо:луи ағрыба:н болса, мән пӱ: паҕли е:дим 'Если бы у меня рука не болела, я бы сеть связала'.

Формы сослагательного наклонения на -ар и на -лық употребляются в значении настоящего, будущего и прошедшего времени. Временные различия обусловлены контекстом: мән пу книганы шаҕал сани е:дим 'Я эту книгу сейчас прочитал бы'. пу чайда ол парай е:ди туғбо:зына 'Он в это лето поехал бы к сестре'. кәчӛ пис а:ны кӧ:рге:бис болса, ти:ң пәррик е:дибис 'Если бы мы его вчера видели, белок дали бы ему'. ол кәчӛ күндӛ па:рбуктыр полза, пис қара қатта парыстық е:дибис 'Если бы он вчера не должен был ехать, мы бы за черной смородиной пошли бы'.

Разграничение двух форм сослагательного наклонения на -ар е:ди и -лық е:ди базируется, как представляется, на том дифференциальном признаке, который лежит в основе оппозиции форм будущего времени на -ар и на -лық. Этим дифференциальным признаком является признак обязательности (категоричности) совершения действия (см. об этом в разделе „Будущее время"). Применительно к сослагательным формам этот признак несколько модифицируется и проявляется как большая степень оптативности в форме на -лық. Пояснения информантов подтверждает это предположение: сән тәмпе ме:не саҕи е:диң! 'Если бы ты меня вчера подождал!' (информант: "Если бы шибко ждал куда-то идти, то саги:қ е:дең). пәклӓ саташқан полза мән пирдим е:життик е:дим 'Если бы он громче говорил, я бы обязательно услышал . қар жаҕан полза тайгали:ға паррық е:дибис 'Если бы выпал снег мы бы пошли охотиться'. чай чылғ полған полза, турна:жы пыштаррық е:де 'Если бы лето было теплое, клюква (уже) поспела бы'. пәрәй е:ди шаны:-зын, ӧ:зӱ пара:чы 'Он дал бы свои лыжи, сам пойдет' (информант: "Если обязательно дал бы, то пирдим пәррик е:ди").

Таким образом, рассматриваемые формы противопоставляются по степени гипотетичности и оптативности. Парадигматическим значением формы на -ар е:ди является значение гипотетической модальности, содержащей семы: а) предполагаемого действия, б) желаемого действия (оптативности).

Парадигматическим значением формы на -лық е:ди является значение гипотетической модальности, содержащей семы: а) обязательность предполагаемого действия; б) более сильная степень желаемого действия.

Неличные формы глагола

Причастие

Причастие относят к неличным формам глагола, характеризующимся глагольными и адъективными признаками. Иногда его считают самостоятельной частью речи (И.И.Мещанинов). В тюркологической литературе также отмечают двойственный характер причастия. Однако не все ученые определяют его место между глаголом и прилагатель-

ным, а отводят ему место между глаголом и существительным

Исследование некоторых ученых приводит их к мысли о двойственном характере причастий в тюркских языках: глагольном, адъективном и субстантивном (С.И.Иванов, 1977, 35).

В чулымско-тюркском, как и в других тюркских языках, глагольные характеристики причастий проявляются в: 1) лексическом значении признака предмета, представленного как процесс; 2) категориях времени, залога, формах, выражающих характер протекания действия; 3) синтаксический функции сказуемого.

Адъективные признаки причастия проявляются в: 1) лексическом значении признака предмете, 2) синтаксической функции определения.

Употребленное вместо определяемого им существительного причастие субстантивируется и приобретает признаки существительного: 1) категорию числа, 2) принадлежности, 3) падежа.

В чулымско-тюркском языке имеются следующие причастия:

1) причастие прошедшего времени на -ган; 2) причастие настоящее-будущего времени на ар; 3) причастие настояще-будущего времени на -/а/тқан; 4) причастие будущего времени на -лық.

Причастие прошедшего времени образуется с помощью аффикса ган/-қан, -гән/-кән, прибавляемого к основе глагола. При присоединении указанных аффиксов к основе, оканчивающейся на гласный звук к/г в аффиксе причастия выпадает и два гласных стягиваются в один долгий: сана:н книга 'прочитанная книга', ти:ңне:н кижи 'белковавший человек'.

Предполагается, что аффикс -ган в тюркских языках представляет собой "составную форму из -га, с помощью которой образуется вторичная глагольная основа и -н" (Г.И.Рамстедт, 134). Говоря о смысловом содержании этой формы, подчеркивают, что это не только причастие прошедшего времени, но и отглагольное имя, указывающее процесс и результат действия, о чем свидетельствует возможность присоединения к данной форме аффиксов принадлежности (Н.К.Дмитриев, 1948, 155). Исторически же, как полагают, форма на -ган "относилась к группе форм, составляющих пассивные результаты действия, которые позже были переосмыслены в значении законченного факта действия, а затем получили семантику причастия прошедшего времени" (Н.А.Баскаков, 1952, 438).

В чулымско-тюркском языке как и в других тюркских языках причастие на -ган выступает в предикативной и аттрибутивной

функциях. Так, составляя основу прошедшего времени, эта форма выполняет в предложении функцию синтаксического предиката: вәлә сықта:н чатқан, ата:зы соққан 'Валя плакала, лежала, отец (её) побил'. В этой же функции используется в аналитических конструкциях, выражающих характер протекания действия: чәл ағачты пўк паған 'Ветер деревья согнул', кижи ағачты пўк салған 'Человек деревья согнул'. а:ның кучу көп ағачты ол пўгўп асхан 'У него много сил, он деревья согнул'. Дифференциация данных аналитических конструкций основана на семантических признаках вспомогательных глаголов, сохраняющихся от категориальных (лексико-семантических) классов, в которые они входят.

Благодаря адъективным признакам причастие на -ган выступает в синтаксической функции определения: көйгән әп көй паған, кимәлә өртәп салған 'Горевший дом сгорел, кто-то (его) поджег', чомақ исхан кижи 'человек, рассказывающий сказки'. Субстантивизируясь оно принимает аффиксы падежа, числа и принадлежности и употребляется в функции дополнения, обстоятельства, подлежащего: қайда көрге:ң пер аранда мө:ре қой чуртабығанны 'Где (ты) видел, чтобы вместе жили волк и овца', мән чақшы үрәнгәнге мән игендже классқа суқ салғам '(Так как) я хорошо учился, я перешел во второй класс'. кәлгәннәр о:луртурлар се:не көрге:джеләр 'Пришедшие сидят, тебя видеть хотят', кәлгәннәрге айдарға гәрәк 'Пришедшим сказать надо', мән е:житке:м ол ырла:ны 'Я слышал его пение'.

Причастие настоящее-будущего времени на -ар/-р

Причастие на -ар/-р в современных тюркских языках образуется с помощью аффикса, содержащего, как правило, широкие гласные -ар, -әр . В некоторых языках встречаются варианты с узкими гласными, использование которых объясняется либо фонетическими условиями (например, в тувинском языке, после основ с узкими гласными (Ф.Г.Исхаков, А.А.Пальмбах, 303), либо закрепленностью за определенным лексико-семантическим классом, например, глаголов движения в тофаларском языке (В.И.Рассадин, 187-188), либо семантической дифференциацией при присоединении к одной и той же основе, например, в азер-

байджанском языке (язырам 'я пишу', язарам 'я буду писать', см.Грамматика современного азербайджанского языка, 136,138).

Наличие аффикса причастия с узкими гласными имело место и в древних языках. Основываясь на данных древних языков и современных, например, азербайджанского, ученые считают, что "первоначально элемент -г входил в состав двух суффиксов, одного с широким гласным и второго - с узким гласным, и что эти суффиксы имели разные значения ... Однако в большинстве языков эти формы со временем смешались ..., и форма аориста стала соответствовать настоящему-будущему времени" (В.Котвич, 277). В аффиксе с широким гласным В.Котвич предполагает "дуративный суффикс -а, который спорадически выступает и в других случаях". Н.А.Баскаков возводит форму -ар/ер, р, -ыр/ир к форме гар/гер ~ гыр/-гир, имевшей первоначально семантику активного имени постоянно действующего лица и орудия действия (Н.А.Баскаков, 1952, 425). Как подчеркивает Г.И.Рамстедт, в вопросе генезиса рассматриваемой формы до сих пор многое неясно (Г.И.Рамстедт, 84). В чулымско-тюркском языке данное причастие также имеет несколько вариантов. Морфема -ар представлена в среднечулымском диалекте тремя алломорфами: -ар, -ай, -и, а в нижнечулымском - двумя: -ар, -ы/-и. Они являются алломорфами морфемы -ар, так как находятся в дополнительной дистрибуции. Алломорф -ар в обоих диалектах встречается после основ, оканчивающихся на согласные, например, аларға 'брать', қынарға 'любить'.

Алломорф -ай, отмеченный только в среднечулымском диалекте, встречается после основ, оканчивающихся на согласный р: чарай 'рубить', се:рай 'прыгать', оскурай 'будить'. Этот алломорф мог появиться в результате тенденции, свойственной языкам мира, к улучшению языковой техники и языкового механизма (об этом см.Б.А.Серебренников, 1968, 49), проявившееся в данном случае в стремлении к ликвидации гаплологии[x].

Алломорф -ы/-и в нижнечулымском и -и в среднечулымском встречается после основ, оканчивающихся на гласный (а в нижнечулымском и после согласного) р): ырли:га 'петь', пагли:га 'вязать', чурти:га 'жить'.

Наличие варианта с узким гласным может вызывать предположение о 1) сохранении в чулымско-тюркском реликтовой формы, о которой говорилось выше или 2) о развитии звука ы/и в форме причастий, образованных от гласных основ из аффикса ар через следующие ступени: ар>ай>ай>и: (А.П.Дульзон,1961,127). Второе более вероятно, поскольку этот гласный встречается избирательно, только, как правило, в именных основах, например: тамақти:ға 'душить', тайғали:ға 'охотиться', парли:ға 'вязать', чурти:га 'жить', ушти:га 'метать сено', па:лықти:ға 'рыбачить', қышти:ға 'зимовать', чайғали:ға 'летовать', ужақти:ға 'рыбачить на удочку', ати:га 'называть', оти:га 'кормить (травой)', ти:ңни:ға 'белковать', тӯлгӯли:ға 'охотиться за лисой', моғалақти:ға 'охотиться за медведем', сани:га 'читать', ӓмни:га 'лечить', кули:ға 'жеребиться'.

Принимая во внимание закрепленность показателя и, главным образом, за именными основами, можно предположить, что толчком к изменению звука а>и могла послужить субстратная языковая норма. Субстратом среднечулымского диалекта, как показали исследования А.П.Дульзона, является кетский язык, а пумпокольские топонимы обнаруживаются на всей территории чулымско-тюркского языка, т.е. и на территории нижнечулымского диалекта (А.П.Дульзон, 1973б).

В кетском языке, языке классного типа, различаются два класса существительных, получающих свое отражение в формах соотнесенных с ними глаголов: класс одушевленных или разумных лиц и класс неодушевленных предметов или неживых. Класс неодушевленных предметов или же понятия живого предмета женского пола обозначается звуком и (А.П.Дульзон, 1968, 63,588). Все именные основы приведенных выше примеров представляют собой наименование неодушевленных предметов. Слово кули:ға 'жеребиться' обозначает соотнесенное с ним существо женского рода, т.е. фонетические условия появления звука и не противоречили сознанию носителей языка. Слова па:лықти:ға 'рыбачить', тӯлгӯли:ге 'охотиться за лисой', ти:ңни:ге 'белковать', моғалақти:ға 'охотиться за медведем' рассматривались не как живые существа (хотя первые три, обозначая видовое понятие в кетском языке, имеют форму женского рода, последнее может быть употреблено и в форме женского рода и мужского, А.П.Дульзон, 1968, 63-68), а классифицировались в сознании носителей языка как объект деятельности и относились к классу "и".

---

x Объяснение данного явления устранением гаплологии высказал в устной беседе Н.А.Баскаков.

Звук и появляется в целом ряде грамматических форм, в основе которых лежит причастие настоящего времени (от гласных основ) или слитное деепричастие (о генетической связи деепричастия с причастием см. В.Котвич, 303). Этими формами являются: 1) настоящее время на -ады (сани:ды 'Он читает'); 2) инфинитив (сани:ға 'читать'); 3) будущее на -ар (сани: 'Он будет читать'); 4) будущее на -лық (сани:к 'Он прочтет'). Наличие звука и во всех этих формах обусловлено фонетическим процессом, подкрепленным явлениями субстратного характера, описанными выше.

В том случае, когда грамматическая форма образуется не на основе причастия будущего времени, перехода а>и не наблюдается, что свидетельствует о рамках фонетического процесса, ограниченного сферой причастия настоящего времени. Примером могут служить формы прошедшего времени на -ган и на -ды: сана:м 'я читал', санадым 'я читал'. Вместе с этим создается стройная система форм: сани:дым 'я читаю'- санадым 'я читал', сани:м 'я буду читать'- сана:м 'я читал'.

В связи с рассматриваемым вопросом интересно отметить, что причастие в чулымско-тюркском языке во многих случаях (хотя и не всегда) сохраняет свои именные свойства. Показателем сохранения именных свойств причастия является именное отрицание или отрицание имени в позиции сказуемости. В среднечулымском диалекте отрицательная форма в будущем времени на -ар и во всех формах настоящего времени образуется от основы причастия на -ар и именного отрицания: а) ол иштәнәр 'Он будет работать' - ол иштәнәр чо:ғул 'Он не будет работать' ол әмни 'Он будет лечить' - ол әмни чо:ғул 'Он не будет лечить'; б) ол сани:ды 'Он читает'- ол сани чоқ 'Он не читает'. ол санаптыр 'Он читает'- ол сани чоқ 'Он не читает'. ол санабыл 'Он читает'- ол сани чоқ 'Он не читает'. ол санабылчады 'Он читает'(всё время) - ол сани чоқ 'Он не читает'.

В нижнечулымском диалекте формы настоящего времени в отрицательном аспекте имеют также именное отрицание, а в будущем времени - отрицательный аффикс - бас/бас, -пас/-пас, например, салвасым 'Я не положу', т.е. в этом случае причастие в нижнечулымском содержит черты verbum finitum.

Синтаксические функции описываемого причастия: 1) функция сказуемого (в форме настояще-будущего времени), например:

көп па:лық тутарман 'Много рыбы поймаю'. сутач мүн пыжырайман 'Жидкий суп сварю'; 2) функция определения, например: чақшы көрәй кижи 'хорошо видящий человек', кәлар кижи 'человек, который придет'.

Причастие настояще-будущего времени на -(а)тқан/(ә)ткән характерно только для нижнечулымского диалекта. Оно употребляется в функции определения, имея пассивное и активное значение в зависимости от семантики элементов словосочетания: цаватқан озо 'вещь для косьбы', идзеткен суғ 'питьевая вода' (т.е. вода, которую можно пить), цаватқан кижи 'косящий человек', ажсатқан ат 'падающий конь', сүзеткән қуш 'плавающая птица' (А.П.Дульзон, 1960, 117).

Причастие будущего времени на -лық встречается в Сибирском ареале только в чулымско-тюркском языке. Из других тюркских языков оно встречается в карачаево-балкарском. Причастие на -лық составляет основу будущего времени на -лық и употребляется в функции сказуемого, например, кәнджи у:р сыктық, кимдә а:на тигә кәлбүк 'Ребенок (маленький) плачет долго, никто к нему не подходит'. Причастие на -лық употребляется также в функции определения: кәллик кижи 'человек, который придет (обязательно)', кирик кижи 'человек, который (непременно) зайдет', пу телнәк чәнштик инәк поллуқ 'Этот теленок бодливой коровой будет (обязательно)', ағрик кижи 'человек, который будет болеть', қыркыштық тайна 'старушка, которая будет ругаться'. Различие причастий настояще-будущего времени на -ар и на -лық основано на дифференциальном признаке, лежащем в основе оппозиции этих форм причастия. Этим дифференциальным признаком является обязательность совершения действия в форме причастия на -лық. Подробно этот вопрос рассматривался при определении семантики и выявления принципа синонимического варьирования форм будущего времени, в основе которых лежат причастия на -ар и на -лық.

Деепричастие

Определение деепричастия вызвано сложностью его природы. Считая его глагольной формой, исследователи отмечают в нем характеристики глагольного определения и называют его отглагольным наречием (Н.К.Дмитриев, 1948, 185), атрибутивно-об-

стоятельственной формой глагола, соотнося его с наречием (Н.А.Баскаков, 1952, 459; 1959, 5), характеризуют его как форму глагола, в котором сочетаются признаки наречия и глагола (А.Н.Кононов, 1956 ; В.Н.Хангильдин, 238, Д.Г.Тумашева, 1964, 204), либо просто подчеркивают в его семантике признак другого действия (А.Н.Кононов, 1960, 239).

Исследованию семантики и критическому анализу существующих точек зрения о значении деепричастных форм в современных тюркских языках посвящена специальная монография А.А.Юлдашева (1977).

В чулымско-тюркском языке различаются следующие деепричастия: 1) деепричастие на -ып; 2) деепричастие на -а; 3) деепричастие на -ғач.

В чулымско-тюркском языке соединительное деепричастие образуется с помощью аффикса -п (после гласных), -ып/ип (после согласных), -уп/ӱп (после согласных основ с корневыми губными гласными), например: ойнап 'поиграв', ишлап 'поработав', парып 'идя', тутуп 'поймав', көрӱп 'увидев', В основах, оканчивающихся на согласный -л, этот согласный выпадает и предшествующий гласный получает компенсирующее удлинение: а:п (<алып) 'взяв', ке:п (<келип) 'придя'. В исследуемом языке деепричастие на -ып обозначает действие, предшествующее или совершающееся одновременно с действием, выраженным основным глаголом, служит признаком другого действия, например: қыржыып, парысханнар 'поругавшись, ушли', па:лықтап кәлгән 'нарыбачивдись, пришел (он)', саташып о:лурғаннар 'разговаривая сидели (они)', о:лурып пағлаптермән 'сидя вяжу'.

Замечание, высказанное П.М.Мелиоранским по поводу киргизского языка об употреблении одного за другим целого ряда деепричастий для выражения действий, следующих непосредственно одно за другим и обозначения только последнего действия личной формой глагола (П.М.Мелиоранский, 1897, 35), справедливо и для чулымско-тюркского языка, например: пӓч таплап, көп са:п, итве:ген қатайлап са:п, пӓчкӓ тастап со:дым 'Печку растопив, собрав (уголь), хлеб раскатав, в печку бросаю'. чип са:дып а:п, пӱ паглап (қырық метра паглап са:п) азонда чатоғын қаттап са:п, утхун а:п со:дыбыс 'Нитки купив, сеть связав (сорок метров связав), затем верхнюю часть собрав, на веревку одеваем'.

Деепричастие на -ып используется при образовании форм настоящего времени и форм, выражающих способы глагольного действия. Деепричастие на -а (или слитное деепричастие) образуется с помощью аффикса -а/-а, присоединяемого к основам на согласные, и аффикса -и - к основам на гласные, например, ала 'беря', пара 'идя', ойни 'играя'.

Происхождение слитного деепричастия в тюркских языках еще не установлено. Аффикс анализируемого деепричастия возводят: а) к аффиксу желательного наклонения -гай, -гей; б) к причастию; в) соотносят с определенными причастиями, например, причастием желательной формы будущего времени на -гай, -гей, а также с повелительно-желательной формой на -ай и с формой причастия будущего времени на -ар, -р; г) либо соотносят с отглагольным именем.

Во многих современных языках деепричастие на -а функционирует в редуплицированной форме.

В чулымско-тюркском языке рассматриваемое деепричастие употребляется, главным образом, не в редуплицированной форме и обозначает действие, одновременное с действием, выраженным основным глаголом: саташа о:лурубылбыс 'Мы сидим, разговаривая'. тайғыда айығли чо:ре:н 'В тайге, крича, ходил (он)', пирге па:лықти о:лурубылбыс 'Вместе, рыбача, сидели'. ӱч қат солдаттар ӱчӱнчӱ сутқазында тура узупысханнар 'Три ряда солдат на третьи сутки, стоя, заснули'.

В деепричастии на -ғач дистрибуция суффикса -ғач характеризуется встречаемостью после сонорных согласных (и, видимо, после гласных, но нами эти формы не зафиксированы), вариант -қач встречается после основ, оканчивающихся на глухие согласные.

Суффикс деепричастия ғач/-қач был известен в чагатайском восточно-туркестанском, сибирских и приволжских диалектах (В.Котвич, 300). О.Бётлинг находил ему параллель в якутском аффиксе -at, -ät.(O.Böehtlingk, 179), Г.И.Рамстедт соотносил тюркскую форму на -ғач с монгольским деепричастием прошедшего времени на -gad и считал его сложным, состоящим из двух элементов. В тюркских языках она характеризует действие во временном отношении, причину или условие совершения действия, например, в татарском языке (Д.Г.Тумашева, 1969, 258), а также действие, вслед за которым произошло другое действие, например, в узбекском языке (А.Н.Кононов, 1960, 243).

В чулымско-тюркском языке это деепричастие нами отмечено только в значении условия совершения действия основного глагола: ме:не алгач алгыл тайга: 'Если меня берете, то берите в тайгу' пис се:недӓ алгық едебес алгач 'Мы бы и тебя взяли', ол аны алгач чапысхан аргызы чилӓп 'Он взял его по-дружески'.

Инфинитив

Инфинитив в чулымско-тюркском языке образуется с помощью аффикса -арга/-ӓрге, восходящего, как и в других тюркских языках, имеющих эту форму, к аффиксу причастия будущего времени -ар и аффикса дательного падежа. Особенностью чулымско-тюркского языка является наличие нескольких аффиксов, образующих форму инфинитива: -арга/-ӓрге, а также -и:га. Они имеют различную дистрибуцию (с междиалектными различиями): 1) в нижнечулымском диалекте в глаголах с корневыми гласными заднего ряда в аффиксе употребляется звук ы (сыктыга 'плакать'), в то время как в среднечулымском диалекте независимо от корневого гласного в аффиксе присутствует звук и (сықти:га 'плакать'); 2) в среднечулымском звук и всегда долгий; 3) в нижнечулымском диалекте формы инфинитива глаголов с основой на гласный и согласный р аналогичны (кызарыга 'краснеть', аклыга 'чистить'), в среднечулымском диалекте от глаголов на согласный р инфинитив образуется с помощью аффикса -ай/-ӓй (кызарайга 'краснеть', кӧрӓйге 'видеть'). Названные особенности наглядно представлены в табл.2.

Можно предположить два возможных пути развития аффиксов: 1) сочетание двух показателей древнего причастия на -р и на -к (о причастных формах и их развитии см. Б.А.Серебренников, Н.З. Гаджиева, 1979, 227, 229, 231, 232), что и дало вышеуказанные контаминации. (О развитии многих аффиксов в результате фузионного развития см. А.Н.Кононов, 1971, 108-120); 2) фонетический процесс развития -и:га < -арга можно представить следующим образом: тамақта + арга > тамақта + й + арга > тамақтӓ + й + арга тамақти + й + арга > тамақти:йга > тамакти:га. Фонетическая обусловленность аффиксов инфинитива в нижнечулымском и, частично, в среднечулымском диалектах отмечена А.П.Дульзоном. Дальнейшие исследования причастия и инфинитива позволили нам установить закономерность в закрепленности аффикса -и:га за именными основами.

Таблица 2

	н.чул.	ср.чул.	значение
от глаголов с основой на согласный	тутарга	тутарга	держать
	сағарга	сағарга	доить
	тартарга	тартарга	тянуть
	ӓдӓрге	ӓдӓрге	делать
	кӓлӓрге	кӓлӓрге	приходить
от глаголов с основой на звук р	парыга	парайга	идти
	пыжырыга	пыжырайга	варить
	турыга	турайга	стать
	кӧриге	корайге	смотреть
	сӓкриге	се:гирӓйге	прыгать
от глаголов с основой на гласный	сыктыга	сықти:га	плакать
	куа:стыга	кувасти:га	украшать
	ырлыга	ырли:га	петь
	мӱстиге	мӱсти:гӓ	бодать
	тӧлиге	тӧли:ге	платить

Глава Ш. НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

Наречие

Наречия в чулымско-тюркском языке, как и в других тюркских языках (и не только в тюркских, но и в языках других семей, к примеру, в германских языках), слабо дифференцированы. Исходя из принятого в работе определения частей речи как семантико-функциональных разрядов слов (см. Б.А.Серебренников, 1976, 27), при отнесении языковой единицы к данной части речи оказывается существенным выполняемая ею функция (обстоятельственная) и присущая ей определенная семантика (выражение признака признака, признака действия, или пространственного обозначения).

По способу образования наречия делятся на две группы. К первой относятся наречия, образованные с помощью морфологических средств, ко второй - с помощью синтаксических. Вторая группа в свою очередь делится на три подгруппы, образованные: 1) морфолого-синтаксическим способом; 2) лексико-синтаксическим способом; 3) способом словосложения, в результате чего образуются сложные наречия.

С помощью морфологических средств в чулымско-тюркском языке образуется очень незначительная часть наречий. К наречным аффиксам относятся:

-ча, образующий наречия от имен существительных и местоимений, например: қазақча 'по-русски', по:зынча 'по-своему', пистиңча 'по-нашему'. В отношении происхождения данного форманта ученые сходятся на том, что -ча развился из чаг 'время', 'мера количество'. В чулымско-тюркском языке, как и в некоторых других тюркских языках, сохранилась форма чаг, употребляющаяся в функции послелога, в значении уточнения времени, например: и:р чагын 'под вечер', и:рге чагын 'к вечеру';

-лап/-лӓп. С помощью данного аффикса образуются наречия от существительных, числительных и прилагательных, например: улур қушлап 'по-совиному', кожилап 'по-овечьи', түлгүлӓп 'по-лисьи', тӓтӧ:зилӓп 'по-отечески,'каттап 'по-женски', игинчилӓп 'во-вто-

рых', чаллап 'снова'(< чаң + лап). Аффикс -лап состоит из глаголообразующего аффикса -ла и аффикса деепричастия -п;

-ын/ин, -ун/-ӱн. С помощью данного аффикса образуются наречия от существительных и обозначают времена года: қышын 'зимой', часын 'весной', күзӱн 'осенью'. Указанный аффикс представляет собой аффикс архаичного инструментального падежа.

Синтаксический способ образования наречий с помощью падежных аффиксов определяется в литературе по-разному. Он именуется морфолого-синтаксическим способом (А.Н.Кононов, 1960, 288), способом лексикализации (Э.Р.Тенишев, 1976б, 186). Иногда не будучи выделенными специально, словоформы с падежными аффиксами рассматриваются в разделе "лексического способа словообразования" (Н.А.Баскаков, 1952, 218-219).

Вслед за А.Н.Кононовым отдельные словоформы, изолированные от всей парадигмы и несущие в себе наречное значение, мы рассматриваем в разделе морфолого-синтаксического способа образования наречий. В чулымско-тюркском языке некоторые падежные формы тоже лексиколизуются и используются в качестве наречий. В этом процессе участвуют следующие падежные аффиксы:

-тын/дын (аффикс исходного падежа). С этим аффиксом образуются наречия от существительных, местоимений, числительных и наречий: қабырғазындын 'сбоку', үштүн 'сверху', иштирдин 'изнутри', көмӓстин 'понемногу'(< көп ӓмӓс + тин), пирдин 'по одному', тесхартын 'снаружи';

-та/-да (аффикс местного падежа). Этот аффикс образует наречия от существительных и прилагательных: күскүдӓ 'осенью', түнүндӓ 'ночью', кӓстимдӓ 'сзади'(меня), ӓргидӓ 'в старину';

-пыла, -лаң (аффикс орудного падежа). Данный аффикс участвует в образовании наречий от существительных и прилагательных: пастырбыла 'шагом'(м), пурунгусыбыла 'с давних пор', пасхӧбылаң 'по-другому', чыллаң 'годами'(срч);

-га/-гӓ (аффикс дательно-направительного падежа): үргӓ 'надолго'.

Под лексико-синтаксическим способом образования наречий иногда имеют в виду адвербиализацию других частей речи путем конверсии (см. В.И.Рассадин, 246). По-видимому, для тюркских языков не совсем правомерно в данном случае говорить о конверсии, так как признание конверсии влечет за собой признание существования классов слов с закрепленной за ними грамматиче-

ской семантикой, в то время как в тюркских языках определенная семантика (предмета, процесса или действия, признака предмета, признака признака) становится присущей той или другой лексеме в зависимости от выполняемой ею функции в речи.

К лексико-синтаксическому способу образования относятся лексические единицы, функционирующие в языке с закрепленной за ними семантикой, выражающей признак действия и пространственные координаты и выполняющие синтаксическую функцию обстоятельства, т.е. дифференцирующиеся как наречия. По своему значению эти наречия делятся на: I) наречия образа действия, выражающие способ, качество и форму совершения действия или процесса: та:брак 'быстро', пäк 'сильно', пе:рик 'трудно', пазақ 'опять', 'снова', идäлä 'так', 'даром', то:р 'косо', қыза 'крепко', қыйға 'мудро', тыға 'прямо', кыйса 'косо', тӱгä 'смирно', 'тихо', сундра 'постоянно'; 2) количественные наречия, выражающие количественные характеристики действия или процесса: аз 'мало', эрлақ 'мало', пайдақ 'много', көп 'много', көмäс 'немного' (< көп ämäс), тола 'часто'; 3) наречия места и времени: анда 'там' мында 'здесь', пӱ:н 'сегодня', кäчä 'вчера', орай 'поздно', пашта 'вначале', азонда 'потом', ур 'долго', ämдä 'теперь', олақ 'скоро', тӧлä 'всегда', қорам 'после', шағалақ 'сейчас' маңқоқ 'торопливо'.

Способ словосложения. Наряду с выделенными формами наречия следует отметить наречия, состоящие из двух компонентов, например, сол жаңа 'влево', оң жаңа 'направо', тäгда мында 'там и тут' (тäгда мында қозан ämдже:ге оскäн 'Там и тут малина росла'), иргäр тӧдӱр 'взад-вперед', а также наречия, образованные путем повторения, например, қачан-қачан 'давно' (ол қажан-қажан öл паған 'Он давно умер'(м).

Наречия, выражающие качественные и количественные признаки, могут быть употреблены в сравнительных конструкциях, в которых имя, обозначающее исходный пункт сравнения, стоит в исходном падеже, например, ол пäк сатыстыр 'Он громко (сильно) разговаривает'. тугбо:зы андын пäк сатыыбылы 'Сестра (его) громче его разговаривает'. қыым äттирä ырақ чуртабылы 'Дочь моя очень далеко живет'. пала:м андын ырақ, нуче:рым олардын ырақ 'Сын (мой) дальше неё (живет), внучек дальше их (живет)'. äттирä па:лыг сатхан тавы:рын 'Очень дорого продал товар (свой)'. пала:зы андын па:лыг сатқан 'Сын (его) дороже его продал'.

Наречия в чулымско-тюркском языке выполняют различные обстоятельственные функции: а) обстоятельства образа действия, например: ол ке:р кижи та:брақ пӱ:пағлабылы 'Этот старик быстро сеть вяжет', қанатқа көр пагап могалақ 'Вдруг (он) увидел медведя', тӱгä тур 'Стой смирно'; б) обстоятельства времени, например: кӱс ärтä пола по:пихан 'Осень рано в этом году наступила'(м). пурунгусыбыла аңзыныбылы моғалақ 'С давних пор охотиться (он) на медведя'; в) обстоятельства места, например: ырақтын пис көр пағабыс кämäни 'Издалека мы увидели лодку'. мында уси:ра қатыр 'Здесь спать жестко'; г) обстоятельства причины, например: тäкчäрге айдыптырың 'Зря говоришь (ты)'. тäкчäрге тайга пагап 'Зря в тайгу (он) ходил'.

Послелоги

Функция модификаторов значений различного рода отношений выполняется в тюркских языках послелогами. Обладая вышеуказанной семантикой и функцией выражения отношений между словами, послелоги выделяются в отдельную часть речи (класс слов). Характерной особенностью данного класса слов является их морфологическая неизменяемость, т.е. слова, относящиеся к данному разряду, не подвергаются словоизменению. Н.К.Дмитриев отмечает целый ряд признаков, свойственных послелогам как классу слов: I) отсутствие у послелогов полнозначной семантики и выражения грамматических отношений между словами; 2) неупотребительность вне контекста; 3) неударность; 4) наличие стандартного звукового состава; 5) морфологическая неизменяемость (Н.К.Дмитриев, 1948, 49-50).

Предполагается, что исторически послелоги восходят к самостоятельным знаменательным словам (см., например, Н.А.Баскаков, 1952, 482). На современном этапе развития тюркских языков часть из них сохранила связь с самостоятельными словами, другая часть не имеет такой связи и генетически, порой, трудно определима. В связи с этим в литературе сложился разный подход при определении статуса указанных групп. Первую группу слов часто называют служебными словами, вторую - собственно послелогами. Согласно другой тенденции обе группы слов относят к послелогам и подразделяют на послелоги-слова и послелоги аффиксы (см., например, Н.П.Дыренкова, 1941, 235, 239, 241; 1948,

II9; Грамматика хакасского языка, 253, 267). А.Н.Кононов в работе, специально посвященной данной проблеме, дает анализ грамматической и семантической функции рассматриваемых групп слов и относит их к одной категории слов (к послелогам), классифицируя на послелоги - частицы и послелоги - имена. Значение первых реализуется только в зависимости от стоящих перед ними слов и, следовательно, функционально они приближаются к аффиксам падежей. Вторые - полностью сохраняют свое самостоятельное значение и грамматическую изменяемость (А.Н.Кононов, 1951, 5). Согласно А.Н.Баскакову и те и другие формы имеют одинаковые семантические и синтаксические функции и должны быть отнесены к одной части речи - к послелогам, по формальному признаку, разделяющимся на две группы: а) собственно послелоги, б) послелоги - изолированные формы (Н.А.Баскаков, 1952, 482-483).

Пользуясь делением послелогов на послелоги-частицы и послелоги-имена, рассмотрим первую группу послелогов в чулымско-тюркском языке. К ним относятся: а) ча 'вдоль','по', ажыра 'через', 'за', кеджер 'через','за', кожа 'рядом','около', тӧ:дӱр 'навстречу'; б) ӱчӱн 'ради','из-за', сай (со значением регулярной повторяемости действия во времени), чилӓп 'как', сындыр 'как'. Послелоги под пунктом а) выражают пространственные отношения, под пунктом б) - различные другие отношения.

ча 'вдоль','по'

Относительно происхождения ча в тюркских языках ученые сходятся во мнении, что ча развился из чаг 'время', 'мера', 'количество'; в отнесении же данной языковой единицы к какому-либо определенному классу существуют разногласия.

Форма на -ча со значением продольности, направленности встречается в Сибирском ареале в чулымско-тюркском языке, в хакасском, шорском, алтайском, в языке бачатских телеутов и в тувинском языке.

С функциональной точки зрения анализируемая форма в тюркских языках Сибири одними исследователями относится к аффикса-послелогам (Н.П.Дыренкова, 1948, II9) или к послелогам (Г.И.Донидзе 1956, 67), другими включается в систему склонения имен существительных и определяется как форма направительного падежа, например, в тувинском языке, или как форма продольно-сравнительного падежа, как это делается иногда в отношении хакасского языка и языка бачатских телеутов (Ф.Г.Исхаков, А.А.Пальмбах, 137; М.И.Боргояков, 1976, II8; Г.Г.Фисакова, 1976, 98).

В основе различных трактовок формы на -ча лежат выделенные J.Deny её функции и значения в турецком языке: I) -ча - падеж; 2) -ча - словообразовательный аффикс, 3) -ча - послелог (J.Deny, 633).

Чтобы рассматривать форму на -ча с направительным и продольным значением как падежную форму в языках Сибирского ареала, необходимо определить её место во всей системе падежей. Для определения места формы на -ча в системе именного склонения следует рассмотреть функционирование дательно-направительного падежа на -га, поскольку значения той и другой формы находятся в определенных коррелирующих связях.

Основными контекстуальными значениями имени в форме дательно-направительного падежа являются обозначения: а) адресата действия и б) пункта, к которому направлено действие.

В значении адресата имя в форме дательного падежа употребляется с глаголами речи, давания и с глаголами эмоционального состояния. Например:[x] а) чул.-тюрк. аргыы е:рема: айтып сӓран чақсы чурти:га 'Друг(его) мужу (моему) пожелал хорошо жить ; хак. Пӱӱн Таштыпсар пararga - огланнарга приказ пиргеннер. 'Сегодня ехать в Таштып дали приказ ребятам'; алт. Марс море кандый ла керени чоктеп перди 'Барс рассказал обо всем волку'; шор.Чабал кижиге мӱң сӧс айт, чакшы кижиге пир сӧс айт 'Худому человеку скажи тысячу слов, хорошему человеку скажи одно слово'; тув. Сарыг-оол ажинге чагаа чоруткан 'Сарыг-ол послал товарищу письмо'.

Примеры на второе значение: чул.-тюрк. кӱскӱдӓ ӧртӓктӓр па:ртыр чылыг жӓрге 'Осенью утки улетают в теплые края'; шор. Ӱйге кирди 'В дом вошел он'; алт. апшыйак ла куртыйак ишке баргандыр 'Старик и старуха пошли на работу'; бач.-тел. кӓме: 'к лодке'; хак. вокзалга читкенде ...'когда подошли к вокзалу', тув. Пионерлар чайын лагерьге дыштанып турганнар 'Пионеры летом отдыхали в лагере'.

---

x) Примеры по анализируемым языкам (кроме чулымско-тюркского языка) взяты в работах Н.А.Баскакова, М.И.Боргоякова, Н.П. Дыренковой, Ф.Г.Исхакова и А.А.Пальмбаха, Д.Ф.Патачаковой, Г.Г.Фисаковой.

Таким образом, исходя из контекстуальных значений, можно заключить, что имя в форме дательно-направительного падежа выполняет семантико-синтаксическую функцию адресата, т.е. маркировано признаком направленности (к). Признак направленности совершенно очевиден и в пространственных значениях, обозначающих направление движения действия к какому-то пункту в пространстве.

Другие значения дательно-направительного падежа (стоимости, времени и т.д.), представляющие собой косвенную номинацию признака направленности, мы здесь не рассматриваем, так как для нас существенны только значения, коррелирующие со значениями формы на -ча, а именно пространственные.

По способу связи с действием имя в дательном падеже обозначает косвенное отношение предмета к действию, отсюда его синтаксическая функция косвенного дополнения. Таким образом, дифференциальными признаками дательного падежа являются направленность и косвенность.

Форма на -ча также обозначает направленность, например, в тувинском языке: хемче 'к реке', хӧлче 'к озеру', хоорайже 'в город'. В других тюркских языках Сибирского ареала, в которых эта форма отмечена, она обозначает продольность, движение вдоль, по, через предмет. Например: чул.-тюрк. чолча 'по дороге', тағча 'вдоль горы', тайғача 'через тайгу'; хак. чарча 'по берегу', кӧлчӧ 'по озеру', тағча 'по горе'; бач..-телеут. горотча 'по городу', су:ча 'по воде'/по реке/ ,'кӧлчӧ 'по озеру' шор. мынча 'через это', суғча 'через реку', тайғача 'по тайге' алт. ӱстӱнчӧ 'по верху', изинчӧ 'по следу', дьолынча 'по дороге'. По способу связи с действием эта форма тоже обозначает косвенность, имя в форме на -ча не указывает на прямую связь актантов (участников ситуации) с местом действия, а указывает только на связь действия с направлением движения.

У этой формы тот же набор дифференциальных признаков, что и у дательного падежа: направленность и косвенность. Однако обозначая направленность (продольность) и косвенность, данная форма выражает эти значения только по отношению к месту совершения события.(чул.-тюрк. ке:р кижи чолча пере:ды 'Старик по дороге идет'; алт.кӧлдин дьаказынча дьортып келдибис 'Мы приехали по берегу (берегом) озера'; хак. чирдже тубан чайылча 'По земле стелется туман'), в то время как выделенные выше значения у дательно-направительного падежа обусловлены соотнесенностью

как с актантами первого ранга, так и с актантами второго ранга, т.е. в системе языка существует способ передачи значения причастности актантов к месту совершения действия (см.Бирюкович, 1979, 56). Форма же на -ча служит лишь для уточнения направленности (в тувинском языке), характеризуя направленность движения особым образом, выражая специализированные значения продольности (в хакасском, чулымско-тюркском, шорском и алтайском языках) и не может быть включена в систему склонения,поскольку значения, ею выражаемые, составляют семантико-синтаксическую функцию дательно-направительного падежа.

Исходя из функции модификатора падежного значения, мы склонны считать анализируемую форму послелогом. Неправомерность отнесения формы на -ча к падежной подтверждается не только семантически, но и формальными признаками. Н.К.Дмитриев отмечал для башкирской формы на -са ~ - сә отсутствие ударности (признак, характерный также для всех анализируемых здесь сибирских языков), что не свойственно падежным аффиксам (Н.К.Дмитриев,1948, 114). А.М.Щербак подчеркивает, что форма на -ча не закрепилась в тюркских языках в падежной парадигме, так как "далеко не все имена присоединяют к себе аффикс -ча, и нередко его присутствие обусловлено наличием особого морфологического "контекста" (А.М.Щербак, 1977, 54). Правда, А.М.Щербак не считает возможным относить данную форму и к послелогам.

ажыра 'через'

Данный послелог происходит от деепричастия на -е от глагола ең 'переваливать' в каузативной форме. Подобная структура отмечается для аналогичного послелога в хакасском и в шорском языках. Н.П.Дыренкова относит этот послелог к наречиям-послелогам. Относясь к послелогам с пространственной семантикой в чулымско-тюркском языке, он указывает на точку, находящуюся за пределами пространства, над которой совершается действие: суғ ажыра се:гӧге:м 'Через ручеек прыгнул (я)'. ол алта:н ора ажыра 'Он перешагнул через яму'. сӓн алтапысхан оғлан ажыра 'Ты перешагнул через ребенка'.

кеджер 'через'

Рассматриваемый послелог происходит от деепричастия на -е

глагола кәч 'переходить' в каузативной форме. Аналогичный послелог (именуемый Н.П.Дыренковой наречие-послелог) имеется в шорском, тувинском, хакасском языках. Послелог кеджер синонимичен послелогу ажыра 'через': пис тамна көл кеджер кәччикпис 'Мы завтра переедем через озеро'. чул кеджер мост е:т паған 'Через реку мост построен'. Будучи синонимичен послелогу ажыра, послелог кеджер выражает не только точку за пределом пространства, над которым совершается действие, но в его значении присутствует и признак включенности поверхности.

кожа 'рядом'

Данный послелог, по-видимому, также восходит к деепричастию на -а от глагола кош- 'соединять', 'присоединять'. Он обозначает расположение предметов в непосредственной близости. Управляет орудным падежом: ме:ң е:бем көлбелә кожа 'Мой дом рядом с озером'. кәмәбелә кожа иге қотай чича:ты 'Рядом с лодкой две щуки лежат'.

әйләндерә 'вокруг'.

Послелог әйләндерә < әйлән + дер + ә , т.е. происходит от деепричастия на -а глагола әйлән 'поворачиваться вокруг' плюс каузативный аффикс. Управляет винительным падежом: ме:ни әйләндер сас полған Вокруг меня болото было . се:ң шәде:неңны әйләндерә ағач .'Вокруг твоего двора деревья'.

удур 'навстречу'

В хакасском языке аналогичный послелог возводится к наречию удур 'навстречу'(Г.И.Донидзе, 1956, 26). В шорском языке Н.П. Дыренкова членит послелог удуре навстречу на ут + ур + е , не определяя выделенные элементы.

Послелог удур в чулымско-тюркском языке, по-видимому, восходит к деепричастию на -а от глагола ут~уд 'следовать' в каузативной форме. На современном этапе развития чулымско-тюркского языка окончание деепричастия редуцировалось. Послелог удур управляет дательным падежом: писке удур улуг қайуг кәлгән 'Нам навстречу большая лодка шла'. окотниққа удур моғалақ кәлгән 'Охотнику навстречу медведь шел'.

ӱчӱн 'ради; для'

Происхождение данного послелога и существующие точки зрения по этому вопросу рассмотрены в работе А.Н.Кононова, посвященной послелогам в узбекском языке (1951, 15-17).

В чулымско-тюркском языке рассматриваемый послелог встречается в фонетических вариантах ӱчӱн, ӱшӱн, ӱжӱн . В исследуемом языке послелог ӱчӱн (ӱшӱн, ӱжӱн) выражает причинные отношения и управляет родительным падежом: мән ичәмниң ӱжӱн пашхы ы:лға парған 'Я ради матери поехал в другую деревню'. ме:ң ижәм се:ң ӱчӱн пу о:лны қырышлтыр 'Моя мать из-за тебя этого мальчика ругает'.

с а й

Послелог сай происходит от глагола са-й считать и выражает регулярно повторяющиеся промежутки времени. После сонорных согласных начальный согласный рассматриваемого послелога озвончается: күн зай 'ежедневно', и:р зай 'каждый вечер', чыл зай 'ежегодно'.

Чилән 'как', сындыр 'похожий', көктен 'похожий'.

Указанные послелоги синонимичны и выражают значение 'как', 'подобно'. Первые два обозначают как внешнее сходство, так и физические характеристики: поступки, действия, поведение и другие признаки, которые характеризуют деятельность. Следует, однако, отметить, что за послелогом чилән в большей степени закреплена сфера выражения внутренних свойств, качеств, характеризующих сравниваемые объекты. Например: ол мәға чилән моқла:н 'Он как лягушка квакал'. пала:зы ағә:зы чилән чө:ртүр 'Сын как отец ходит'. қара:ғы а:ның әттирә улуғ көл чилән 'Глаза у нее очень большие, как озеро'.

За послелогом сындыр закреплена в большей степени сфера обозначения внешнего сходства, хотя и отмечены случаи выражения характерных свойств сравниваемых объектов. Например: ол'ганың мәңзе над'ә сындыр 'Лицо у Ольги как у Нади'. қучугач пу адай сындыр 'Щенок похож на эту собаку'. пала:зы ағә:зы сындыр 'Сын похож на отца', сән мәға сындыр мақлаптырсың 'Ты, как лягушка квакаешь'.

Послелог көктен употребляется для выражения только внешнего сходства. Управляет данный послелог винительным падежом: ол туған ағаːзын коктен 'Он на родного отца похож'. қучугач коины көктен, түгтүг 'Щенок на овцу похож, лохматый'. телнәк қулунаққа көктен .'Теленок на жеребенка похож'.

О структуре послелога чилән см. Н.П.Дыренкова (1941,241). Вторая группа - послелоги-имена.

ара 'промежуток'

В исследуемом языке ара 'промежуток' в функции послелога употребляется в местном и дательном падежах и выражает пространственные отношения. Аналогичный послелог встречается во многих тюркских языках. В чулымско-тюркском языке управляет основным падежом. Долгота гласного объясняется установленным нами в чулымско-тюркском языке фонетическим явлением: удлинением гласного перед аффиксами притяжательности (Р.М.Бирюкович, 1973, 12). Кроме того, тот же гласный подвергается опереднению и произносится как ä, что объясняется явлением, сходным с уйгурским умляутом (А.П.Дульзон, 1952, 111). Например: олар таːбрақ аːч арäːзында чазын паған. 'Они быстро среди деревьев спрятались'. ағач арäːзында қозан тäптепискän 'В глубь (в середину) леса заяц побежал'.

алт 'под'

Данный послелог восходит к существительному алт(ы) нижняя часть чего-либо. В значении послелога алт употребляется в форме дательного и исходного падежей. Например: пäлäчäк оːл кроват' алтына кир паған 'Маленький мальчик под кровать залез'; мыжык ыстäл алтындын шық паған 'Кошка вышла из-под стола'.

тäк 'на'

Рассматриваемый послелог восходит к существительному тäг(е) 'макушка', 'верхушка чего-либо'. В функции послелога тäк употребляется в форме дательно-направительного падежа и обозначает направленность действия на поверхность предмета. Например: пис қаш täːгенä шыққабыс 'Мы вышли на вершину горы'. салчыл книгаң стäл täːгенä 'Положи книгу на стол.'

паш 'над'

Указанный послелог восходит к существительному паш 'голова; начало чего-либо'. В служебном значении употребляется в форме местного, исходного и дательно-направительного падежей и выражает пространственные и временные отношения. Например: äп паːженде өртөк үчүптүр 'Над домом утки летают'. ай паːженда меːң оғланымға төːртүндзү йаːжы 'В начале месяца моему ребенку исполнится четвертый год'(нч.). үс паːжендын 'с истока Чулыма'. үс паːжена 'к истоку Чулыма'.

ал 'перед'

Рассматриваемый послелог восходит к существительному ал(ы) перед чего-либо'. В функции послелога ал употребляется в форме исходного, местного, дательно-направительного падежей. Обозначает то, что исходным пунктом действия является передняя часть чего-либо, указывает на переднюю часть чего-либо, которая является местом совершения действия. Например: ыːл аːлында чазаг парсхан 'Перед деревней пешком пошел'. äп аːлындын от өс паған 'Перед домом трава росла'. ағäːзы аːлына чаң тоːнын салған 'Перед отцом новую шубу положил'.

кäст 'за; из-за'

Восходит к существительному кäст (и). Задняя сторона чего-либо. В служебном значении употребляется в форме местного и исходного падежей, выражает направленность действия за предмет, за объект или из-за объекта, из-за предмета. Например: пистиң кäстиписта оғланнар паған 'За нами дети шли'. ежик кäстиндин кижи көрүбүлү 'Из-за двери смотрит человек.'

чан 'около; от'

Восходит к существительному чан 'бок'. В значении послелога употребляется в форме местного и исходного падежей. Обозначает место совершения действия сбоку чего-либо или исходный пункт действия, которым является бок чего-либо, место рядом с чем-либо. Например: äп чанда қой пастуқтабыл 'У дома (около дома) пасет (он) овец.' еːбем чаːндын парсханнар таːң агырпыс-

ханда 'От моего дома отправились на зарю'

иш 'в; 'из'

Восходит к существительному иш 'внутренность чего-либо'. В служебной функции употребляется в форме дательно-направительного, местного и исходного падежей. В первом случае обозначает направленность действия во внутрь, во втором указывает на место совершения действия (внутри чего-либо), в последнем случае указывает на направленность действия изнутри. Например: кеːр энейәқ әл ишнә кир паган 'Старушка в дом зашла'. әл иштиндә кижи көп 'В доме много людей'. әл иштиндин тутун точхлабыл 'Из дома идет дым'.

Частицы

Частицы чулымско-тюркского языка можно классифицировать на: 1) формообразующие и 2) модальные.

Формообразующие частицы функционируют в сфере образования неопределенных и отрицательных местоимений. К ним относятся: ала/әлә, да/дә: ким-әлә 'кто-то'; нөмә-әлә 'что-то', қайды-ала 'где-то', қачан-ала 'когда-то', кимниң-әлә 'чье-то', ким-дә 'никто', нөмә-дә 'ничто', қайда-да 'нигде', қайа-да 'никуда'.

К модальным частицам, выражающим различное отношение к действительности или сообщению о каких-либо фактах, относятся:

1. Утвердительные: әй 'да', ол 'так', например: чеːгербе әбәчбә туруптур? - әй. 'Двадцать рублей стоит?'-'Да'; варвара ивановна қайнар айттықым чакшилаң: „турнаːжына парей еːдем?" Варвара Ивановна, как сказать правильно: "за клюквой пошла бы (я)?"- ол, ол. 'Так, так'.

2. Вопросительные ба/бә; па/пә; дже; ин. Частица ба/ба, па/пе используется для выражения вопроса: аːчыр қарандаːжыңа парадыңба? 'К двоюродному брату (своему) идешь?' күнзай кәләдиңбә? 'Каждый день приходишь?' ол паррыңпа? 'Он пойдет?'

Частица ин выражает вопрос - предположение: шүбүр-ин? 'Плохо что ли?', машина-ин? 'Машина, наверное?' қызым-ин анда 'Дочь (моя) что ли там?' пиләр ин? 'Поймет наверно?'(Перевод информанта: „поймет поди?").

Частица дже выражает вопрос-просьбу о подтверждении предположения: олар меːне сағилар дже? - сағилар 'Они меня подождут, наверно?'- Подождут . ол анда иштәнәр дже? - Иштәнәр 'Он там будет работать, видимо?'-'Будет работать'. ол анда сани дже - сани. 'Он там читает, наверно?'-'Читает'.

3. Отрицательные: чоғул, чоқ, әмәс . Первые две формы дифференцируются формально в парадигме спряжения: в 3-м лице употребляется чоғул, во всех остальных лицах - чоқ . Данная форма (в вариантах чоғул и чок) отрицает действие или процесс в настоящем и будущем времени и обозначает отсутствие чего-либо: мән парай чоқмән, ол да парай чоғул 'Я не пойду и он не пойдет'. итвеːгем чоғул 'Хлеба у меня нет'.В последнем примере употреблена форма чоғул, поскольку при обозначении отсутствия чего-либо имеется в виду отсутствие какого-либо предмета, лица, т.е. объекта).

Отрицательная частица әмәс представляет собой отрицательную форму причастия будущего времени от недостаточного глагола е 'быть' и употребляется для обозначения отрицания принадлежности предмета, лица (объекта) к некоторому классу объектов, например, еːбем әмәс 'Не мой дом'. итвеːгем әмәс 'Хлеб не мой'. Таким образом, формы чоғул и әмәс отличаются тем, что первая, как было указано выше, обозначает отсутствие чего-либо, вторая отрицание принадлежности объекта к определенному классу: суғ чоғул 'воды нет'- суғ әмәс 'не вода'.

4. Усилительные: да, та 'и, даже'- епим-дә көрбеːн 'И Ефим не видел'. сән дә туттик еːдиң 'Даже ты бы поймал?'. пу әптә еːжик тә чоːғул 'В этом доме даже двери нет'.

Глава IУ. МЕСТО ЧУЛЫМСКО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА СРЕДИ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ ТЮРКСКИХ АРЕАЛОВ СИБИРИ

Исследование единиц различных уровней чулымско-тюркского языка приемами ареальной лингвистики предпринимается с целью определения его места среди других языков Сибири. По классификации В.В.Радлова чулымско-тюркский язык отнесен к восточносибирским языкам вместе с барабинским диалектом сибирских татар, алтайским, шорским, хакасским, тувинским, тофаларским и уйгурским языками. Данную точку зрения разделяет С.Е.Малов, указывая на принадлежность чулымского наречия к разряду восточно-турецких (в его терминах) со свойственными ему общими чертами наречий барабинского, алтайских и абаканских.По классификации А.Н.Самойловича чулымско-тюркский включен в юго-восточную группу тюркских языков по следующим признакам: то:рус, айак, пол, таг, қалган. В.А.Богородицкий отнес чулымско-тюркский (чулымско-татарский по его терминологии) в одну группу с диалектами сибирских татар.

В более подробной классификации тюркских языков Н.А.Баскакова, основанной на исторической периодизации их развития и формирования, интересующий нас язык отнесен к хакасской подгруппе уйгуро-огузской группы восточнохунской ветви тюркских языков.

По мнению А.П.Дульзона, "чулымско-тюркский язык занимает среди других тюркских языков то место, которое он занимает и территориально, т.е. он органически входит в группу восточнотюркских языков (по классификации В.В.Радлова) " (А.П.Дульзон, 1952).

Необходимо обратить внимание на существенный момент, заключающийся в том, что иногда за чулымско-тюркский (язык чулымских татар) принимались данные по кюэрикскому наречию (ныне несуществующему), представленные в работах В.В.Радлова и Н.Ф. Катанова. Кюэрикское же наречие являлось лишь одним из говоров чулымско-тюркского языка и занимало по своим особенностям

место между нижнечулымским и среднечулымским диалектами.

Границы выделенных А.П.Дульзоном говоров совпадают с границами "инородческих волостей" XУП в. и это "позволяет предположить, что носители ... говоров в волостях представляли собой остатки прежних родоплеменных групп, переселившихся на Чулым из различных мест" (А.П.Дульзон, 1973б, 17). Последний момент в приведенной цитате со всей очевидностью говорит о том, что данные по кюэрикскому говору нельзя принимать за данные чулымско-тюркского языка в целом. Это подтверждается и различным территориальным распределением некоторых фонетических и морфологических единиц кюэрикского и остальных говоров исследуемого языка, входящих, как правило, в разные зоны (см.ниже схематические карты).

Сравнение кюэрикского говора с другими говорами или кюэрикского наречия (по терминологии Н.Ф.Катанова) с чулымско-тюркским языком, к которому мы прибегаем, хотя у Н.Ф.Катанова другие говоры или чулымско-тюркский в целом не представлен, основывается на предположении о том, что чулымско-тюркский за последние несколько десятилетий не подвергся существенным языковым изменениям. Причиной этому являются: 1) отсутствие условий для нивелировки форм (в связи с тем, что он существует, как существовал несколько десятилетий назад в форме отдельных говоров и диалектов, не имея литературной формы); 2) географическая изолированность.

Слабая изученность диалектов и говоров чулымско-тюркского языка явилась причиной некоторых неточностей при отнесении его к определенной группе языков. Так, при сближении чулымского наречия с барабинским С.Е.Малов (1909, 35-40) имел, видимо, в виду (судя по приведенным материалам) прежде всего соответствие согласных в ряду ц-ч-ш-с. По данным С.Е.Малова, среднечулымский диалект характеризуется элементом ц. Однако элемент ц не свойственен среднечулымскому диалекту. К сожалению, опубликованные С.Е.Маловым данные по среднечулымскому диалекту получены от одного информанта, который судя по записям, говорил на смешанном языке (что может быть объяснено принадлежностью родителей к разным диалектам). У информанта С.Е.Малова встречаются, например, такие сочетания: кӱцӱбис четпан 'сил (наших) не хватило'(С.Е.Малов, 1909, 38). В соответствии с дифференциальными признаками диалектов чулымско-тюркского языка (А.П.Дульзон,

1952, 130-131) для нижнечулымского диалекта должны были бы быть формы кӱцӱбис йетпан, а для среднечулымского кӱчӱбӱс четпан. Дифференциальные признаки выделены А.П.Дульзоном, начавшим изучение рассматриваемого языка в 1945 году. Вряд ли за период менее чем за 40 лет могли произойти столь существенные изменения: возникновение четкой дифференциации согласных: й~ч~ц~ч по диалектам. По чередованию согласных они входят в разные тюркоязычные ареалы.

Включение В.А.Богородицким чулымско-тюркского языка в одну группу с диалектами сибирских татар основано на том, что материалом для наблюдений в то время могли служить только материалы В.В.Радлова, Н.Ф.Катанова, отражавшие кюэрикское наречие, и материалы С.Е.Малова с теми особенностями, о которых упоминалось выше.

Этой же причиной - слабой изученностью диалектов и говоров чулымско-тюркского языка - объясняется отнесение А.Н.Самойловичем чулымского наречия (термин А.Н.Самойловича) к юго-восточной группе по й-признаку (А.Н.Самойлович, 12). Однако й-признак (айак 'нога', койан 'заяц') характерен только для нижнечулымского диалекта, среднечулымский же диалект характеризуется з-признаком.

Наиболее точное определение места чулымско-тюркского языка дано А.П.Дульзоном, фактически первым обратившимся к изучению фонетических и морфологических особенностей диалектов и говоров рассматриваемого языка (А.П.Дульзон, 1952, 111), и А.Н.Баскаковым, основывающимся в своей классификации относительно чулымско-тюркского языка на этих данных (Н.А.Баскаков, 1960, 206-207; 1969, 336-337).

А.П.Дульзон пришел к заключению, что "в целом особенности среднечулымского диалекта связывают его через соседнее кызыльское наречие с хакасским языком, в то время как нижнечулымский диалект рядом своих признаков близок к старому нижнетомско-тюркскому наречию и языку барабинцев" (А.П.Дульзон, 1973б, 17). В другой работе он конкретизировал место среднечулымского диалекта, отметив, что "среднечулымский диалект, в особенности его мелетский говор, по многим особенностям близко примыкает к хакасскому языку и при известных условиях мог бы рассматриваться как один из его периферийных диалектов "(А.П.Дульзон, 1960, 101).

исследование чулымско-тюркского языка приемами ареальной лингвистики с использованием не отдельных, а целого ряда фонетических и морфологических признаков дает возможность продолжить изучение чулымско-тюркского языка в плане уточнения его места среди других тюркских языков.

При анализе изоглосс мы оперировали диалектными единицами, поскольку именно диалекты, как указывал В.М.Жирмунский, вносят "существенные поправки в реальную картину исторического развития и взаимоотношения языков" (В.М.Жирмунский, 1963, 10). Еще раньше на это указывал Б.А.Серебренников, подчеркивая большую сложность использования диалектных данных, однако способствующих уточнению положения данного языка среди других родственных. (Б.А.Серебренников, 1961, 67).

Для составления общей схематической карты I распространения тюркских языков в сибирском ареале были использованы: карта Д.Г.Тумашевой по распространению диалектов сибирских татар (1977); карта хакасских диалектов, данная в работе А.И.Инкижекой-Грекул и Н.А.Баскакова (1953), а также карта в работе "Диалекты хакасского языка" (Абакан, 1973).

Поскольку членение сибирского ареала на определенные пространственно-структурные единицы (языки, диалекты и говоры) осуществлено в монографических работах по сибирским языкам, мы пользуемся ими здесь со ссылками в процессе изложения. Кроме того, использовались материалы картотеки по сибирской зоне, собранные по вопроснику "Диалектологического атласа тюркских языков", под руководством Е.И.Убрятовой, хранящиеся в фонде Института истории, филологии СО АН СССР. Сбор и обработка материала по отдельным языкам и их диалектам осуществлялись: Д.Г.Тумашевой (диалекты сибирских татар), Р.М.Бирюкович (чулымско-тюркский язык), И.А.Кучигашевой и Г.Г.Фисаковой (язык бачатских телеутов), М.Ч.Чумакаевой (алтайский язык), З.Б.Чадамба (тувинский язык), Д.Ф.Пятачаковой (хакасский язык), В.И.Рассадиным (тофаларский язык), Э.Ф.Чиспияковым (шорский язык), П.П.Баранковым, В.Д.Кривошапковой, М.Г.Жирковой, С.Ивановым, Н.М.Боголевым (якутский язык).

Ниже рассматривается ареальная характеристика морфологических изоглосс; характеристика фонетических явлений дана в работе, посвященной звуковому строю чулымско-тюркского языка (Р.М. Бирюкович, 1979б).

ХАРАКТЕРИСТИКА МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ИЗОГЛОСС

Изоглосса I. Форма родительного падежа.

Схематическая карта I (Iа,Iб)

По форме выражения родительного падежа в Сибирском ареале выделяются несколько зон.

Первую зону составляют диалекты шорского, тувинского языков, а также кызыльский, сагайский и качинский диалекты хакасского языка. В указанных языках и их диалектах - наибольшее количество вариантов аффикса родительного падежа: -ның , -дың, -тың , -нуң , -дуң , -туң (здесь и далее даются только твердые варианты аффиксов).

Вторую зону составляют диалекты алтайского языка, язык бачатских телеутов и шорский диалект хакасского языка, морфема родительного падежа в которых представлена алломорфами -тың , -ның и -дың , т.е. без алломорфов с губными гласными.

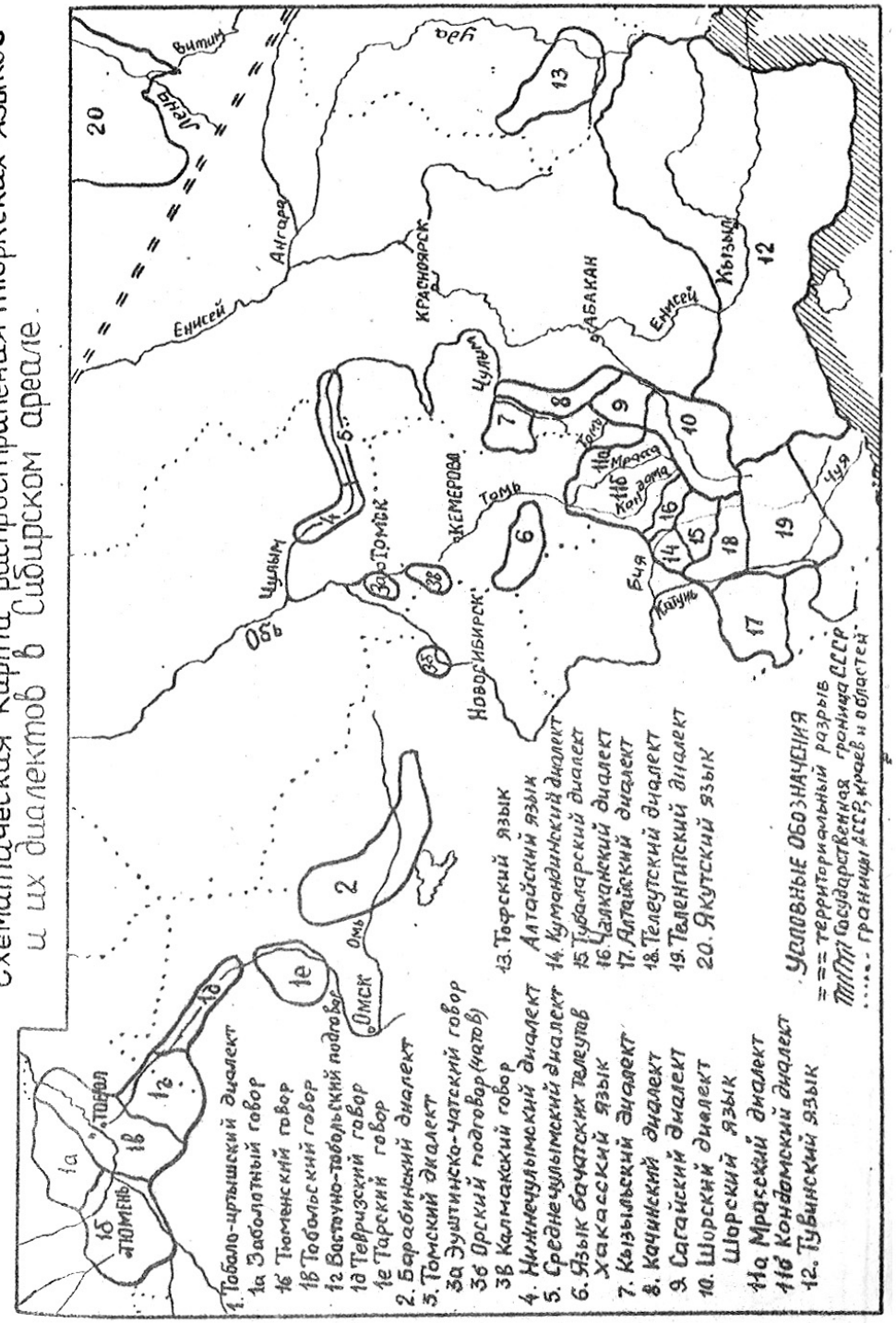
Следующую зону составляют диалекты чулымско-тюркского языка и тофаларский язык с алломорфами: -ның , -тың , -нуң , -туң .

Четвертую зону составляют диалекты сибирских татар, имеющих форму -ның (правда, для барабинского диалекта Л.В.Дмитриева дает формы: -ның , -дың , -тың , т.е. по ее данным его следует отнести к диалектам языков второй зоны).

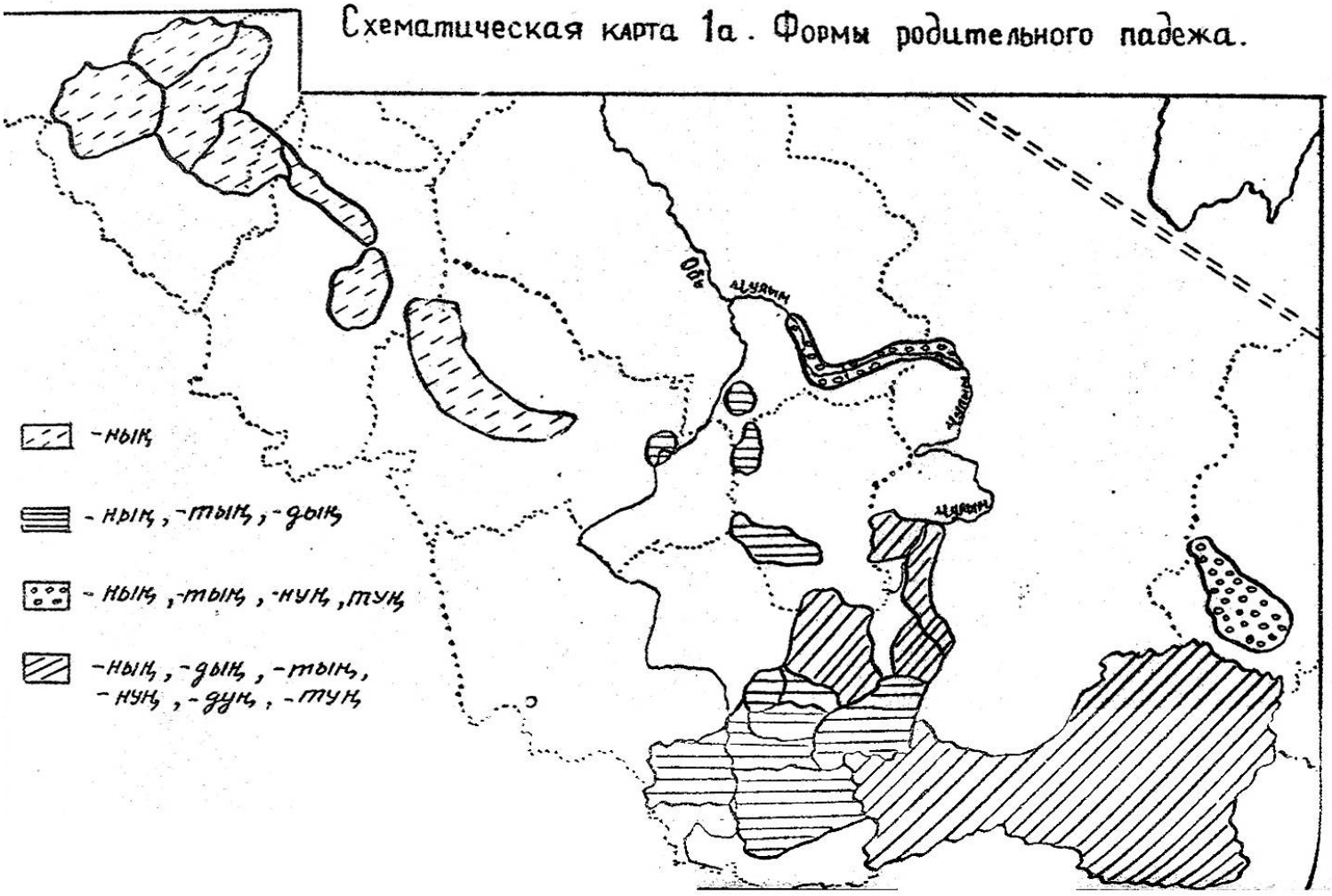
Материалы Н.Ф.Катанова дают в целом аналогичную картину рассматриваемой формы с некоторым изменением изоглосс относительно диалектов, входящих во вторую зону. По формам, данным в его знаменитом труде "Опыт исследования урянхайского языка" (табл. У, к § 44), диалекты, составляющие сейчас вторую зону, входили в первую, т.е. в диалектах алтайского языка функционировали формы -ның , -дың , -нуң , -дуң , -туң. Сюда же входило кюэрикское наречие (бытовавшее в Причулымье). Отдельную зону составляли тобольское, тарское и тюменское наречия.

В самостоятельную зону входили карагасское наречие (по современной терминологии тофаларский язык), качинское и койбальское наречия.

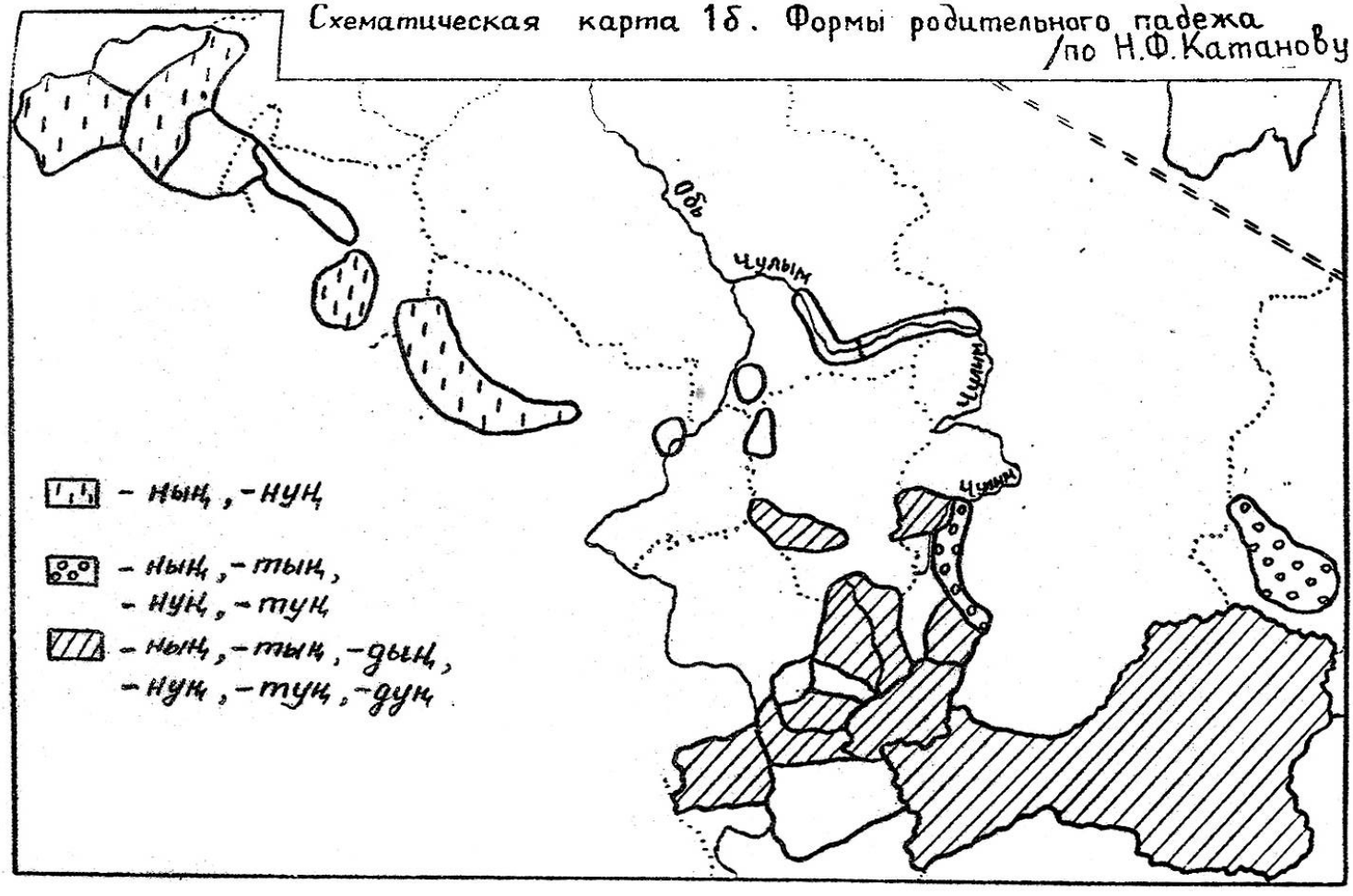
Таким образом, по оформлению родительного падежа в отдельных диалектах произошли некоторые изменения. Так, в диалектах хакасского языка (качинского и койбальского говора ныне сагайского диалекта) произошла нивелировка по модели литературного языка.

Схематическая карта 1а. Формы родительного падежа.

Схематическая карта 1б. Формы родительного падежа /по Н.Ф.Катанову/

Чулымско-тюркский с его диалектами и говорами (кроме кюэрикского наречия) в материалах Н.Ф.Катанова не представлен. Территориальная изолированность и отсутствие условий для выравнивания фори говорит о сохранении форм, указанных для чулымско-тюркского языка, т.е. по формам родительного падежа чулымско-тюркский имел схождение с качинским, койбальским и карагасским наречиями. Кюэрикское же наречие входило в другую зону. Общность чулымско-тюркского с тофаларским языком сохранилась и на современном этапе развития языков.

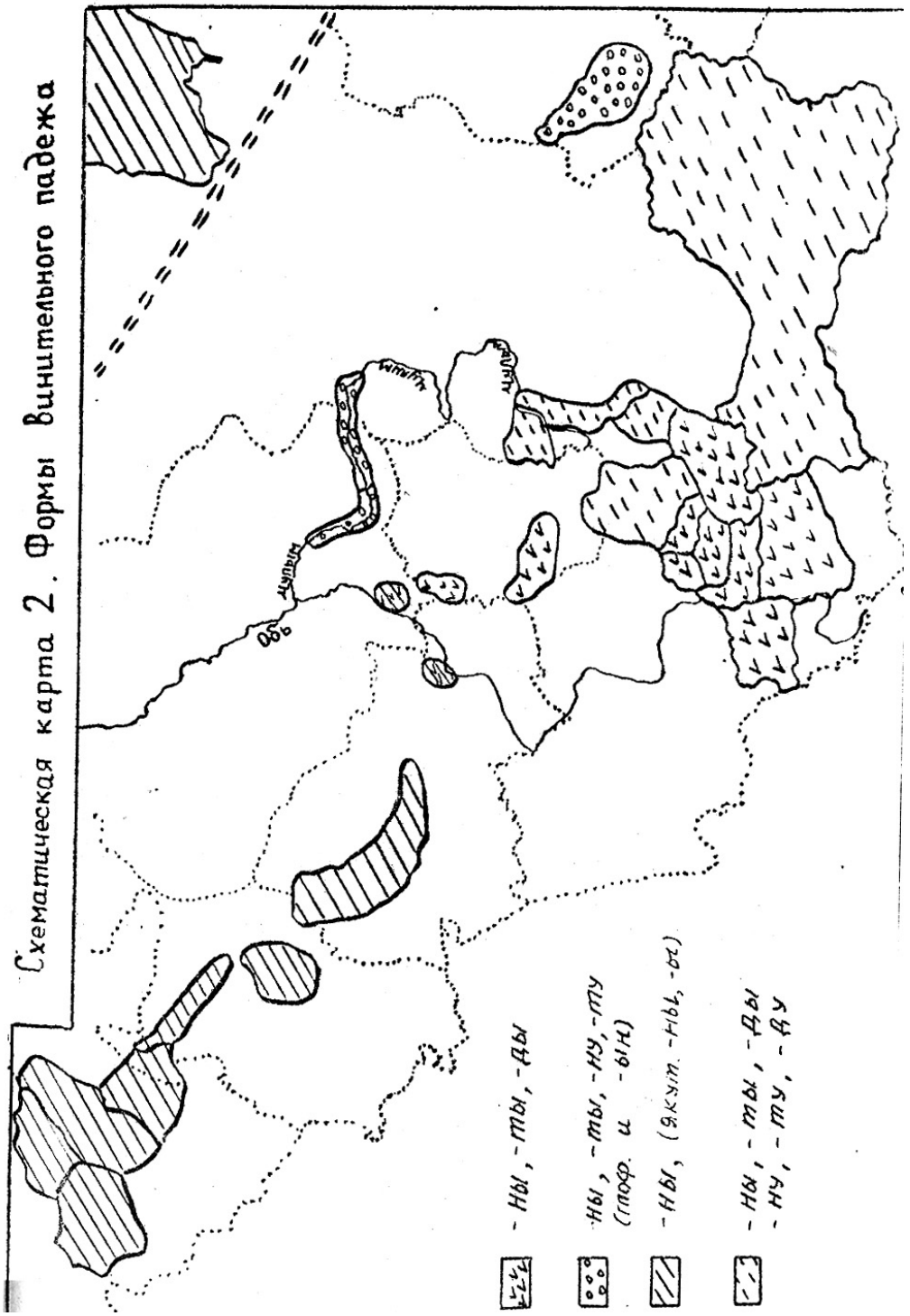
Изоглосса 2. Форма винительного падежа.
Схематическая карта 2.

По форме винительного падежа в сибирском ареале можно выделить четыре зоны аффиксами: 1) -ны; 2) -ны, -ты, -ды; 3) -ны, -ты, -ну, -ту; 4) -ны, -ты, -ды, -ну, -ту, -ду. Первую зону составляют диалекты сибирских татар и якутский язык, вторую - шорский диалект хакасского языка, диалекты алтайского языка, язык бачатских телеутов, калмакский говор томского диалекта, третью зону - чулымско-тюркский и тофаларский, четвертую зону - кызыльский, сагайский, качинский диалекты хакасского языка, шорский язык и тувинский. Зуштинский и чатский говоры томского диалекта составляют зону вибрации между первой и второй зонами.

Данные Н.Ф.Катанова свидетельствуют о том, что большинству сибирских языков Саяно-Алтая были характерны аффиксы -ны, -ну, -ды, -ду, -ты, -ту. Аффиксы -ны, -ну, -ты, -ту были свойственны только качинскому, койбальскому, карагасскому наречиям. В наречиях сибирских татар формы винительного падежа оформлялась аффиксом -ны (в барабинском - -ны, -ну).

Таким образом, по форме винительного падежа тюркские диалекты Саяно-Алтая противостояли диалектам сибирских татар. Чулымско-тюркский характеризуется общими формами с тофаларским, сюда же примыкал качинский диалект хакасского языка, но на современном этапе развития имена в винительном падеже в указанном диалекте оформляются по модели хакасского литературного языка.

Что касается формы винительного падежа притяжательного склонения, то в диалектах тюркских языков Сибири встречается единая форма, т.е. окончание -ны (в указанных выше вариантах для различных зон), а в третьем лице ед.числа форма -н. В барабинском

однако, иногда употребляется полное окончание винительного падежа -ны (атасыны). Аналогичная форма отмечалась М.А.Кастреном для койбальского диалекта (ассимилировавшегося впоследствии качинским и сагайским диалектами хакасского языка. См. М.И.Боргояков, 1976а, 16).

В чулымско-тюркском языке формы винительного падежа находятся в свободном чередовании с формами основного падежа притяжательного склонения, например, тырбабыгыл аза:гыңны 'не чеши ногу и тырбабыгыл аза:гың 'не чеши ногу' (об этом подробнее см. Р.М.Бирюкович, 1979, 28-29). В разделе "Винительный падеж" (Р.М.Бирюкович, 1979, 24-32) мы попытались показать, что наравне с функцией выделения объекта винительному падежу присуща другая функция - классифицирующая. Эта функция классификатора проявляется в действующей во многих языках мира универсальной оппозиции включенный/невключенный. Посредством этой оппозиции обнаруживается семантическая доминанта тюркского имени, которой является категория принадлежности. Для выражения признака "включенный" (в сферу существования субъекта, объекта) выступает либо винительный падеж, либо форма принадлежности. По этой причине они могут находиться в свободном чередовании. Это объяснимо и с точки зрения истории развития этой формы: высказывается предположение о происхождении форманта винительного падежа от аффикса притяжательности (В.А.Богородицкий, 103). Поэтому синонимическое варьирование форм винительного падежа притяжательного склонения и основного падежа притяжательного склонения (аза:гыңны - аза:гың 'ногу') можно отнести к проявлению древней черты тюркской морфологии и синтаксиса. Функционирование в языке двух синонимических форм: формы винительного падежа непритяжательного склонения и формы винительного падежа притяжательного склонения может свидетельствовать о переходном этапе в консолидации форм винительного падежа. Важно подчеркнуть, что подобное положение отмечено и в эуштинско-чатском говоре томского диалекта сибирских татар (Д.Г.Тумашева) - и в казахском языке (А.Курышканов, 46-47), в крымском диалекте караимского языка, сохранившем ряд реликтовых явлений (О.Я.Прик, 118-119), а также в староосманском языке (В.Г.Гузев, 43).

Изоглосса 3. Форма дательно-направительного падежа.
Схематическая карта 3.

По выражению дательно-направительного падежа диалекты чулымско-тюркского языка входят в одну зону с кызыльским, сагайским, качинским и шорским диалектами хакасского языка, шорским языком, языком бачатских телеутов, диалектами алтайского языка, тофаларским. В этих языках дательно-направительный падеж оформлен аффиксом -га, -ка в существительных с основой на согласный; в существительных с основой на гласный - аффиксом -а:/-а.

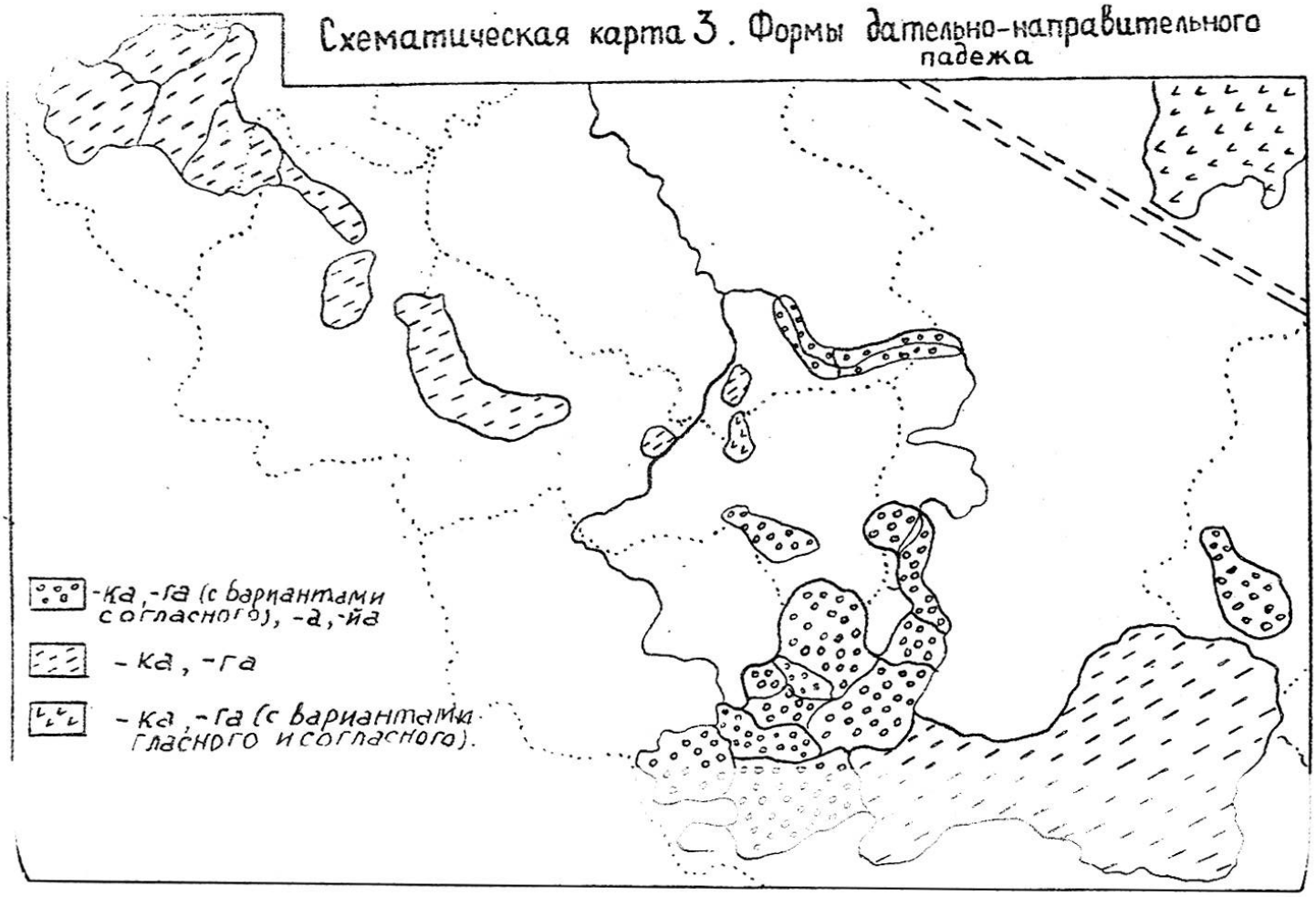
В тувинском языке (по данным Ф.Г.Исхакова и А.А.Пальмбаха, 141-142) форма дательного падежа образуется с помощью аффикса -га, -ка и от основ, оканчивающихся на гласный, то же и в якутском языке, имеющем 16 вариантов аффиксов -га/-ка). Эти языки составляют вторую зону, т.е. без варианта с -а:.Сюда же относятся диалекты сибирских татар.

По материалам Н.Ф.Катанова, форма с алломорфом а: (после основ, оканчивающихся на гласный) употреблялась во всех указанных диалектах, входящих в первую зону, охватывала также и тувинский (урянхайский). Барабинский, тюменский, тобольский и якутский (наречия по терминологии Н.Ф.Катанова) не имели аффикса а:, т.е. все диалекты Сояно-Алтая имели единые варианты морфемы дательно-направительного падежа (Н.Ф.Катанов, 237-248).

Изоглосса 4. Форма дательно-направительного
падежа (притяжательное склонение)

Особенностью оформления дательно-направительного падежа притяжательного склонения является факультативное употребление алломорфов -а, -га в чулымско-тюркском, кызыльском, сагайском и шорском диалектах хакасского языка, в диалектах алтайского и шорского языков, в тофаларском языке и барабинском диалекте сибирских татар. Подобные же аффиксы отмечаются и в языке орхоно-енисейских текстах. Параллелизм указанных аффиксов объясняется С.Е.Маловым диалектной вариативностью (С.Е.Малов, 1952, 13). Причины такого варьирования пока не объяснимы (А.М.Щербак, 1970, 130), предполагается, что оно "является лишь переходным этапом в развитии этих форм (-ка/-ке, -га/-ге -а/-е) при именах в ка-

Схематическая карта 3. Формы дательно-направительного падежа

Схематическая карта 4. Формы дательно-направительного падежа /притяжательное склонение/, 1-ое и 2-ое лицо ед.ч.

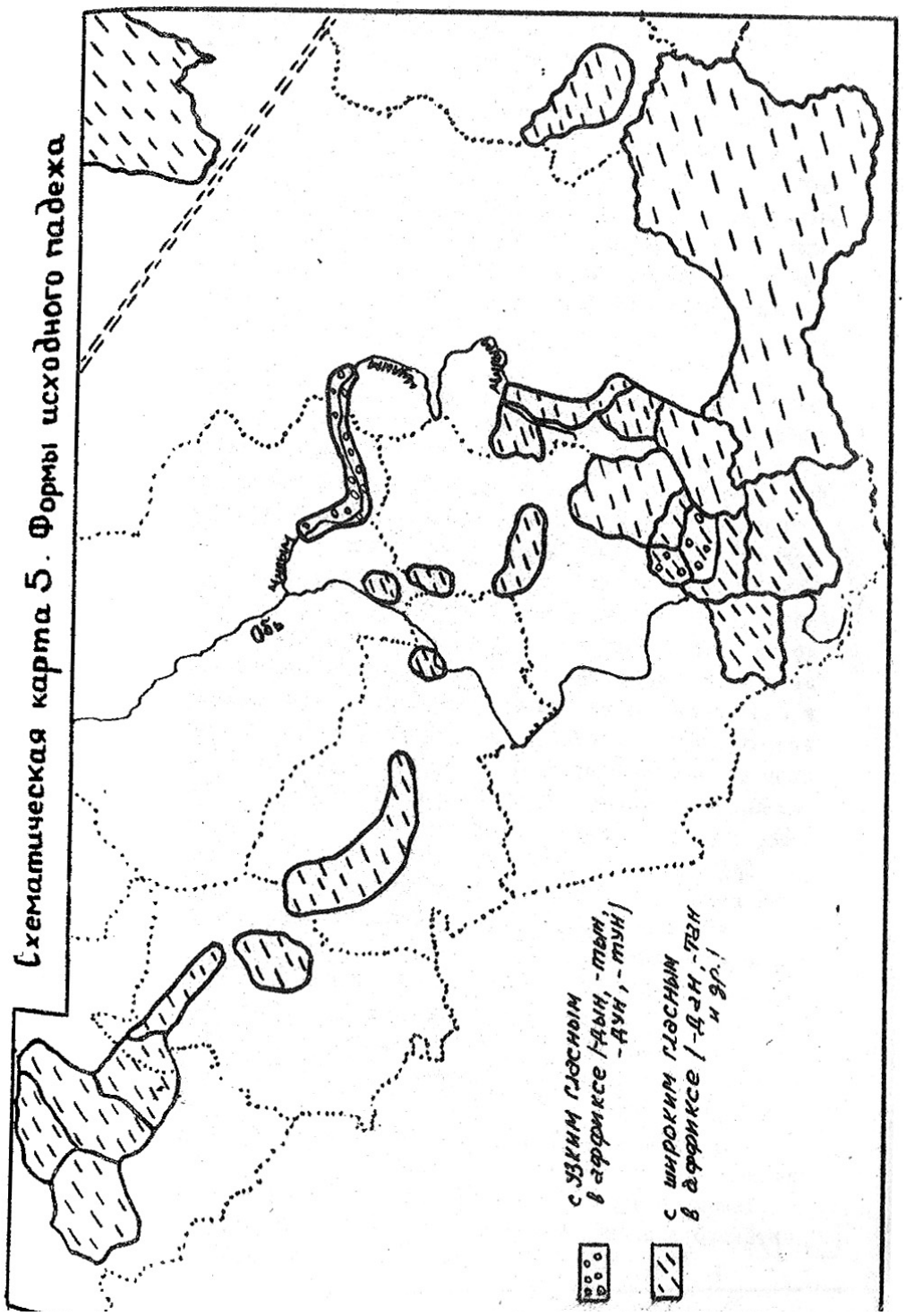
тегории принадлежности, который продолжается и сейчас в тюркских языках Саяно-Алтая..." (М.И.Боргоянов, 1976, 76). Согласно точке зрения Д.Г.Тумашевой, соответствия типа инэмэ: инэмгэ следует рассматривать как морфологическое развитие (Д.Г. Тумашева, 1978, 20). Г.Ф.Благова, поддержавшая данный подход к решению вопроса, находит объяснение варьирования форм в различиях между именным, посессивным и местоименным типами парадигм падежного склонения (Г.Ф.Благова, 1971, 48).

Вторую зону составляет тувинский язык, в котором употребляется форма с вариантом -ка, -га. Третью зону составляют качинский диалект хакасского языка и тоболо-иртышский диалект сибирских татар, характеризующиеся форментом -а. В тевризском говоре тоболо-иртышского диалекта наравне с общедиалектной формой (-а) встречается и вариант с -ка, -га.

Таким образом, диалекты третьей зоны корреспондируют с кыпчакскими языками, в которых форма дательно-направительного падежа представлена морфемой -а. Диалекты же и языки первой зоны находятся еще, видимо, как указывалось выше, на переходном этапе в развитии морфемы дательно-направительного падежа, характеризующиеся факультативным варьированием алломорфов. Отдельно стоит якутский язык, в котором представлена форма -гар, характерная в рассматриваемом ареале только для него.

Изоглосса 5. Исходный падеж.
Схематическая карта 5. о

По оформлению исходного падежа чулымско-тюркский язык, имеющий узкий гласный в аффиксе (-дын, -тын, -дун, -тун), противостоит всем языкам сибирского ареала, обнаруживая в этом плане корреспонденции только с уйгурским языком. Из других тюркских языков рассматриваемого ареала алломорф с узким гласным появляется факультативно в северных диалектах алтайского языка. В чулымско-тюркском же языке функционирует единый аффикс с узким гласным в обоих диалектах, что представляет собой один из дифференциальных признаков чулымско-тюркского языка.

Изоглосса 6. Формы выражения категории принадлежности (2-е лицо, мн.число). Схематическая карта 6

По выражению категории принадлежности (формы 2-го лица, мн. числа) в сибирском ареале выделяются несколько зон: первая с аффиксом -(ы)ң , вторая - с аффиксом -(ы)ңнар, третья - (ы)нар четвертая - (ы)гар и пятая - с аффиксом -гыс (-гыт), ңыс. Первую зону составляют диалекты шорского языка и кумандинский диалект алтайского языка, в которых форма тура -лар-ың представляет собой омонимичную форму, означая 'ваши города','ваш город'.

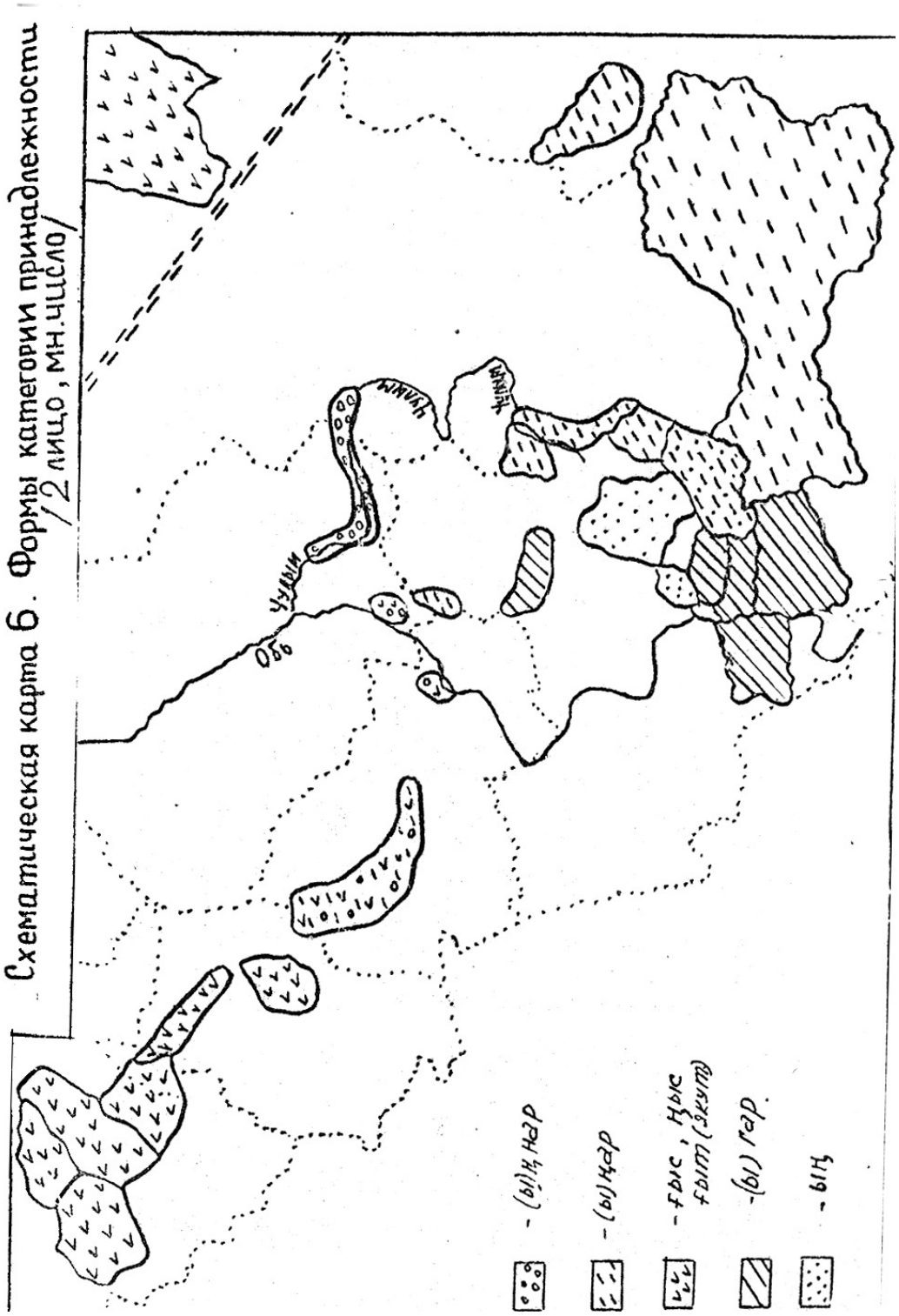
В диалектах второй зоны, а именно, в диалектах чулымско-тюркского языка, барабинском диалекте и эуштинско-чатском говоре томского диалекта сибирских татар указанный выше аффикс состоит из притяжательного аффикса 2-го лица ед.числа и аффикса мн.числа (в форме -нар в результате ассимиляции). Аффикс -(ы)ңнар используется для выражения только значения притяжательности 2-го лица множественного числа, для выражения же значения множественного числа существительного в форме притяжательности 2-го лица мн.числа употребляется форма существительного во мн.числе + аффикс (ы)ңнар, например, чул.-тюрк. палаларыңнар 'ваши дети', но пала-ңнар 'ваш ребенок'. Следует отметить, что в барабинском диалекте наравне с указанным вариантом аффикса встречаются варианты (и)ңар и -гыс, -ңыс, в эуштинско-чатском говоре томского диалекта - вариант с гыс. Указанные диалекты представляют собой зону вибрации между диалектами сибирских татар и чулымско-тюркским.

Третью зону с выпадением согласного н составляют калмакский говор томского диалекта сибирских татар, диалекты хакасского языка, тофаларский и тувинский языки. Шорский диалект хакасского языка является зоной вибрации между языками и диалектами, представленными третьей и первой зонами.

Туба диалект, телеутский, алтайский и теленгитский диалекты алтайского языка, а также язык бачатских телеутов входят в четвертую зону с аффиксом -(ы)ғар/(ы)гар, который предполагается восходит к-ңлар (А.М.Щербак, 1977, 74).

Последнюю зону составляют тоболо-иртышский и барабинский диалекты сибирских татар и якутский.

Таким образом, формы чулымско-тюркского языка и эуштинско-чатского диалекта имеют корреспонденции в узбекском языке.

Схематическая карта 6. Формы категории принадлежности /2 лицо, мн.число/

диалекты второй зоны - в киргизском языке. Диалекты пятой зоны т.е. диалекты сибирских татар и якутский язык имеют формы, характерные для большинства тюркских языков.

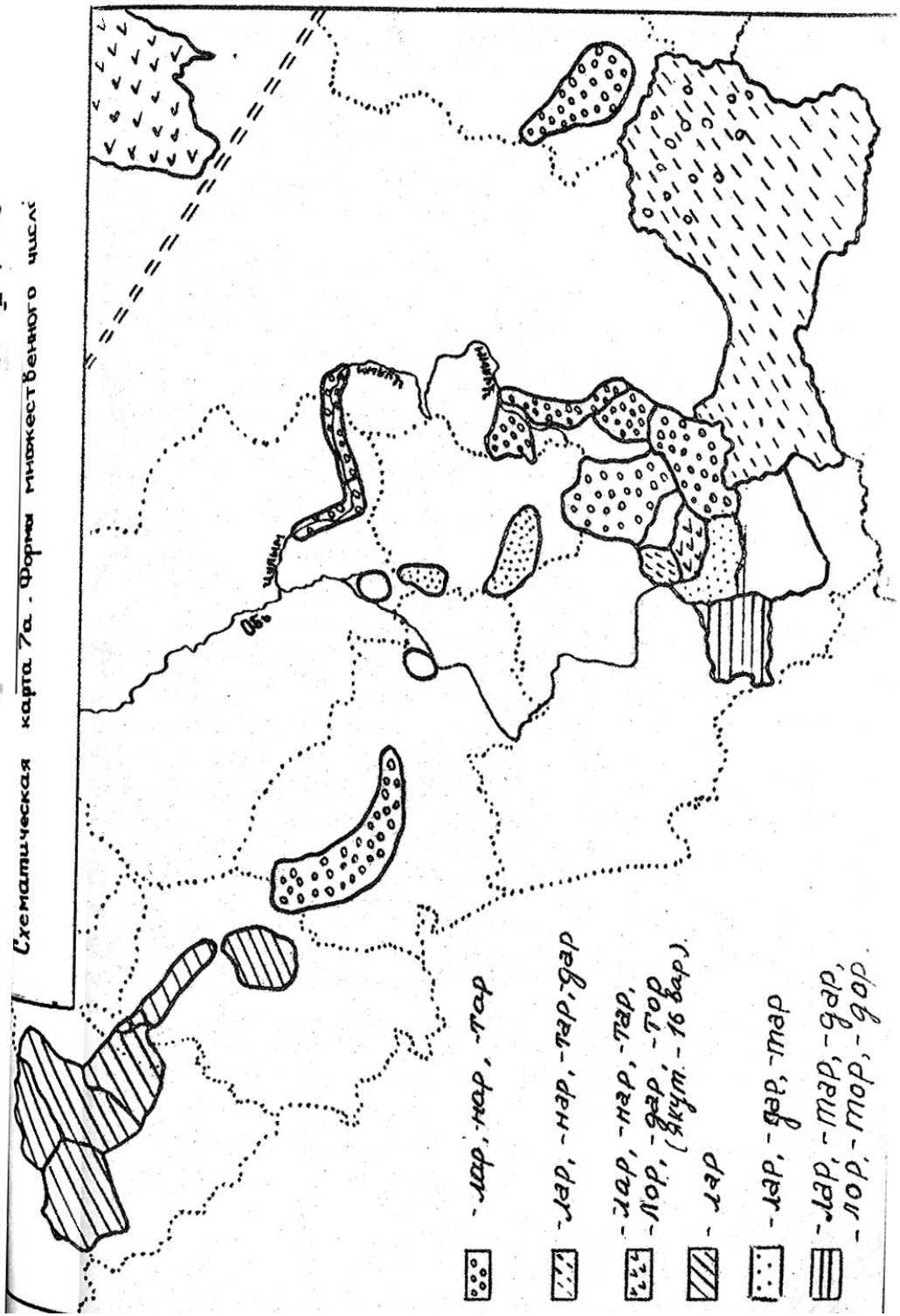
Согласно материалам Н.Ф.Катанова, рассматриваемая изоглосса представлена тремя зонами: I) с аффиксом -ҷар,-(ы)ҷар, -(у)ҷар, характерным для барабинского, качинского, койбальского, кызыльского, кюзикского, сагайского, шорского; 2) с аффиксами -ҷар,-ҷор,-ыҷар,-уҷор в алтайском, телеутском, урянхайском, черневом; 3) -ҷыз , -ыҷыс, -ҷыс - в ишимском, тобольском, тарском, тюменском, якутском (-лыт).

Таким образом, кюзикское наречие входило в первую зону вместе с барабинским, с одной стороны, и с кызыльским, качинским - с другой. Не представленные здесь формы собственно чулымско-тюркского, имевшие и тогда (по указанным выше причинам) характерную для него и сейчас форму-ыҷлар, корреспондируют с уйгурским, имевшим аналогичный аффикс-ыҷлар и по материалам Н.Ф. Катанова.

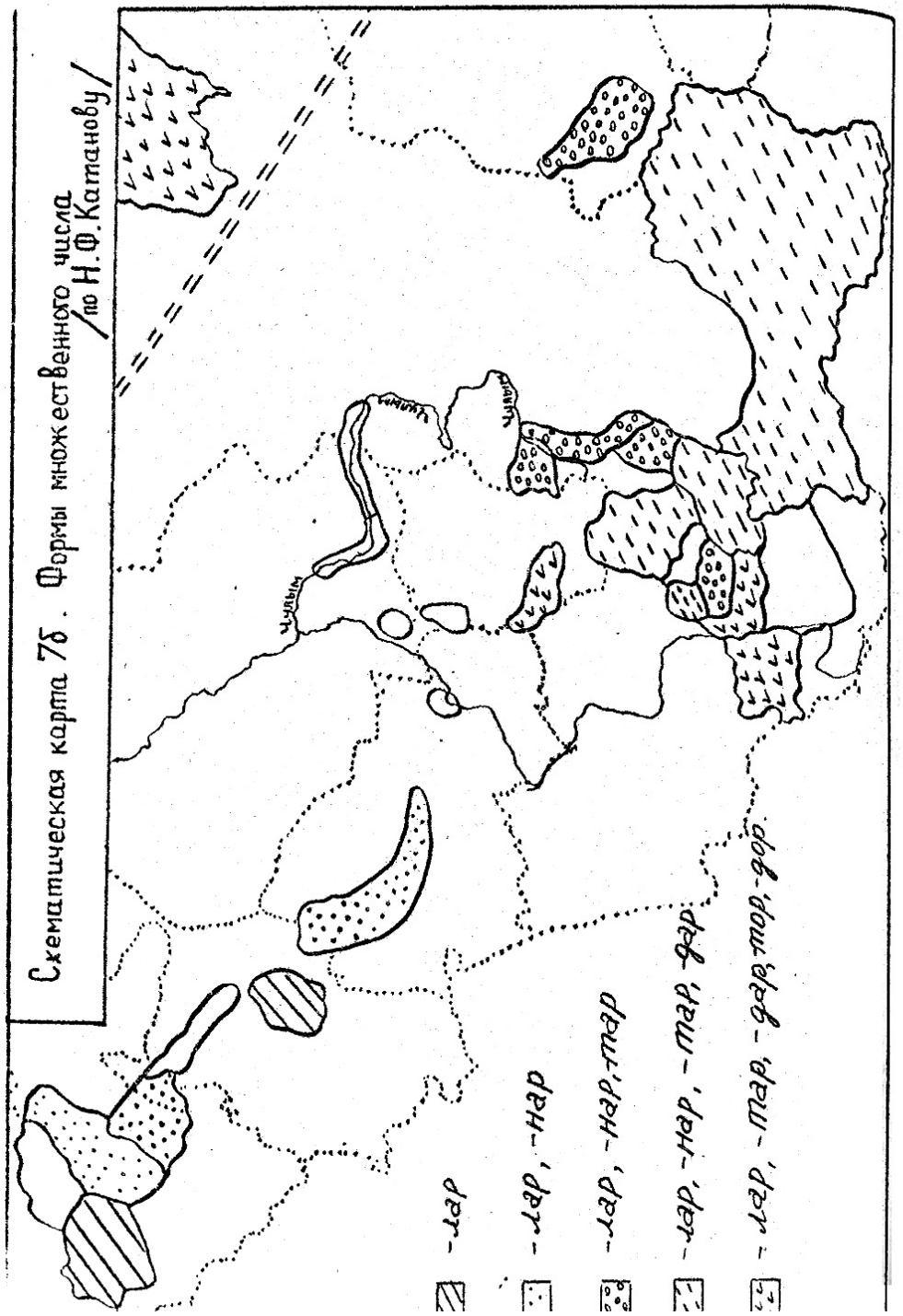
Изоглосса 7. Формы множественного числа. Схематическая карта 7(а-б)

По форме выражения множественного числа в сибирском ареале также выделяются несколько зон: I) зона, в которую входят языки и диалекты, имеющие аффиксы -лар, -нар, -тар. Сюда относятся чулымско-тюркский, диалекты хакасского языка и шорского языка, барабинский диалект (по материалам Л.В.Дмитриевой) сибирских татар; 2) зона, которую составляют диалекты и языки с аффиксом -лар, -нар, -тар, -дар. Это кумандинский диалект алтайского языка и тувинский язык; 3) зона, в которую входят диалекты, в которых представлено наибольшее количество алломорфов морфемы множественного числа: туба диалект алтайского языка, якутский язык;

4) зона, включающая диалекты сибирских татар (кроме упомянутого выше), в которых встречается унифицированный аффикс -лар ; 5) зона, состоящая из диалектов, в которых употребляются варианты -лар, -тар, -дар. Сюда относятся калмакский говор томского диалекта и язык бачатких телеутов; 6) зона южных диалектов алтайского языка, характеризующихся алломорфами лар, тар, дар, лор, тор, дор.

Схематическая карта 7а. - Формы множественного числа

По материалам Н.Ф.Катанова шорский язык входил в другую зону, а именно в зону, в которой диалекты представлены аффиксами -лар, -нар, -тар, -дар вместе с кюэрикским, кумандинским и тувинским, а туба диалект алтайского языка (черневое наречие) входил вместе с кызыльским, сагайским, качинским, койбальским, бельтирским и карагасским в зону, представленную алломорфами -лар, -нар, -тар. Это, видимо, можно объяснить тем, что туба диалект на современном этапе развития подвергся нивелировке форм под влиянием литературного алтайского языка, имеющего указанные варианты аффикса множественного числа. В чулымско-тюркском же языке (в его нижнечулымском и среднечулымском диалектах) представлены алломорфы отличные от функционировавших в кюэрикском наречии, что и обусловило его зональную отнесенность в другую группу. Остальные языки и диалекты сохранили свою прежнюю зональную принадлежность.

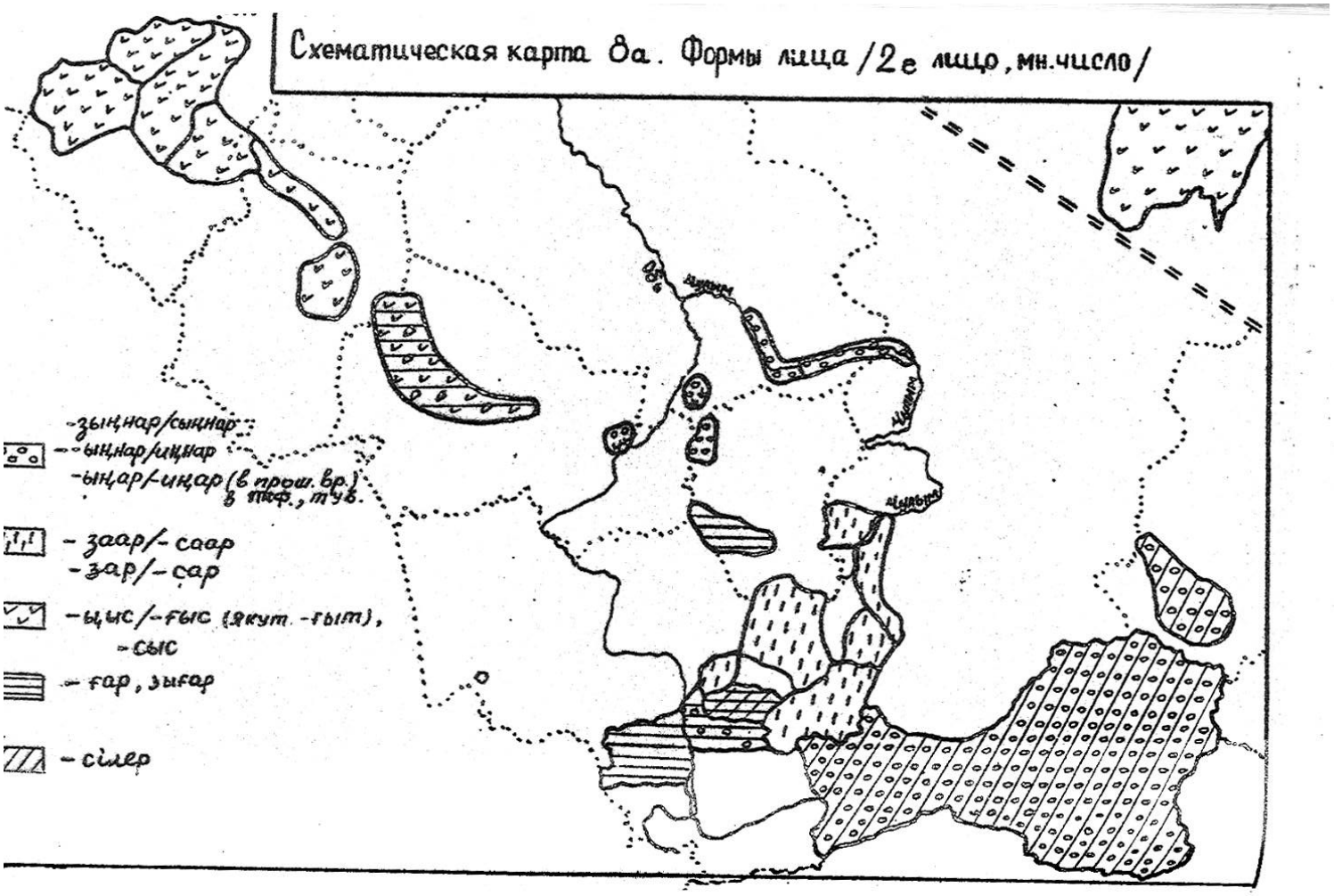
Глагольные изоглоссы

Изоглосса 8. Формы лица. Схематическая карта 8(а-б)

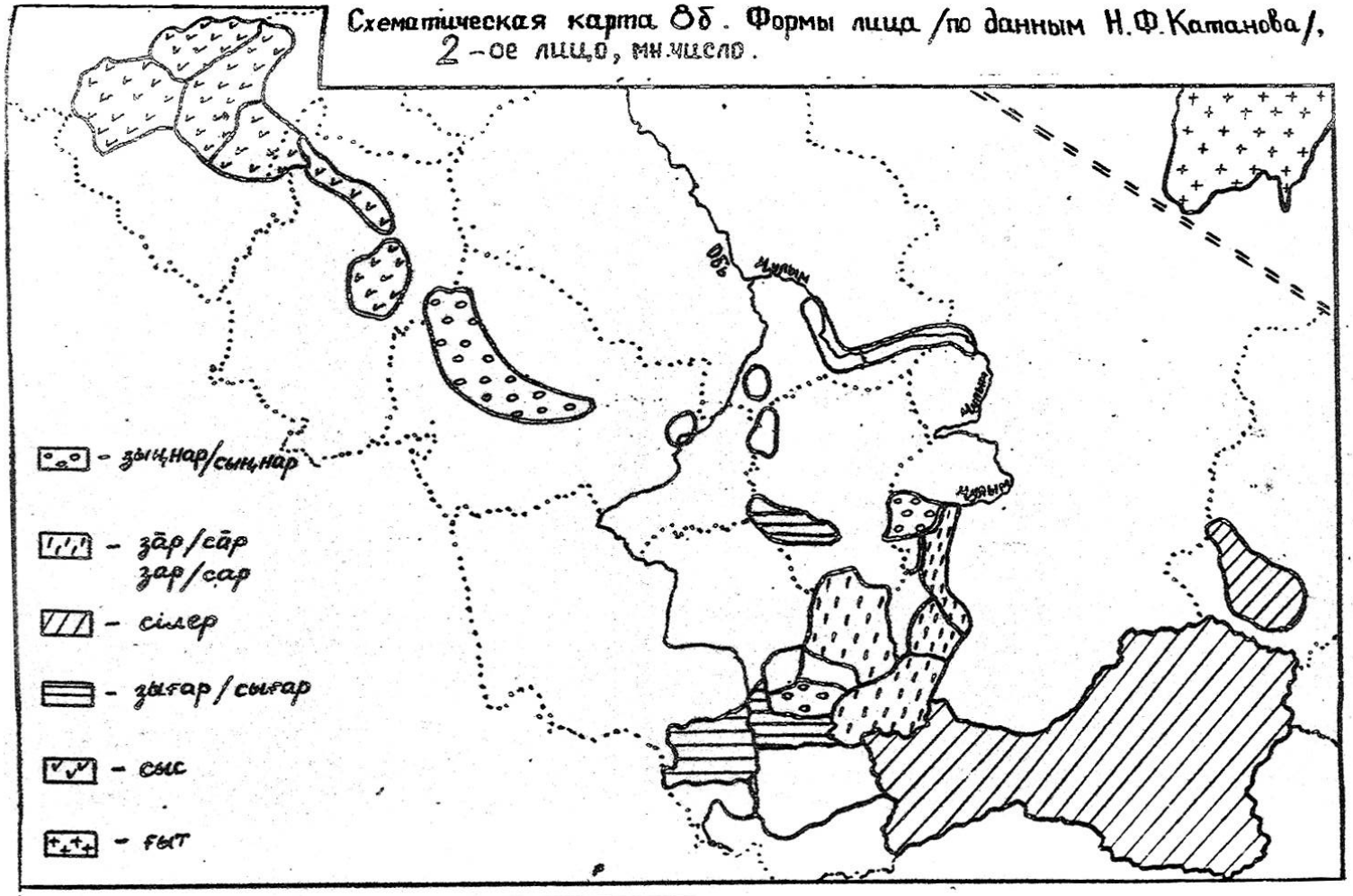
По аффиксам сказуемости тюркские языки и диалекты делятся на несколько зон. Они отличаются, главным образом, по форме выражения 2-го лица множественного числа. В одну зону входят диалекты чулымско-тюркского языка, эуштинский и калмакский говоры томского диалекта сибирских татар, а также в форме прошедшего времени сюда относятся тофаларский и тувинский языки. В перечисленных языках и диалектах аффикс 2-го лица множественного числа имеет форму -ыңнар/сыңнар, -(ы)ңнар/-(и)ңнар, в тофаларском и тувинском - ыңнар. Другую зону составляют хакасский и шорский языки, кумандинский диалект алтайского языка, где этот аффикс представлен формой -заар/-саар, -зар/-сар (-ар/-ар).

Туба диалект алтайского языка, с одной стороны, имеет корреспондирующие формы с барабинским диалектом сибирских татар (-гар), с другой - с тувинским и тофаларским (-селер). Барабинский диалект в свою очередь имеет тождественные формы с туба диалектом (-гар), с другой - с татарскими формами -ңыс/-гыс, -сыс; встречаются также варианты с алломорфом -ыңнар. В самостоятельную зону входят говоры тоболо-иртышского диалекта, имеющие форму 2-го лица мн.числа - сыс, а также иногда, например,

Схематическая карта 8а. Формы лица /2е лицо, мн.число/

Схематическая карта 8б. Формы лица /по данным Н.Ф.Катанова/, 2-ое лицо, мн.число.

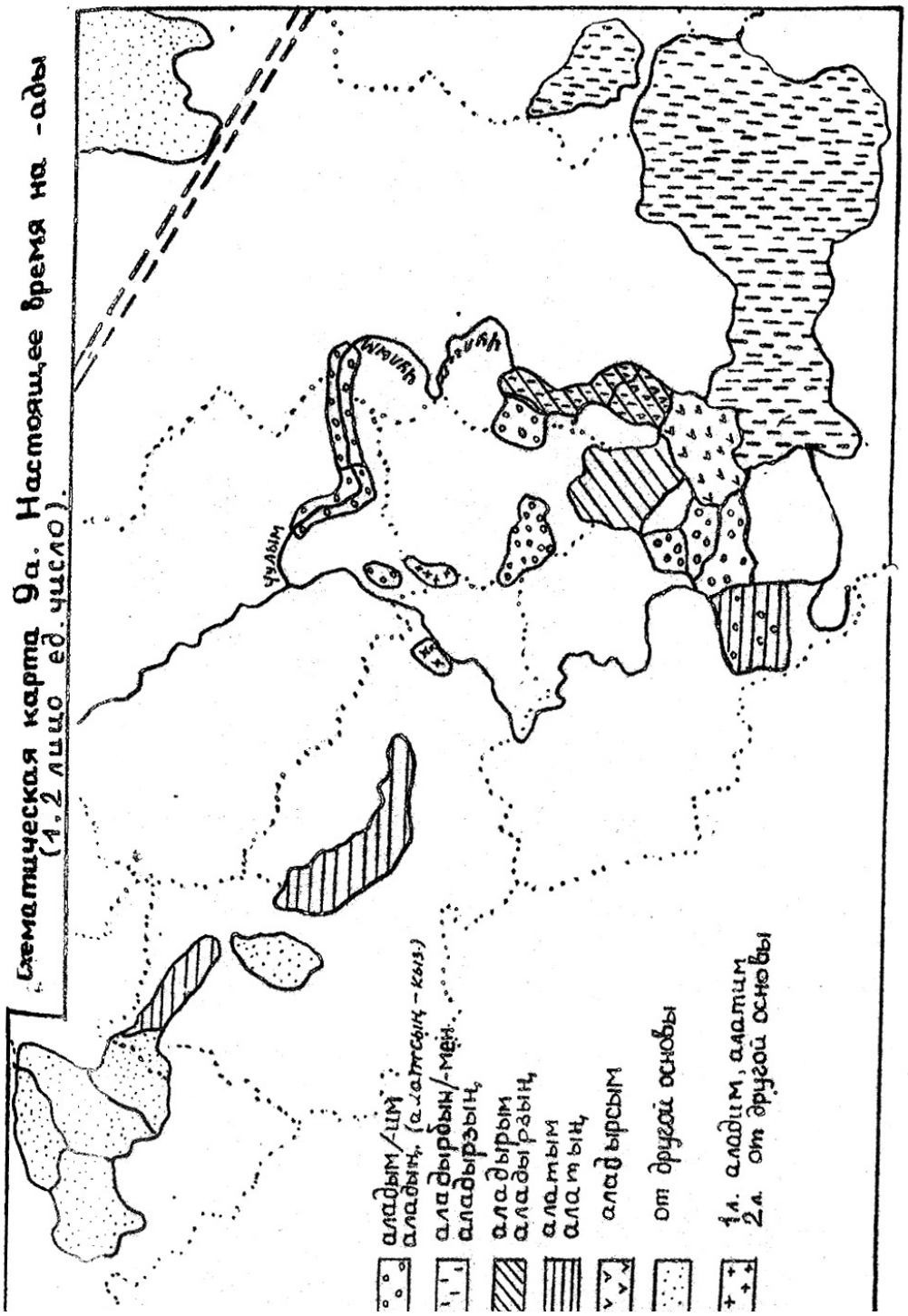
в прошедшем категорическом времени форму -гыс/-гыс. Формы, аналогичные последнему, имеются в якутском языке, если учесть чередование согласных т-с.

Если привлечь материалы диалектов и языков, относящихся к началу нашего столетия (Н.Ф.Катанов, 1903), то легко заметить, что тождественные формы отмечаются в наречиях (по терминологии Н.Ф.Катанова) кюэрик (уже не существующим в настоящее время), в кызыльском, черневом и барабинском, т.е. формы, совпадающие полностью с формами современных диалектов чулымско-тюркского языка. Отсюда не трудно сделать вывод, что современные формы кызыльского и других диалектов хакасского языка -заар/-заар, а также диалектов других языков, в которых отмечена эта форма, развились из формы -аыңнар/-сыңнар (путем выпадения согласных ңн), сохранившейся в чулымско-тюркском языке и томском диалекте языка сибирских татар. В эуштинско-чатский говор проникают татарские формы на -гыс.

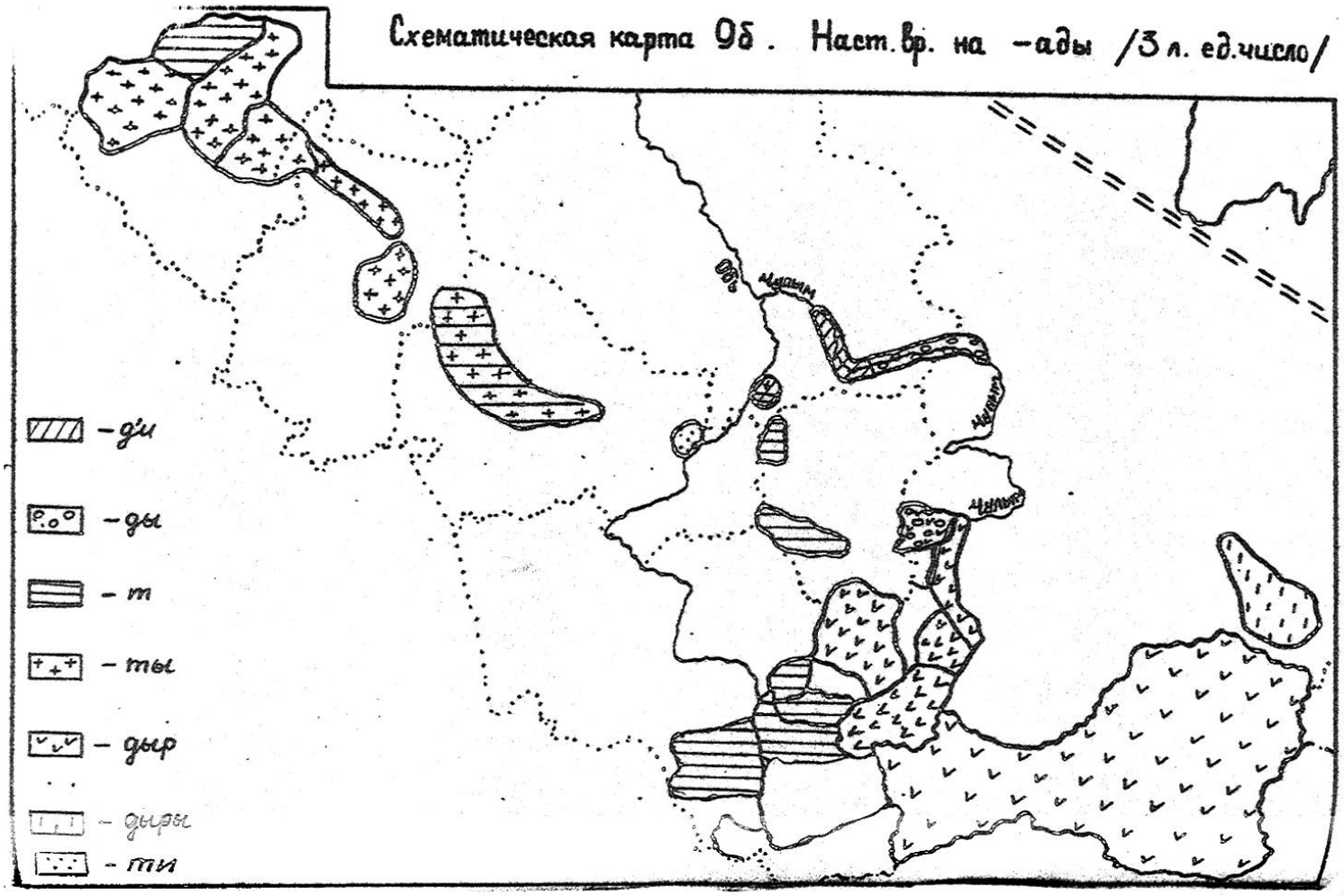
Изоглосса 9. Настоящее время на -ады.
Схематическая карта 9.

Данная изоглосса охватывает все языки Сибирского ареала, кроме якутского. В нижнечулымском диалекте звук д в аффиксе палатализированный независимо от основы. Эта же особенность отмечается в эуштинском говоре томского диалекта. В среднечулымском диалекте в твердых основах функционирует аффикс -ды. Парадигмы спряжения, полностью совпадающие (кроме аффикса 2-го лица мн.числа) со среднечулымским, обнаруживаются в кызыльском диалекте хакасского языка. Формы 1-го и 2-го лица ед.числа, тождественные среднечулымским формам (парадым, парадың), имеются в кызыльском диалекте хакасского языка, в языке бачатских телеутов, в кумандинском и туба диалектах алтайского языка.

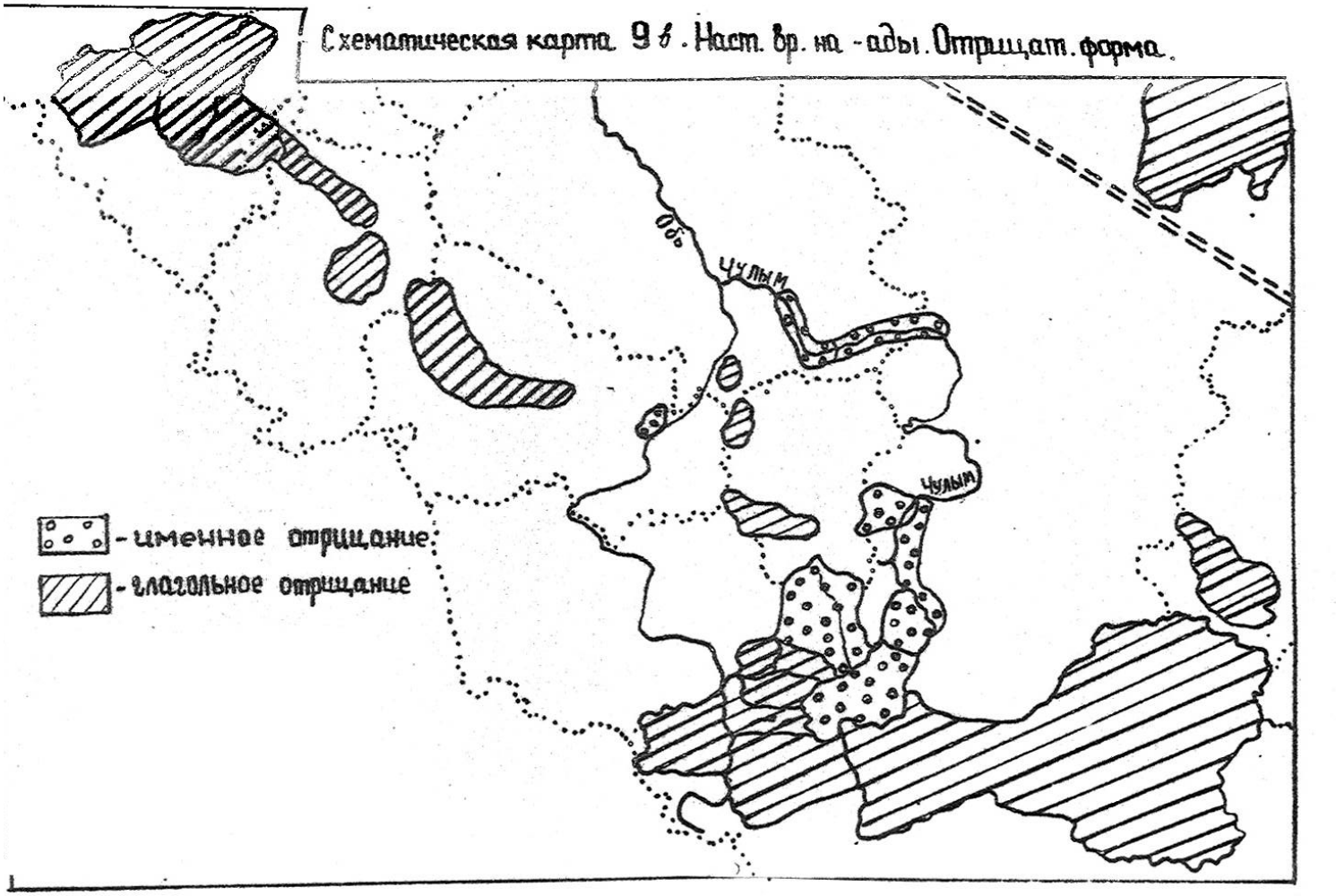
Компактную зону составляют качинский и сагайский диалекты хакасского языка, тофаларский и тувинский языки, где функционируют формы (аладырбын, аладырзың). Третью зону составляют диалекты шорского языка (с формами аладырым, аладырзың). Изолированные зоны составляют алтайский диалект алтайского языка, барабинский диалект, тевризский говор тоболо-иртышского диалекта (с глухим согласным в аффиксе: алатым, алатың, правда, в алтайском диалекте встречается и аладым, аладың) и шорский диа-

Схематическая карта 9б. Наст.вр. на -ады /3 л. ед.число/

Схематическая карта 9в. Наст. вр. на -ады. Отрицат. форма.

лект хакасского языка (с личным аффиксом I-го лица -сым: алады-рсым), а также калмакский и чатский говоры томского диалекта (с аффиксом -им в I-м лице и формой, образованной от другой основы во 2-м лице).

Ареалы распространения тождественных форм I-го и 2-го лица ед.числа представлены на схематической карте 9а.

По тождественности выражения формы 3-го лица ед.числа можно выделить также несколько зон. Первую зону составляют нижнечулымский диалект и эуштинский говор томского диалекта (с аффиксом д'и), вторую зону (с аффиксом -ды/-ди) - среднечулымский диалект и кызыльский диалект хакасского языка, факультативно эта форма встречается в барабинском диалекте (по данным Л.В.Дмитриевой, 1966, 165).

Из других языков, контактирующих с языками Сибири, форма 3-го лица ед.числа, аналогичная среднечулымской (алады), встречается в казахском языке. Третью зону (с аффиксом -т) составляют заболотный говор тоболо-иртышского диалекта, барабинский диалект, калмакский говор томского диалекта, язык бачатских телеутов и диалекты алтайского языка. Эта форма встречается также в тевризском говоре тоболо-иртышского диалекта параллельно с формой на ты. То же и в барабинском диалекте. Четвертую зону (с аффиксом -ты) составляют тюменский, тобольский и тарский говоры тоболо-иртышского диалекта. Пятую зону (с аффиксом -дыр) - диалекты хакасского языка (в кызыльском диалекте которого встречаются также и формы с аффиксом д'и) шорского и тувинский язык, в шестую зону (с аффиксом -дыры) входит тофаларский язык.

Указанные зоны представлены на схематической карте 9б.

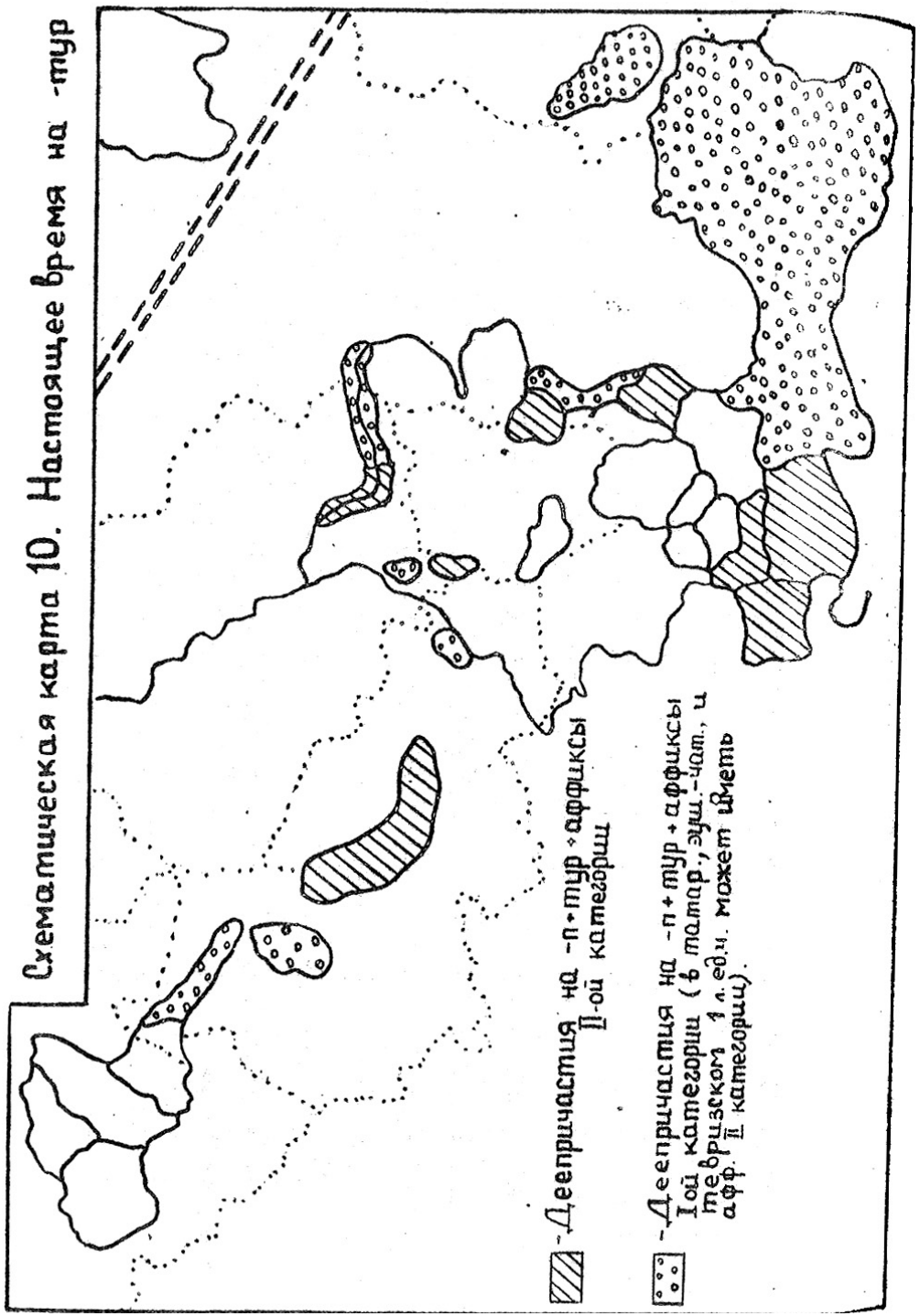
По образованию отрицательной формы настоящего времени на -ады диалекты чулымско-тюркского, хакасского и шорского языков, а также орский подговор (чаты) томского диалекта составляют одну компактную зону. В этих языках, в отличие от других тюркских языков Сибири, отрицательная форма образуется с помощью именного отрицания (например: ср.чул. мӓн парай чохмӓн 'я не иду'; ол парай чоғул 'он не идет'; кыз. мӓн ала шӧхпын 'я не беру'; кач. мӓн парачоғылбыл/парачоғылбын 'я не иду'). Эта зона представлена на схематической карте 9в.

Изоглосса I0. Настоящее время на -тур

Полное совпадение форм наблюдается в среднечулымском диалекте чулымско-тюркского языка и тувинском языке. По структуре формы рассматриваемого времени можно выделить три зоны. Одну зону составляют нижнечулымский диалект, калмакский говор томского диалекта, кызыльский диалект (правда, с выпадением звука р в вспомогательном глаголе тур-), сагайский диалект хакасского языка и алтайский диалект алтайского языка (по данным Ч.Ч.Чумакеевой). В этой зоне форма данного настоящего времени образуется с помощью соединительного деепричастия на -п и личных окончаний П категории. Другую зону составляют языки и диалекты, в которых в образовании рассматриваемого времени участвуют аффиксы I категории. В эту зону входят среднечулымский диалект, качинский диалект (по форме I-го лица), тофаларский и тувинский языки, а также тевризский и тарский говоры тоболо-иртышского диалекта. В третью зону входят алтайский литературный язык (по материалам Н.П.Дыренковой) и якутский язык, в которых данная форма образуется от слитного деепричастия.

Таким образом, нижнечулымский и среднечулымский диалекты входят в разные зоны. Нижнечулымский диалект имеет схождения как с диалектами сибирских татар, так и с диалектами языков Саяно-Алтая. Среднечулымский диалект корреспондирует (по структуре формы данного времени) только с языками, функционирующими на территории Саян и бассейна верхнего Енисея - тофаларским и тувинским. Однако нижнечулымский и среднечулымский диалекты имеют общий признак, характеризующий их в целом. В отличие от других языков Сибирского ареала (кроме тувинского языка), где вспомогательный глагол, выступая в функции служебного слова, сохраняет фонетическую форму смыслового глагола, от которого он происходит (форму тур 'стоять'), в диалектах же чулымско-тюркского языка он подвергается фонетическим изменениям, в зависимости от корневого вокализма смыслового глагола, т.е. он перешел в ранг аффикса (подобно тувинскому языку).

Отрицательная форма, образующаяся с помощью именного отрицания чоғул , образует компактную зону из диалектов чулымско-тюркского языка, эуштинского говора томского диалекта языка сибирских татар, качинского и сагайского диалектов хакасского языка (в кызыльском отрицательная форма образуется с помощью отрицательной частицы ба).

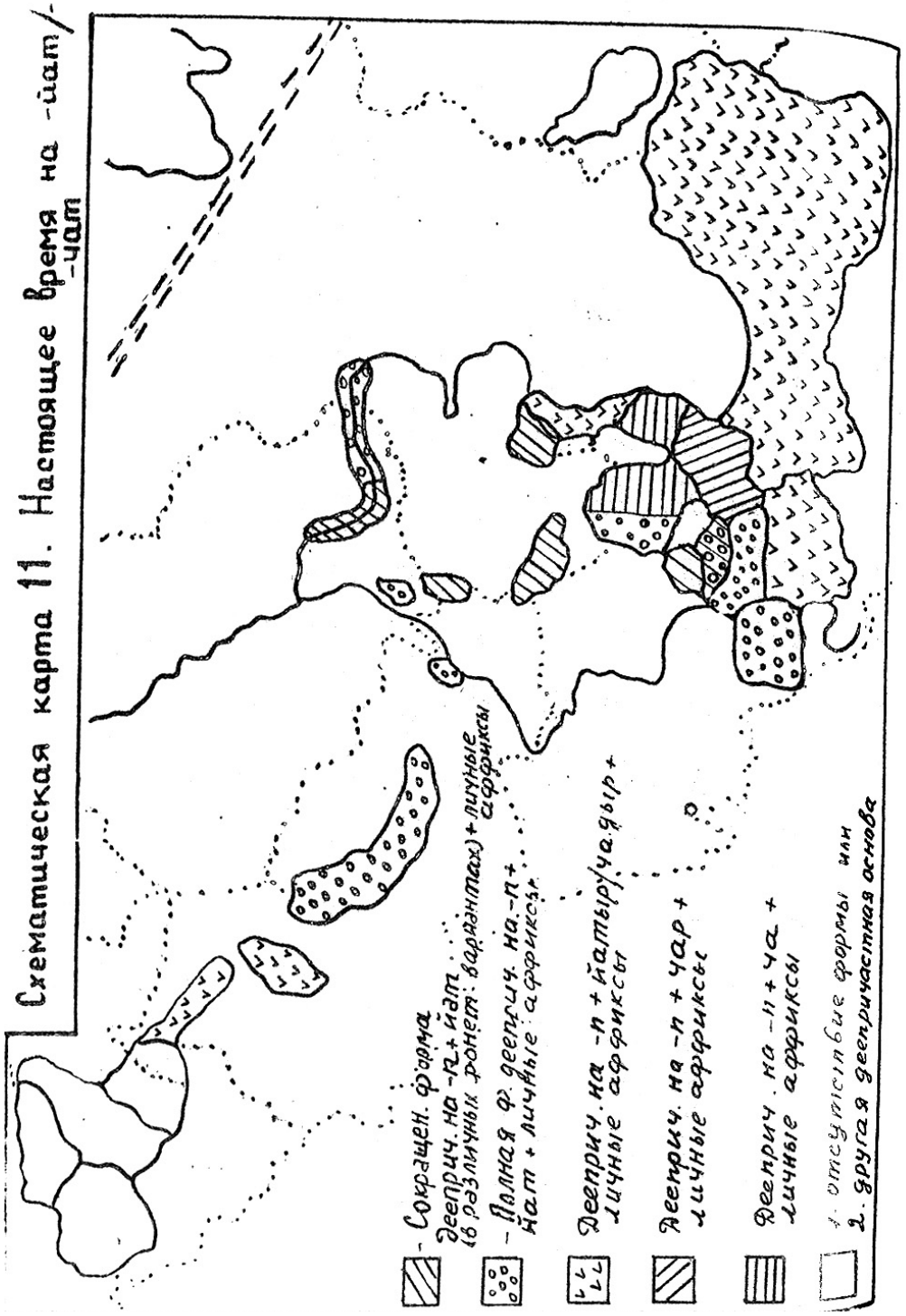
Изоглосса II. Настоящее время на -йат/-чат
Схематическая карта II.

Фонетический вариант вспомогательного глагола -йат встречается только в диалектах сибирских татар и в нижнечулымском диалекте. Во всех остальных диалектах рассматриваемого тюркоязычного ареала встречается фонетический вариант -чат, а в алтайских диалектах -дат. В дальнейшем изложении мы принимаем во внимание только структурные особенности исследуемой формы. По особенности образования данной формы можно выделить несколько зон. В одну зону входят диалекты чулымско-тюркского языка (правда, нижнечулымский отличается от среднечулымского палатализованным д , в связи с чем личный аффикс имеет форму -им, например, парйедим), кызыльский диалект хакасского языка, язык бачатских телеутов, чалканский, кумандинский, и тубинские диалекты алтайского языка (в последнем эта форма встречается факультативно), а также калмакский говор томского диалекта языка сибирских татар. В указанных диалектах рассматриваемая форма времени образуется от сокращенной формы соединительного деепричастия и личных окончаний П категории. Следует напомнить, что в среднечулымском диалекте только небольшое количество глаголов образует эту форму времени таким образом.

В другую зону входят диалекты, в которых данная форма настоящего времени образуется от полной формы соединительного деепричастия на -нп и личных окончаний П категории. Сюда относятся среднечулымский диалект (большинство глаголов), барабинский, эуштинско-чатский говор сибирских татар, кондомский диалект шорского языка и некоторые диалекты алтайского языка.

Третью зону составляют диалекты, в которых данная форма времени образуется от соединительного деепричастия на -ып, простой основы настоящего времени вспомогательного глагола (чыдыр) и личных показателей. Эту зону составляют качинский диалект хакасского языка, тувинский язык, теленгитский диалект алтайского языка (I-е и 2-е лицо), тарский и тевризский говоры тоболо-иртышского диалекта сибирских татар.

Сагайский диалект хакасского языка и мрасский диалект шорского языка, в которых вспомогательный глагол сократился до формы -ча, составляют отдельную зону. В шорском диалекте хакасского языка этот аффикс представлен формой -чар.

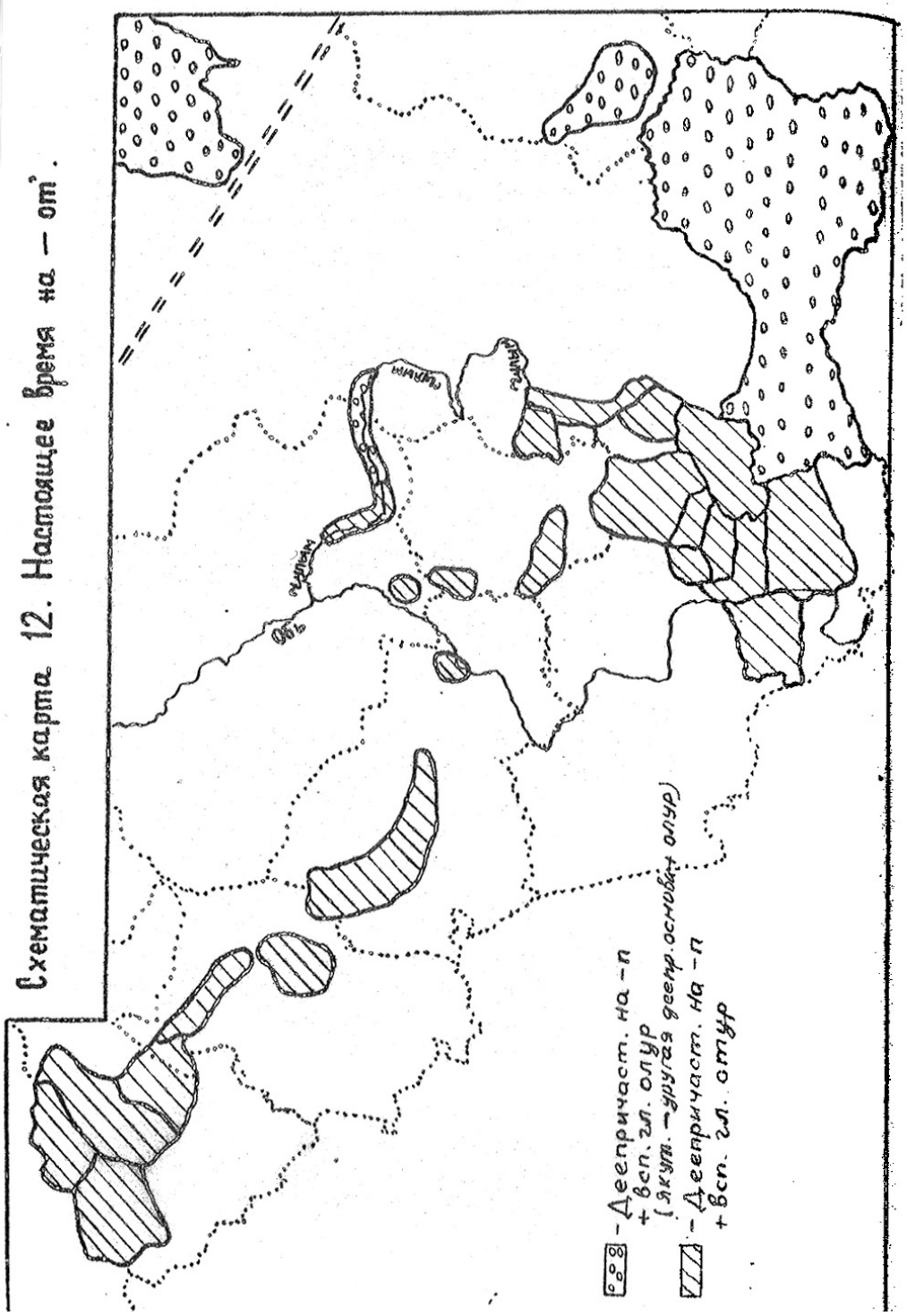

Отрицательная форма настоящего времени на -йат/-чат чулымско-тюркского языка противостоит всем сибирским языкам, образующим отрицательную форму с помощью отрицательной частицы -ба (с различными фонетическими модификациями). В чулымско-тюркском языке в его обоих диалектах отрицательная форма образуется с помощью именного отрицания чогул, например: кäлäр чоқмäн, кäлäр чоқсуң, кäлäр чоғул. Выделенные зоны представлены на схематической карте II.

Изоглосса I2. Настоящее время на -от. Схематическая карта I2

Рассматриваемая форма времени представлена во всех языках и диалектах Сибирского ареала, кроме чулымско-тюркского языка и кызыльского диалекта хакасского языка, аналитической конструкцией, состоящей из деепричастия на -ып/-п и вспомогательного глагола отур-/одур-. В чулымско-тюркском языке и в соседнем кызыльском диалекте хакасского языка вспомогательный глагол оказался подвергнутым сильным фонетическим изменениям: н.чул. одур > от' в результате отпадения конечного слога ур; кыз. одур > оды (в 3-м лице), во 2-м лице ед.ч. от'(Д.Ф.Пятачакова, I976, I30).

В среднечулымском диалекте эта форма времени исследователями долгое время не узнавалась. Её называли формой настоящего времени на -бъл, предполагая, что она образуется с помощью морфемы -бъл (А.П.Дульзон, I960, II0; I966, 454; I973б, I9; М.А. Абдрахманов, I97I, 3). Как было показано выше, при описании системы времен среднечулымского диалекта, анализ структуры данной временной формы позволил нам рассматривать её как состоящую из соединительного деепричастия на -п и того же вспомогательного глагола, что и нижнечулымская форма, но в другом фонетическом варианте -олур 'сидеть'. Обе формы (нижнечулымская и среднечулымская) восходят к др.тюрк. олтур. Нижнечулымская форма образовалась в результате выпадения звука л, а среднечулымская - звука т. И в том и в другом диалекте вспомогательный глагол, будучи подвергнутым сильным фонетическим изменениям, перешел в ранг аффикса, например, ср.чул. алып олур > алыб ол > алыбыл 'я беру', н.чул. парып отурум > парыб отум > парыв отым > парвот'им 'я иду'.

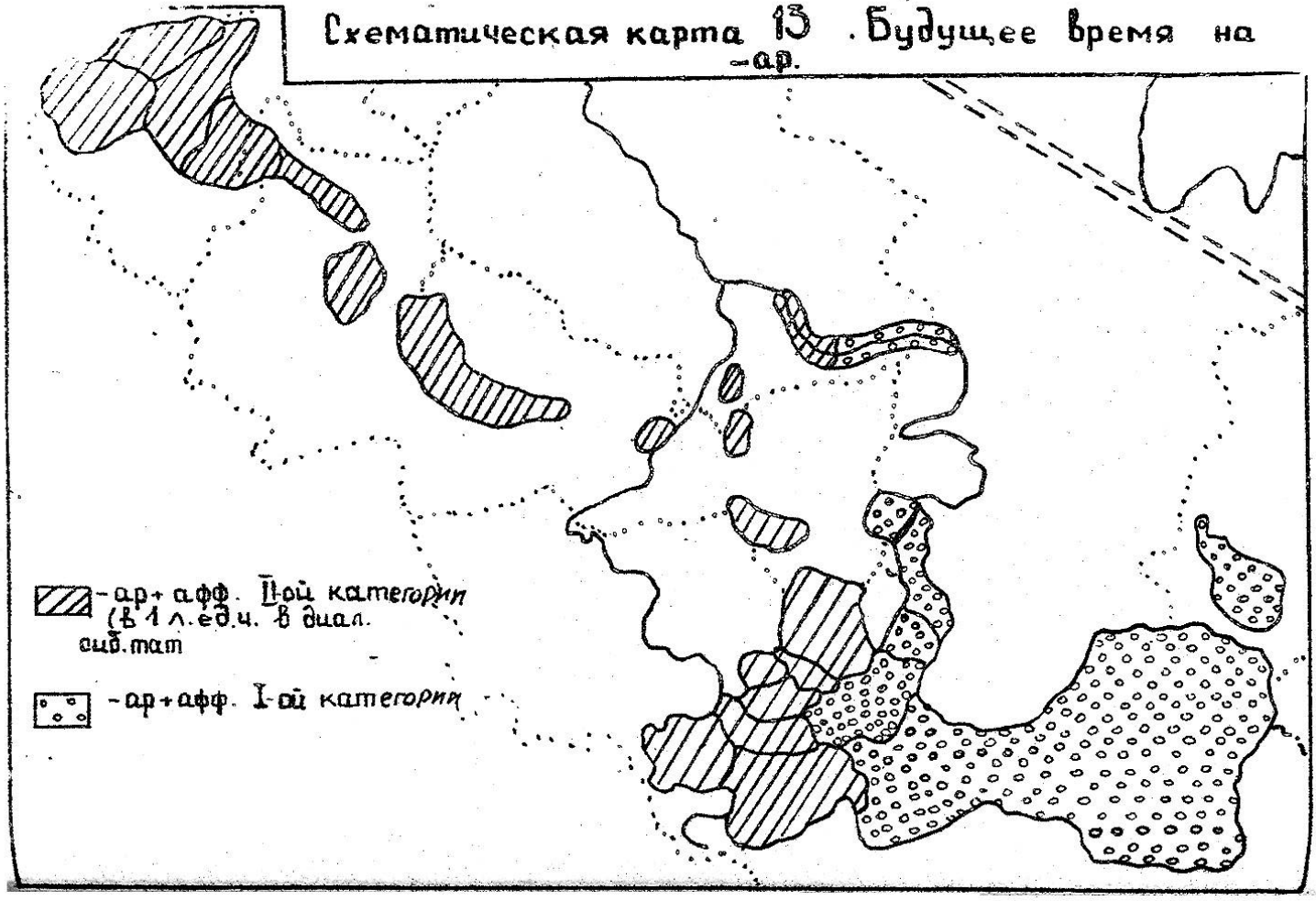
По включенности вспомогательного глагола в словоформу настоящего времени диалекты чулымско-тюркского языка и кызыльский диалект хакасского языка составляют компактную зону. Эта зона представляет собой зону инновации, так как здесь обнаруживается более позднее развитие грамматической формы (превращение лексической единицы в аффикс, т.е. большая степень грамматикализации), в то время как на территории других языков эта лексическая единица отур/олур функционирует еще как служебное слово. Следовательно, диалекты чулымско-тюркского языка в этом плане могут считаться центром инновации.

Центром распространения данного языкового явления могут быть тувинский, тофаларский или якутский язык, так как только в этих языках обнаруживается форма олур 'сидеть' (др.тюрк. олтур), характерная для среднечулымского диалекта. Точнее, видимо, таким центром явились тувинский или тофаларский, в которых в основе данной формы времени лежит однотипное с среднечулымским соединительное деепричастие, в то время как в якутском в основе данной формы лежит слитное деепричастие. Что касается нижнечулымского диалекта, то по степени грамматикализованности вспомогательного глагола, он входит, как было отмечено выше, в зону, составляющую среднечулымский диалект чулымско-тюркского языка и кызыльский диалект хакасского языка, что является одним из свидетельств наличия общих диалектных признаков среднечулымского и нижнечулымского диалектов. По фонетическому варианту вспомогательного глагола, к которому восходит нижнечулымский элемент от, нижнечулымский диалект составляет одну зону с диалектами сибирских татар, хакасского, алтайского и шорского языков.

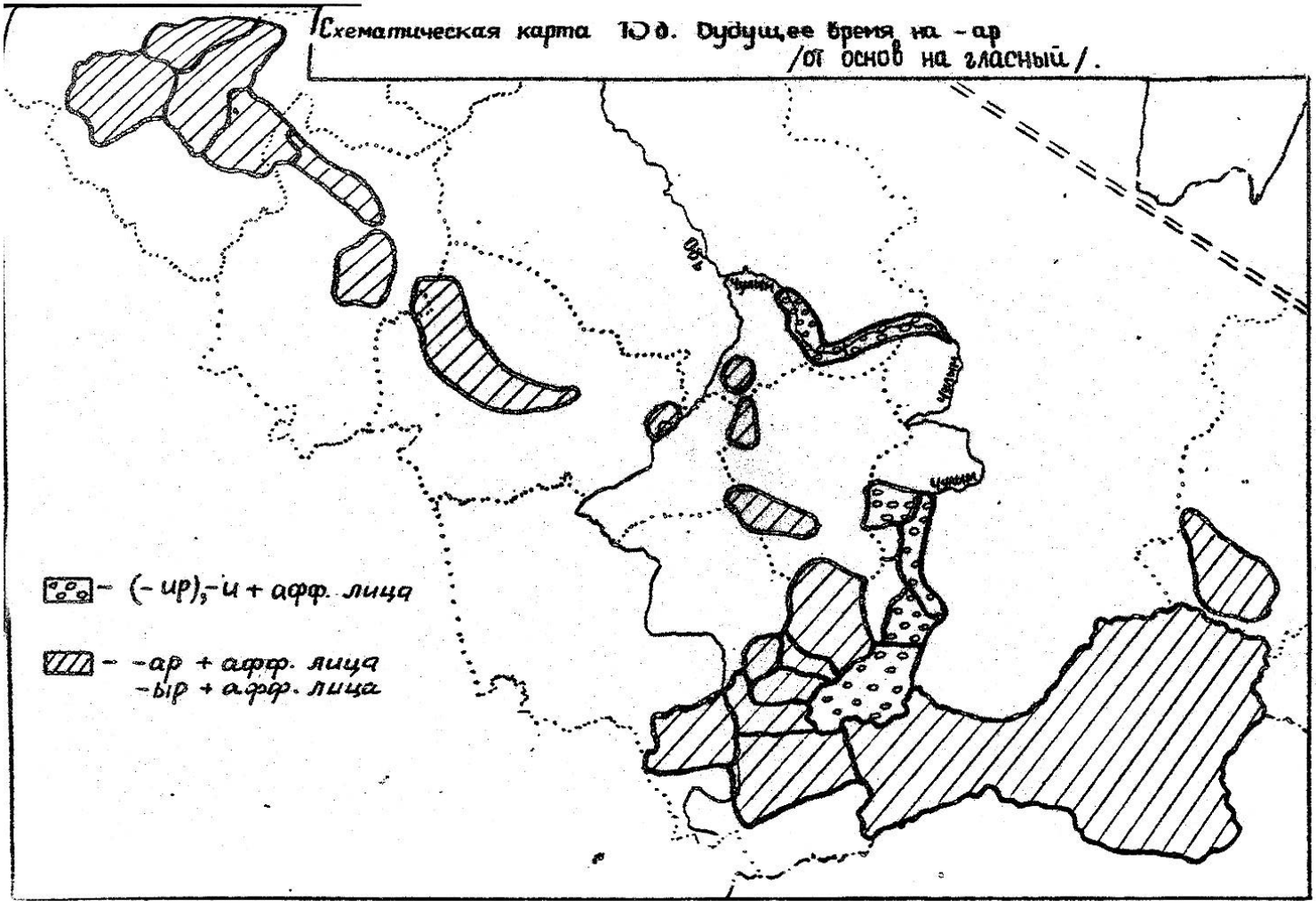
Изоглосса I3. Будущее время на -ар.
Схематическая карта I3

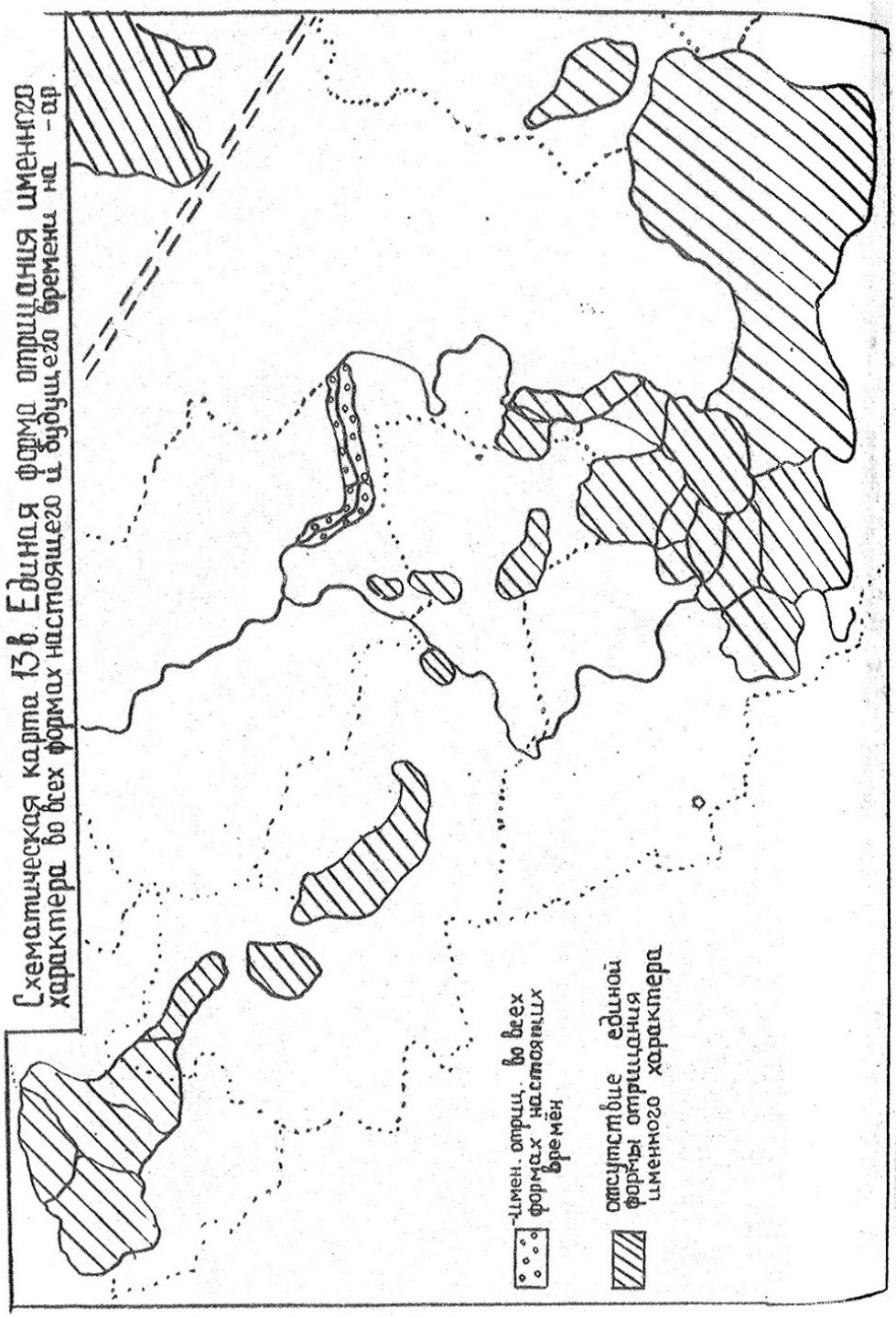
Форма данного времени распространена во всех тюркских языках Сибирского ареала. Тождественные парадигмы спряжения с аффиксами П категории отмечаются в нижнечулымском диалекте, диалектах сибирских татар, языке бачатских телеутов, диалектах алтайского языка, а также в диалектах шорского языка. По форме 3-го лица ед.числа сюда же относится якутский язык. Эти языки составляют одну зону. Вторую зону составляют сред-

Схематическая карта 13. Будущее время на -ар.

Схематическая карта 10 б. Будущее время на -ар /от основ на гласный/.

нечулымский диалект чулымско-тюркского языка, диалекты хакасского языка, тувинский и тофаларский языки, в которых при образовании данного времени участвуют аффиксы I категории.

Чулымско-тюркский и хакасский языки (особенно кызыльский диалект) составляют изолированную зону по образованию форм будущего времени от глаголов с основой на гласный (например, чул.-тюрк. ойни:м , кыз. ойним 'я буду играть').

По отрицательному аспекту времени, формы которого образуются из причастия и именного отрицания чогул 'нет', диалекты чулымско-тюркского языка противостоят другим тюркским языкам и диалектам Сибирского ареала. Выделенные зоны даны на схематической карте I3в.

Изоглосса I4. Будущее на -лық.
Схематическая карта I4

Кроме чулымско-тюркского языка, форма будущего времени на -лық в других языках Сибири не встречается. Из других тюркских языков она еще встречается (с той же семантикой) в карачаево-балкарском языке. Схождения с карачаево-балкарским языком, находящимся на территории большой удаленности от чулымско-тюркского языка, можно считать конвергентными изоглоссами.

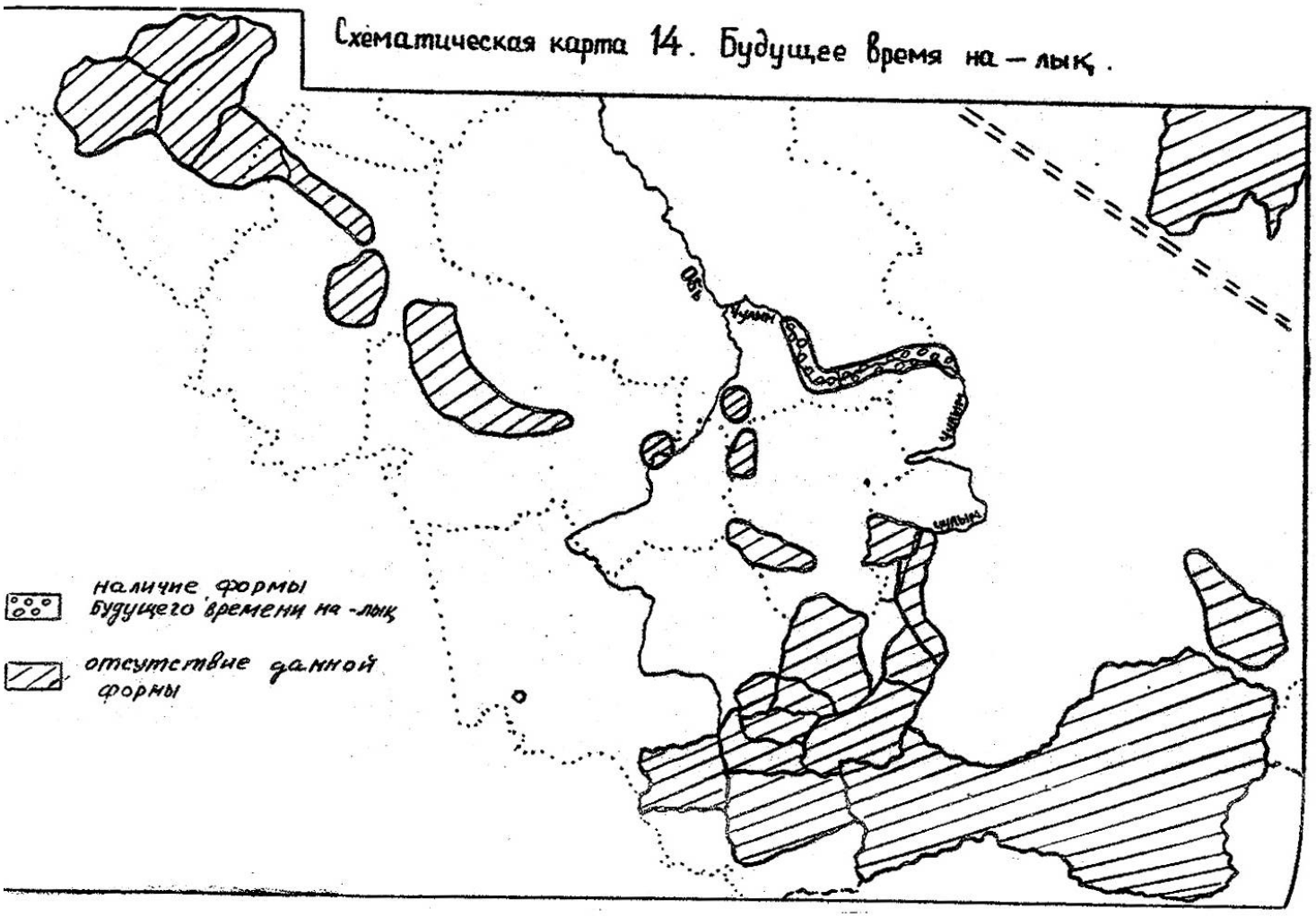
Изоглосса I5. Прошедшее время на -ды.
Схематическая карта I5.

Форма прошедшего времени на -ды имеется во всех языках рассматриваемого ареала, кроме диалектов чулымско-тюркского языка (где эта форма встречается чрезвычайно редко), и кызыльского диалекта хакасского языка.

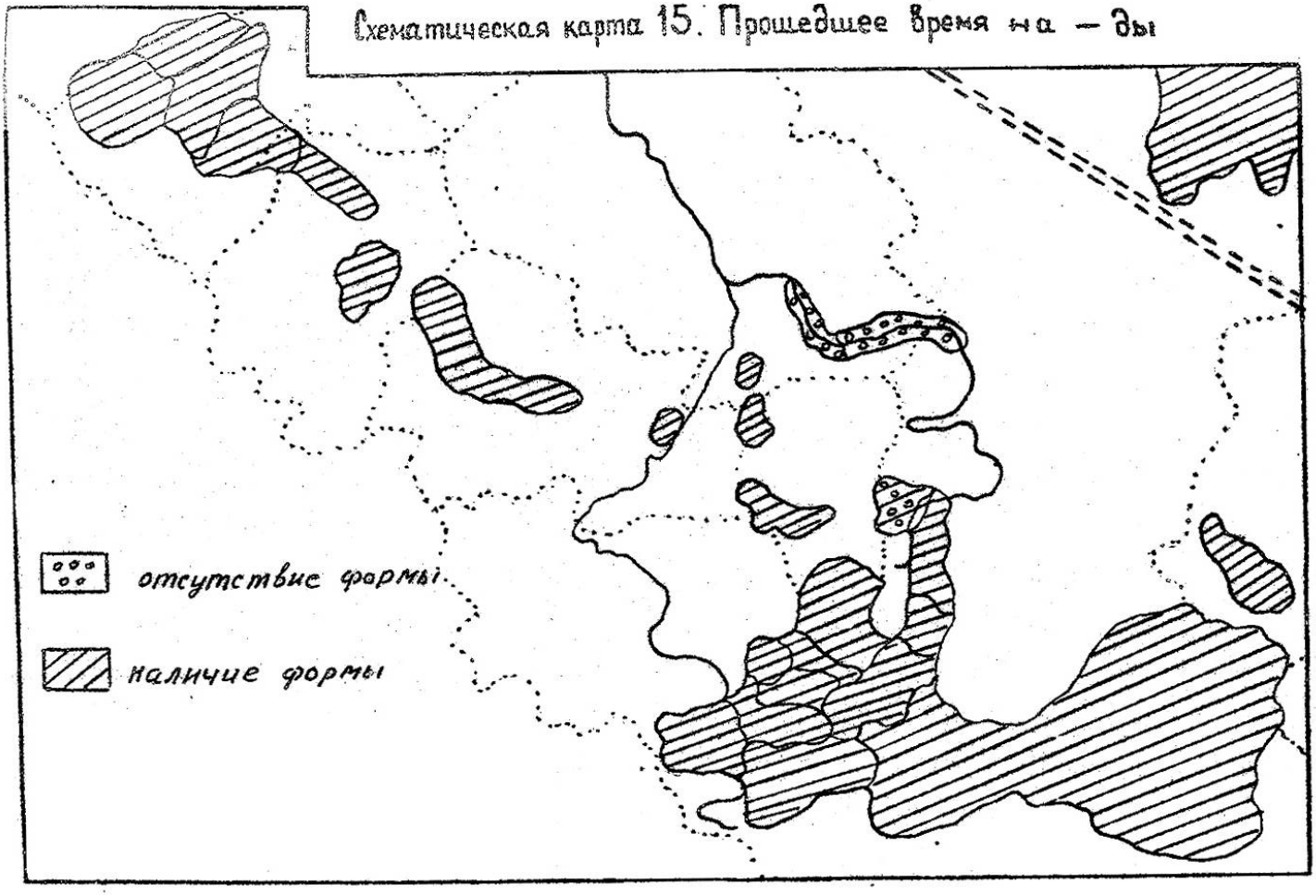
Изоглосса I6. Прошедшее время на -ган.
Схематическая карта I6

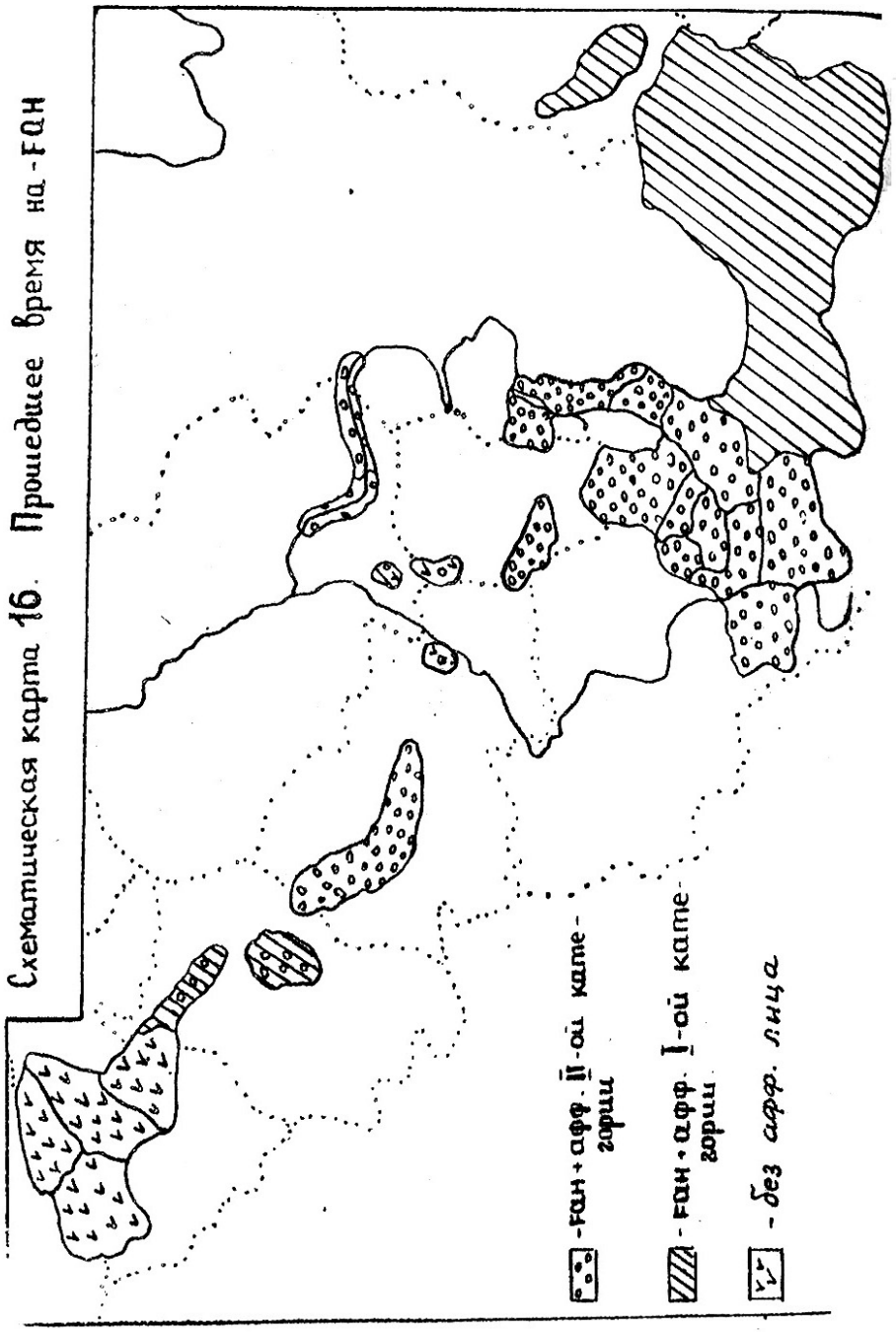
Данная форма прошедшего времени распространена по всей территории Сибирского тюркоязычного ареала, кроме Якутии. В чулымско-тюркском языке, барабинском диалекте сибирских татар, в диалектах хакасского, алтайского и шорского языках, а также в языке бачатских телеутов эта форма времени образуется от причастия на -ган присоединением аффиксов лица II категории. Пере-

Схематическая карта 14. Будущее время на – лық.

Схематическая карта 15. Прошедшее время на – ды

численные языки составляют одну зону. Тевризский и тарский говоры тоболо-иртышского диалекта, тувинский и тофаларский языки составляют вторую зону: в этих языках рассматриваемая форма времени образуется присоединением личных аффиксов первой категории. Причем тевризский и тарский говоры тоболо-иртышского диалекта и барабинский диалект представляют собой зону вибрации. В перечисленных диалектах встречаются формы как с аффиксами I, так и II категорий. Отдельно стоит группа говоров (заболотный, тобольский, тюменский) тоболо-иртышского диалекта языка сибирских татар, в которых данная форма времени образуется без присоединения личных окончаний, чем указанные говоры сближаются с сарыг-югурским и уйгурским языками. Томский диалект языка сибирских татар представляет собой смешанную зону. Здесь встречаются формы с личными окончаниями первой категории и формы без показателей лица (калмакский, чатский говоры), а в эуштинском говоре все три формы: без показателей лица, с аффиксами I и с аффиксами II категорий.

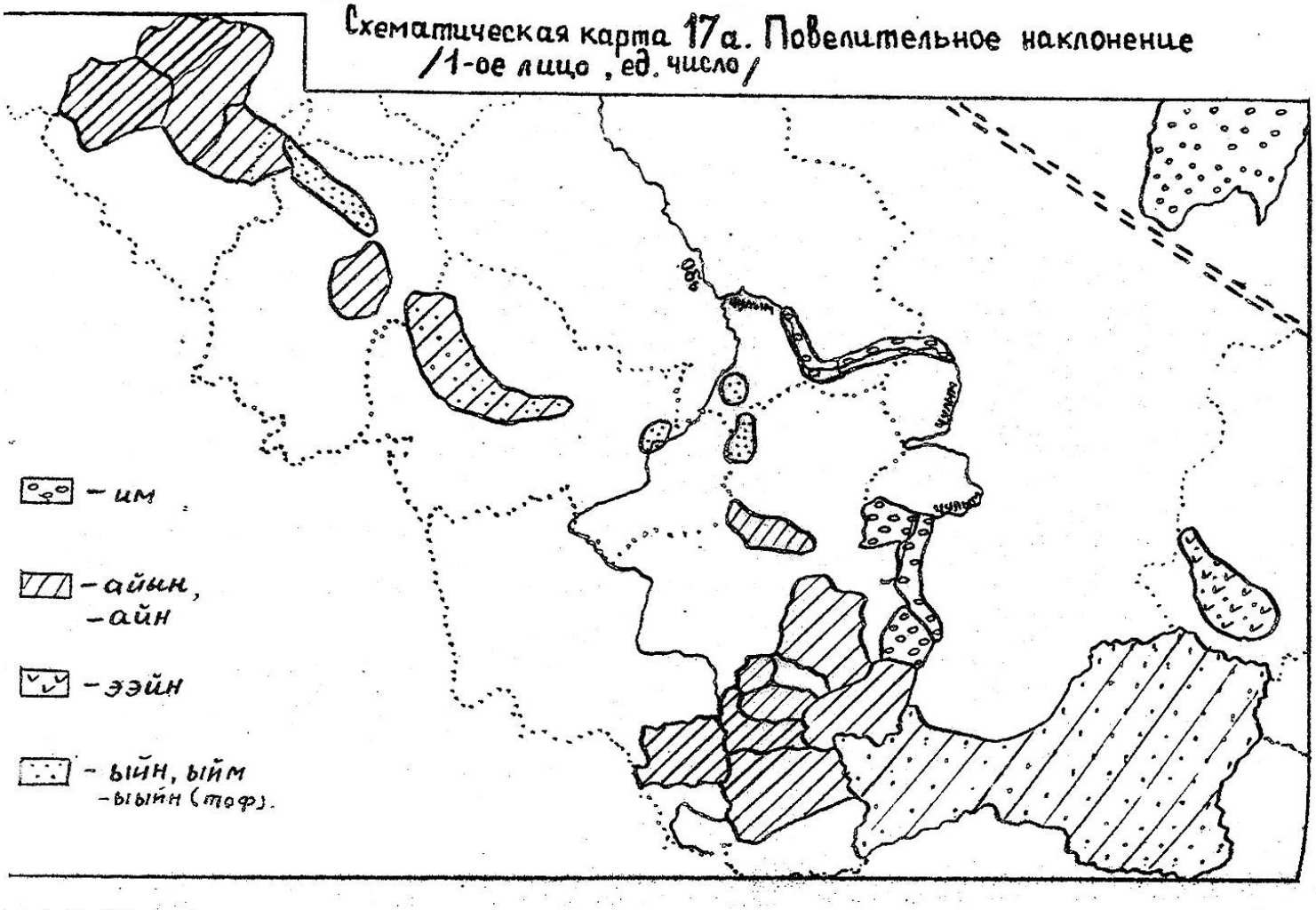
Изоглосса I7. Повелительное наклонение. Схематическая карта I7

Из всех форм косвенных наклонений для ареального исследования интерес может представить, главным образом, повелительное наклонение в связи с разнообразием средств его выражения.

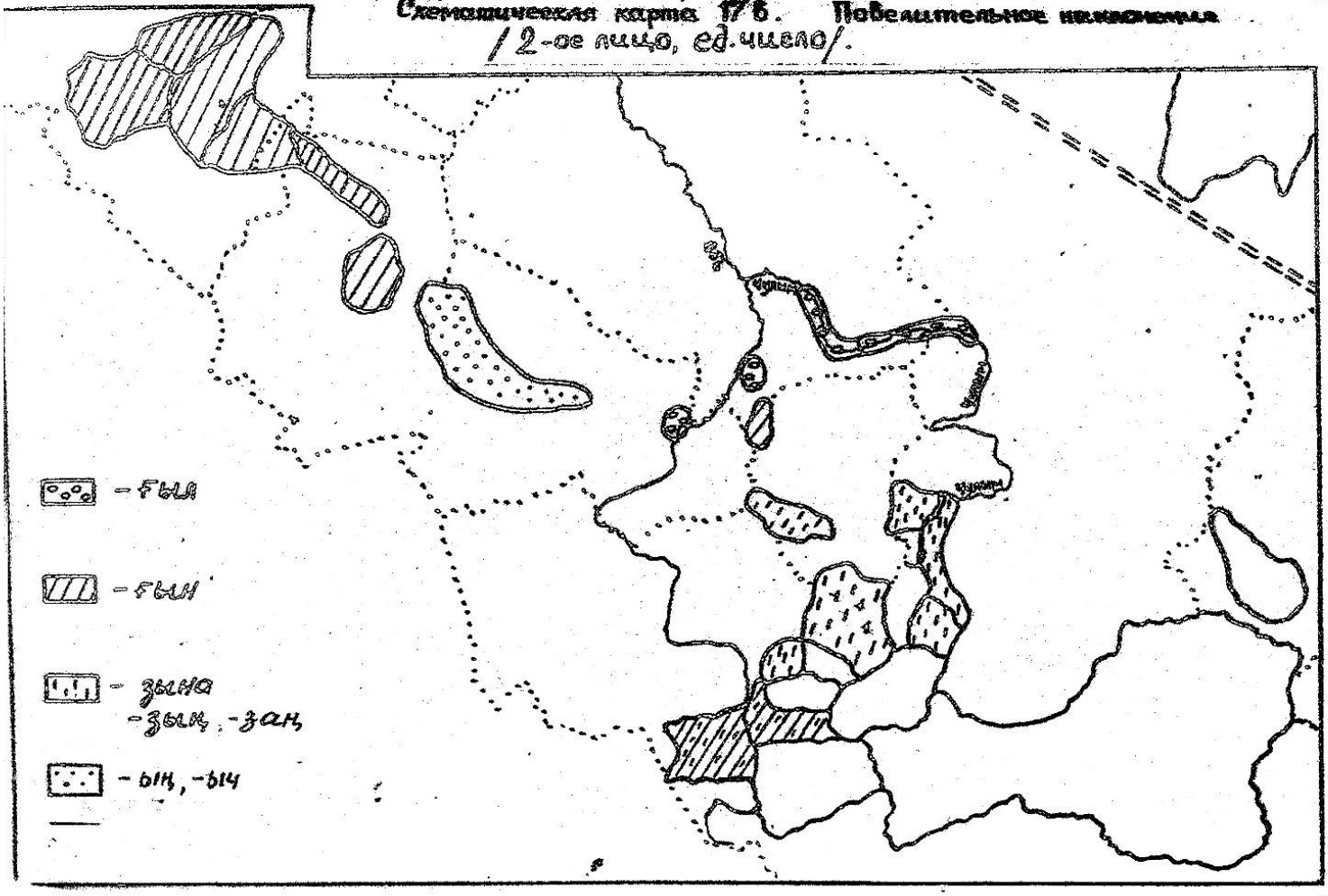
По форме 2-го лица единственного числа, представленного специальным аффиксом -гыл, диалекты чулымско-тюркского и говоры томского диалекта сибирских татар составляют одну зону. Эти диалекты сохранили древнюю форму императива. Правда, в калмакском говоре встречается и форма -гын. Говоры тоболо-иртышского диалекта сибирских татар имеют форму -гын. Эти говоры составляют другую компактную зону. Диалекты хакасского языка и кумандинский диалект алтайского языка, язык бачатских телеутов, имеющие формы -зыне, -заңъ (соответственно), составляют третью зону. Изолированную зону составляет барабинский диалект, где встречается аффикс -ыч, -ың. В указанных говорах и диалектах форманты -гыл, -гын, -зын(зына), -ың функционируют параллельно с формами без аффиксов, выражая определенные модификации значения повеления.

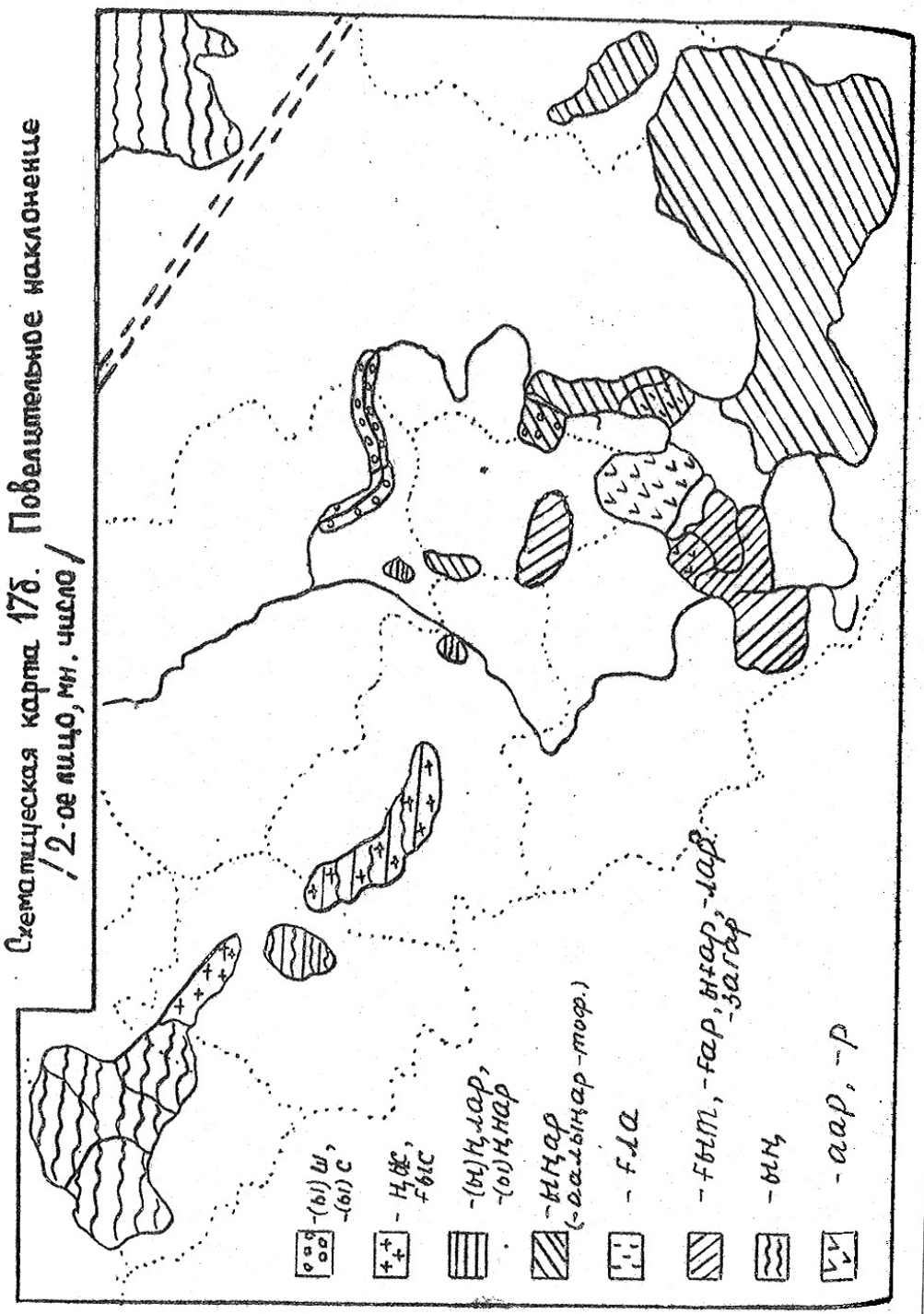
По форме 2-го лица множественного числа выделяется несколько зон: одну зону составляют якутский язык и говоры тоболо-ир-

Схематическая карта 17а. Повелительное наклонение
/1-ое лицо, ед. число/

Схематическая карта 17б. Повелительное наклонение
/2-ое лицо, ед. число/.

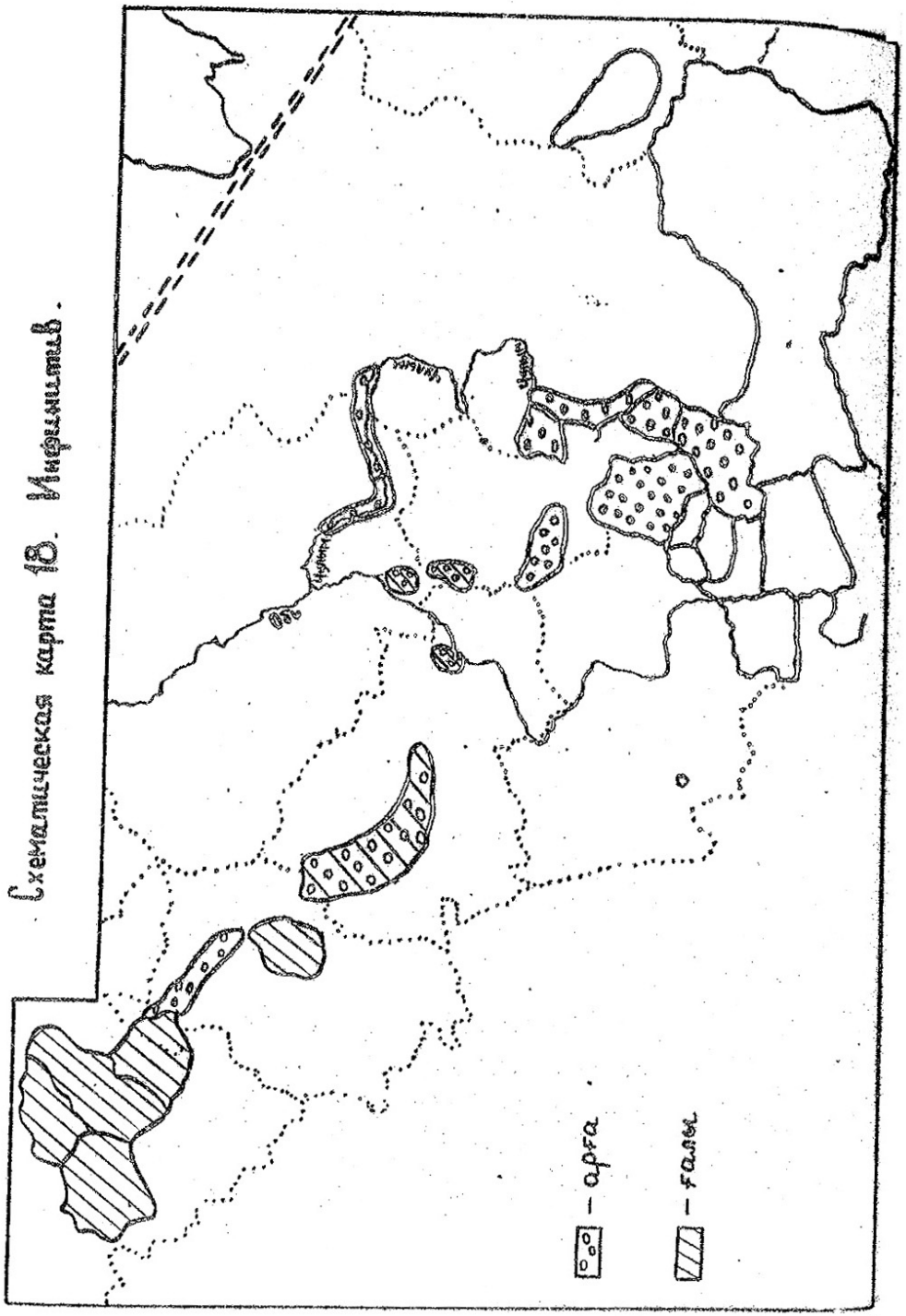

тышского диалекта, сохранившие древний аффикс повелительного наклонения -ың. Тарский говор тоболо-иртышского диалекта, эушинско-чатский говор томского диалекта и барабинский составляют зону вибрации. В указанных говорах и диалектах функционируют формы с -ың и -ыңнар, параллельно с которыми в барабинском диалекте встречается еще и форма на -гыс, -ңыс. Кызыльский диалект представляет собой переходную зону между чулымско-тюркским языком и диалектами хакасского языка. В нем, помимо указанного аффикса, встречается аффикс аналогичный чулымско-тюркскому аффиксу -(ы)с. В сагайском диалекте, кроме названной формы, встречается своеобразная форма с аффиксом -гла. Отдельную зону составляют калмакский говор томского диалекта, качинский, сагайский и кызыльский (факультативно) диалекты хакасского языка, тофаларский и тувинский языки. В этих диалектах и языках функционирует повелительная форма 2-го лица множественного числа с аффиксом -ыңар, представляющим собой, по-видимому, дальнейшее развитие аффикса -ыңнар. Диалекты шорского языка, кумандинский диалект алтайского языка имеют аффикс -аар, представляющий собой, по всей видимости, еще более продвинутую форму от ыңар в результате выпадения звука ң. В обширной зоне Сибирских языков, в которых употребляются варианты древнего аффикса -ың, якутский язык, надо полагать, явился центром их распространения, если принять во внимание норму большей области. Наращение аффикса множественного числа -нар/-лар в других языках к древнему аффиксу -ың могло произойти в целях снятия омонимии у формы -ың.

Диалекты чулымско-тюркского языка (факультативно) имеют особый аффикс -ш/-с, представляющий собой древний аффикс множественного числа. Чулымско-тюркский язык в этой зоне является центром распространения данной формы, поскольку кызыльский диалект следует отнести к зоне вибрации, что хорошо видно на схематической карте.

Изоглосса I8. Инфинитив.
Схематическая карта I8

По форме инфинитива диалекты чулымско-тюркского языка составляют одну зону с диалектами хакасского, шорского языков, с тевризским говором тоболо-иртышского диалекта сибирских татар.

Схематическая карта 18. Инфинитив.

в этих языках и диалектах инфинитив образуется от причастия на -ар и аффикса дательного падежа -га. Барабинский диалект и говоры томского диалекта представляют зону вибрации. В этих диалектах наравне с формой на -арга встречается форма на -галы.

Чулымско-тюркский язык и кызыльский диалект хакасского языка составляют компактную зону по образованию инфинитива от глаголов с основой на гласный с помощью аффикса -и:га, который представляет собой продвинутую ступень фонетического развития аффикса -арга путем выпадения звука р. Причем в нижнечулымском диалекте элизия указанного согласного имеет место в глаголах с основой на гласный или сонорный р. В среднечулымском выпадение согласного р отмечается только в глаголах с основой на гласный, в глаголах же с основой на р указанный согласный в целях ликвидации геплологии переходит в й (парайга 'идти', сурайга 'спрашивать'). В кызыльском диалекте хакасского языка элизия согласного р в аффиксе инфинитива "не зависит от характера и исхода основы" (А.П.Дульзон, 1960,125). Следовательно, по степени охвата глагольных основ, вовлеченных в рассматриваемый фонетический процесс, нижнечулымский диалект приближается к кызыльскому диалекту хакасского языка.

В диалектах чулымско-тюркского языка и в кызыльском диалекте хакасского языка отмечается переход звука а>и в аффиксе причастия. Для чулымско-тюркского языка, по нашим наблюдениям, это характерно только для причастий, образованных от именных основ. Причина такой избирательности объясняется (см.подробно раздел будущее время на -лыҕ) субстратным влиянием кетского языка (О кетском субстрате чулымско-тюркского языка известно из работ А.П.Дульзона, 1959, 1962; О "енисейско-остяцком" (самодийско-кетском) субстрате носителей хакасского языка известно в литературе: Л.П.Потапов, 1957, 133, 197, 203, 209).

Другой ареал составляют тюменский, тобольский, заболотный и тарский говоры тоболо-иртышского диалекта сибирских татар, для которых характерен инфинитив на -галы.

Сводная таблица морфологических изоглосс (именные изоглоссы)

	Тюркск языки и диалекты Сибири / Формы	тоб.-ирт.	бар.	том.	кю-эр.	н.-чул.	ср.-чул.	бач. тел.	кыз.	кач.	саг.	шор. д.	шор. яз.	тув.	тоф.	кум.	ту-ба	чал-кан.	алт.	теле-ут.	теленгит.	як.
1	род. падеж.					+	+								+							
	род. падеж по Н.Ф.Катанову				+				+		+	+	+						+			
2	вин. падеж					+	+								+							
	вин. падеж по Н.Ф.Катанову				+				+		+	+	+	+			+		+	+		
3	дат. падеж					+	+	+	+	+	+	+	+		+	+		+	+			
	дат. падеж по Н.Ф.Катанову				+				+	+	+	+	+	+	+	+	+		+			
4	дат-направ. притяж. скл.					+	+	+	+			+	+		+	+	+		+			
5	исходн. пад.					+	+									(+)	(+)					
	исходн. пад. по Н.Ф.Катанову				+	+	+															
6	2л. мн.ч. (ф. принадл.)					+	+															
	2л. мн.ч. (ф. принадл. по Н.Ф.Катанову		+		+				+	+	+	+	+		+							
7	мн. число		+			+	+		+	+	+	+	+		+							
	мн. число по Н.Ф.Катанову				+				+	+	+				+		+					

Сводная таблица морфологических изоглосс (глагольные изоглоссы)

	Тюркские языки и диалекты Сибири / Формы	тоб.-ирт.	бар.	том.	н.-чул.	ср.-чул.	бач. тел.	кыз.	саг.	кач.	шор. д.	шор. яз.	тув.	тоф.	кум.	ту-ба	чал-кан.	алт.	теленгит.	теле-ут.	як.
1	Наст. вр. на -ады, 1 и 2 л.			+/	+	+	+	+							+	+					
2	Наст. вр. на -ады, 3 л.			(+)	+	v		(v)													
3	Именное отриц. в наст. вр. на -ады		+	+/	+	+		+	+	+	+	+									
4	Наст. вр. на -тур	v/	+	+/v	+	v		+	+	v			v	v				+			
5	Именное отриц. в формах наст. вр. на -тур			(+)	+	+			+	+											
6	Форма наст. вр. на -чат/-йат		v	v/	+	v	+	+				v			+	v		v			
7	Отриц. форма наст. вр. на -чат/-йат				+	+															
8	Наст. вр. на -от	+	+	+	+	v	+	+	+	+	+	+	v	v	+	+	+	+	+	+	v
9	Наст. вр. на -лык				+	+															
10	Будущее вр. на -ар	+	+	+	+	v	+	v	v	v	v	+	v	v	+	+	+	+	+	+	
11	Будущее вр. на -ар с основами на гласный				+	+		+	+	+											

Продолжение таблицы

Тюркские языки и диалекты / Формы	тоб.	бар	том	н. мн.	ср. чул	бач. тел	кыз	саг.	кач.	шор. д.	шор. яз.	тув.	тоф.	кум.	туба	чер. кан.	алт.	те. лен.	те. леут.	як.
Сибирские																				
12. В ф. буд. вр. на -бар				+	+															
13. Отрицат. ф. буд. вр. на -лык				+	+															
14. Прошед. вр. на -ды	+	+	+	–	–	+	(+)	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
15. Прошед. вр. на -гон	+/	(+)	(+)	+	+	+	+	+	+	+	+			+	+	+	+	+	(–)	
Повелит. 16. наклон. 2л. ед. ч. на -гыл			+/	+	+															
Повелит. 17. наклон. 2л. мн. ч.				+	+		(+)													
Инфинитив 18. на -арга	+/	(+)	(+)	+	+	+	+	+	+	+	+									
Инфинитив 19. от гласных основ				+	+		+													

Условные обозначения: + - наличие одинаковых форм.
– - отсутствие формы в чулымско-тюркском языке.
V - форма, отличная от нижнечулымской.
( ) - факультативно употребляющаяся форма.
/ - форма, встречающаяся в двух диалектах.

Анализ морфологических изоглосс (так же как и фонетических, см.Р.М.Бирюкович, 1979б,с, 178-179) не подтверждает высказанное ранее положение о наибольших схождениях нижнечулымского диалекта с диалектами сибирских татар, а среднечулымского диалекта с диалектами хакасского языка (с его, главным образом, кызыльским диалектом). Исследование морфологических изоглосс дает основание для следующих выводов:

I. По категории имени существительного, формы которого одинаковы в обоих диалектах, из 7 изоглосс, представляющих наибольший интерес для тюркских языков, поскольку именно они лежат в основе их различения, диалекты чулымско-тюркского языка имеют наибольшие схождения с языками Саяно-Алтая и лишь одно схождение с барабинским диалектом по форме выражения 2-го лица мн.числа категории принадлежности -(ы)ңнар. Причем в барабинском диалекте эта форма употребляется факультативно наряду с татарской формой -ңыс, -гыс. Схематическая карта 6 свидетельствует о том, что барабинский диалект представляет собой зону вибрации, в то время как в чулымско-тюркском языке указанная форма (-ыңнар) является нормой. По этой форме чулымско-тюркский язык также относится к языкам Саяно-Алтая, так как функционирующая в хакасском, тувинском, тофаларском языках форма -(ы)ңар представляет собой (как указывалось выше) дальнейшее фонетическое развитие характерной для чулымско-тюркского языка формы -(ы)ңнар.

Из тюркских языков Саяно-Алтая наибольшие схождения в формах выражения категории существительного диалекты чулымско-тюркского языка имеют с тофаларским языком (по форме выражения родительного, винительного, дательного падежей простого склонения и форме выражения множественного числа).

Если же оперировать данными Н.Ф.Катанова, в которых представлен лишь один бывший говор, и которые, как правило, привлекались для характеристики чулымско-тюркского языка в целом, то, действительно, наибольшие схождения будут обнаружены с кызыльским диалектом хакасского языка, что не соответствует реальной языковой картине, о чем мы упоминали во введении.

2. По глагольным категориям статистические данные говорят о том, что нижнечулымский диалект имеет хоть и незначительно, но

все же больше схождений с кызыльским диалектом, чем среднечулымский диалект, а тождественные формы в обоих диалектах чулымско-тюркского языка имеют из 14 случаев 8 схождений с языками Саяно-Алтая и Восточной Сибири. Из 19 глагольных изоглосс в 5 случаях диалекты чулымско-тюркского языка противостоят другим языкам Сибирского ареала (по форме буд.времени на -лық, прош времени на -ды, именного отрицания формы настоящего времени на -чат, именного отрицания формы будущего времени на -лық, на -ар, единой формы отрицания именного характера во всех формах настоящего и будущего времени). Из оставшихся 14 в 8 случаях диалекты чулымско-тюркского языка имеют схождения с диалектами и языками Саяно-Алтая. В 5 случаях из указанных восьми аналогичные форманты встречаются факультативно в отдельных говорах диалектов сибирских татар. Факультативность этих форм говорит о зоне вибрации, в то время как в чулымско-тюркском языке и языках Саяно-Алтая эти формы являются языковой нормой. И только в одном случае (по форме повелительного наклонения 2-го лица ед.числа на -гыл) диалекты чулымско-тюркского языка корреспондируют с говорами томского диалекта сибирских татар. Следовательно, есть основание относить оба диалекта чулымско-тюркского языка к языкам Восточной Сибири и Саяно-Алтая.

8. Из 26 изоглосс (19 глагольных и 7 именных) в 5 случаях нижнечулымский и среднечулымский диалекты входят в разные зоны: 1) по форме настоящего времени на -ады 3-го лица ед.числа нижнечулымский имеет аналогичную форму с эуштинским говором томского диалекта сибирских татар, в котором, правда, эта форма факультативна. Что касается среднечулымского диалекта, то он сходен по названной форме с кызыльским диалектом хакасского языка, в которой эта форма также факультативна; 2) По форме настоящего времени на -тур нижнечулымский диалект входит в зону с одной стороны, состоящую из языков Саяно-Алтая, с другой - диалектов сибирских татар (калмакского говора томского диалекта и барабинского диалекта; среднечулымский диалект также с одной стороны имеет схождения с языками Саяно-Алтая, с другой - диалектами сибирских татар (с тевризским и тарским говорами тоболо-иртышского диалекта и эуштинско-чатским говором томского диалекта); 3) По форме настоящего времени на -чат нижнечулымский диалект относится к зоне, состоящей из языков Саяно-Алтая, и калмакского говора томского диалекта сибирских татар; среднечулымский

диалект - с одной стороны сходится с диалектами алтайского языка (туба, алтайским) и кондомским диалектом (в некоторых говорах) шорского языка, с другой стороны - с барабинским и эуштинско-чатским говором томского диалекта сибирских татар; 4) по форме настоящего времени на от' нижнечулымский диалект также имеет схождения с языками Саяно-Алтая и диалектами сибирских татар; среднечулымский диалект - только с языками Саяно-Алтая; 5) по форме выражения будущего времени на -ар нижнечулымский входит в зону, состоящую с одной стороны из диалектов сибирских татар, с другой - языков Саяно-Алтая и Восточной Сибири; среднечулымский диалект в данном случае входит в зону, включающую только языки Саяно-Алтая. Во всех остальных случаях нижнечулымский и среднечулымский диалекты входят в одну зону.

Таким образом, в отличие от предыдущих классификаций, при которых бралось ограниченное количество признаков (см. например, четыре признака у А.Н.Самойловича, 1922, 5-6), наше исследование основывается на целом ряде фонетических и морфологических признаков. Приемы ареальной лингвистики позволили определить общие диалектные признаки нижнечулымского и среднечулымского диалектов, являющихся вместе с тем дифференциальными признаками чулымско-тюркского языка в целом. Такими признаками в области морфологии являются: 1) наличие единой формы исходного падежа на -дын/-тын; 2) наличие в обоих диалектах чулымско-тюркского языка формы будущего времени на -лық, не имеющего корреспонденций в других языках рассматриваемого ареала; 3) наличие единой отрицательной формы, состоящей из причастия на -ар и именного отрицания чогул 'нет', для всех форм настоящего времени; 4) наличие аналогичной отрицательной формы в будущем времени на -ар (например, кәлär чогул 'не придет'); 5) наличие в обоих диалектах древнего аффикса повелительного наклонения 2-го лица ед.числа -гыл; 6) наличие в обоих диалектах аффикса повелительного наклонения 2-го лица мн.числа -ш/-с; 7) большая степень грамматикализации служебных слов, перешедших в ранг аффиксов в формах настоящего времени на -тур, -чат/-йат, - олур/отур (особенно последнего), выступающих в других тюркских языках Сибирского ареала в функции вспомогательных глаголов.

Исходя из анализа фонетических и морфологических изоглосс, можно сделать следующие выводы:

I) чулымско-тюркский язык в его обоих диалектах имеет свои дифференциальные признаки, четко противопоставляющие его другим тюркским языкам Сибирского ареала; 2) количество схождений среднечулымского диалекта с кызыльским диалектом хакасского языка не превышает количество схождений нижнечулымского и кызыльского диалектов, поэтому вряд ли можно согласиться с тем, что среднечулымский диалект следует считать одним из диалектов хакасского языка; 3) вхождение нижнечулымского и среднечулымского диалектов в изоглоссы, проходящие по территории барабинского и томского диалектов, говорит о некоторых общих чертах, характерных для тех и других диалектов, в которых проявляются восточно-тюркские черты; 4) чулымско-тюркский язык в его обоих диалектах относится к языкам саянского ареала, шире - Саяно-Алтая. В целом же в строе чулымско-тюркского языка отмечаются уйгурские (шире восточно-тюркские) и кыпчакские черты.

Транскрипция

ӓ - очень открытое э

ӓ - переднее а

ъ - редуцированный звук

ӧ - огубленный гласный переднего ряда среднего подъема

ӱ - огубленный гласный переднего ряда высокого подъема

в - губно-губной согласный

х - увулярный спирант

қ - увулярный смычный

к - заднесреднеязычный смычный

ң - заднеязычный носовой сонант

: - долгота гласного звука

, - палатализация согласного звука

ЛИТЕРАТУРА

Абдрахманов М.А. Формы времени в западносибирских тюркских диалектах.- Уч.зап. Кемеров.пед.ин-т, 1971, вып.24.

Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.

Аманжолов С.А. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата, 1959.

Антонюк Л.А., Михневич А.Е. Залоговое значение взаимности и проблема "скрытой грамматики".- В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.

Ахатов Г.Х. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963.

Бабушкин Г.Ф. О некоторых фонетических и морфологических особенностях теленгитского диалекта алтайского языка.- В кн.: Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966.

Баскаков Н.А. О соотношении значений личных и указательных местоимений в тюркских языках.- Доклады и сообщения ин-та языкознания АН СССР, 1951, вып.1.

Баскаков Н.А. Части речи. М., 1952.

Баскаков Н.А. Каракалпакский язык. Фонетика и морфология. (Части речи и словообразование). М., 1952. ч.1.

Баскаков Н.А. К вопросу о происхождении условной формы -са/-се в тюркских языках.- В кн.: Академику В.А.Гордлевскому к его 75-летию. М.-Л., 1953.

Баскаков Н.А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы.- В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956.- ч.2. Морфология.

Баскаков Н.А. Алтайский язык. М., 1958.

Баскаков Н.А. Тюркские языки. М., 1960.

Баскаков Н.А. Каракалпакский язык.- В кн.: Языки народов СССР. М., 1966(а), ч.2.

Баскаков Н.А. Ногайский язык.- В кн.: Языки народов СССР. М., 1966б, ч.2.

Баскаков Н.А. Диалект черневых татар (туба-кижи). М.,1966(в).

Баскаков Н.А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1969.

Баскаков Н.А. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). М.,1972

Баскаков Н.А. Происхождение форм повелительно-желательного наклонения в тюркских языках.- Вопросы языкознания, 1975,№ 1.

Баскаков Н.А. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975(б).

Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И. Хакасско-русский словарь. М., 1953.

Баскаков Н.А., Гаджиева Н.З., Покровская Л.А., Севортян Э.В. О подготовке диалектологического атласа тюркских языков Советского Союза.- Вопросы языкознания, 1966, № 3.

Батманов И.А. Способы выражения синтаксических отношений в киргизском языке. Фрунзе, 1940.

Бирюкович Р.М. О первичных долгих гласных в чулымско-тюркском языке.- Сов.тюркология, 1975, № 6.

Бирюкович Р.М. Морфология чулымско-тюркского языка. М.,1979(а), ч.1.

Бирюкович Р.М. Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979(б).

Бирюкович Р.М. К семантическому обоснованию категории принадлежности в тюркских языках.- Вопросы языкознания. 1980, № 3.

Благова Г.Ф. К истории развития местоименного и именного падежных склонений в тюркских языках.- Советская тюркология, 1971, № 2.

Благова Г.Ф. К методике историко-ареальных сопоставлений в тюркологии.- Вопросы языкознания, 1972, № 5.

Благова Г.Ф. Заметки о взаимносовместном залоге.- Советская тюркология, 1976, № 6.

Богородицкий В.А. Эволюция окончаний родительного падежа в тюркских языках.- Вестник научного общества татароведения, Казань, 1925.

Богородицкий В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953.

Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967.

Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976.

Бондарко А.В. Теория значения и трактовка категории залога.- В кн.: Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.

Боргояков М.И. Об одной рукописи по хакасским глаголам.- Уч.зап.ХакНИИЯЛИ XIУ, Абакан, 1970.

Боргояков М.И. Бельтирский говор сагайского диалекта. Сб. Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973.

Боргояков М.И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан, 1976а.

Боргояков М.И. Развитие форм спряжения в хакасском языке (в сравнительном освещении).- Уч.зап. ХакНИИЯЛИ,Абакан,1976б,вып.XX.

Боровков А.К. Учебник уйгурского языка. Л., 1935.

Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии. М.-Л.,1966.

Бородина М.А. Ареалогия и вопросы романского языкознания.- Вопросы языкознания, 1975, № 2.

Бояршинова З.Я. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск, 1960.

Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.

Гаджиева Н.З. Соотношение категорий времени и наклонения в тюркских языках.- В кн.: Вопросы категории времени и наклонения в тюркских языках. Баку, 1968.

Гаджиева Н.З. О роли некоторых внутренних и внешних факторов в изменениях структуры тюркских языков.- Советская тюркология, 1972(а), № 3.

Гаджиева Н.З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.

Гаджиева Н.З. Проблемы тюркской ареальной лингвистики. Среднеазиатский ареал. М., 1975(а).

Гаджиева Н.З. Задачи и методы тюркской ареальной лингвистики.- Вопросы языкознания, 1975(б), № 1.

Гаджиева Н.З. О тенденциях в развитии морфологического строя тюркских языков.- Советская тюркология, 1976(а), № 5.

Гаджиева Н.З. Принципы ареального описания языков.- В кн: Принципы описания языков мира. М., 1976(б).

Гаджиева Н.З. Тюркоязычные ареалы Кавказа. М., 1979.

Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. Происхождение аффиксов с модальным значением в тюркских языках.- Советская тюркология, 1974, № 1.

Гаджиева Н.З., Серебренников Б.А. Ареальная лингвистика и проблемы восстановления некоторых черт исчезнувших языков.- Советская тюркология, 1977, № 3.

Гак В.Г. К диалектике семантических отношений в языке.- В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М., 1976.

Ганиев Ф.А. Видовая характеристика глаголов татарского языка. Казань, 1968.

Гарипов Т.М. Башкирское именное словообразование. Уфа: Башк. филиал АН СССР, 1959.

Гарипов Т.М. Кыпчакские языки Урало-Поволжья. Опыт синхронической и диахронической характеристики. М., 1979.

Грамматика современного русского языка. М., 1970.

Грамматика азербайджанского языка. Фонетика, морфология, синтаксис. Баку, 1971.

Грамматика хакасского языка. М., 1975.

Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976.

Грунин Т.И. Грамматический комментарий в книге "Документы на половецком языке". М., 1967.

Грунина З.И. Об изучении семантической структуры временных форм индикатива.- Советская тюркология, 1975, № 4.

Грунина З.А. Роль глаголов e- и *tur* в сложении современных аналитических форм индикатива в тюркских языках юго-западной группы.- Советская тюркология, 1976, № 3.

Гузев В.Г. Староосманский язык. М., 1979.

Гузев В.Г., Насилов Д.М. К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках.- Вопросы языкознания, 1975, № 3.

Гулямов А.Г. Проблемы исторического словообразования узбекского языка. Аффиксация, ч.I: словообразующие аффиксы имен: Автореф.дис... докт.филол.наук. Ташкент, I955.

Дебец Г.Ф. Палеонтропология СССР.- Труды ин-та этнографии, нов.серия, I948, т.4.

Дмитриев Н.К. Строй турецкого языка. Л., I962.

Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., I940.

Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л., I948.

Дмитриев Н.К. Грамматическая терминология в учебниках родного языка. М., I955(б).

Дмитриев Н.К., Исхаков Ф.Г. Вопросы изучения хакасского языка и его диалектов. Абакан, I954.

Дмитриев Н.К. Категория числа.- В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков./ Под общей ред. Н.К. Дмитриева. М., I956.

Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар.- В кн.: Языки народов СССР, М., I966, ч.2.

Доможаков Н.Г. Нижнеюсцы (материалы по языку).- Уч.зап.Хак. НИИЯЛИ, Абакан, I960, вып.УШ.

Донидзе Г.И. Послелоги в хакасском языке.-Уч.зап. Хак.НИИЯЛИ, I956, вып.IУ.

Дульзон А.П. Система счета времени у чулымских татар.- Краткие сообщения ин-та этнографии АН СССР. М.-Л., I950, т.IO.

Дульзон А.П. Чулымские татары и их язык.-Уч.зап.ТПИ, I952, т.IX.

Дульзон А.П. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар.- Уч.зап.ТПИ, I953, т. IO.

Дульзон А.П. Термины родства и свойства в языках Нарымского края и Причулымья.- Уч.зап. ТПИ, I954, т.2.

Дульзон А.П. Диалекты татар-аборигенов Томи.-Уч.зап.ТГПИ, Томск, I956а, т.I5.

Дульзон А.П. О происхождении чулымско-тюркского языка.- Докл. и сообщения ин-та языкознания АН СССР, I956б, № 9.

Дульзон А.П. Тюркские языки и диалекты Западной Сибири.- Уч. зап.ТПИ, I957а, т.I6.

Дульзон А.П. Остяцкий курганный могильник XУП века у села Молчаново на Оби.- Уч.зап. ТПИ, Томск, I957б, т.I6.

Дульзон А.П. Тюрки Чулыма и их отношение к хакассам.- Уч.зап. Хак.НИИЯЛИ, I959, вып.IУ.

Дульзон А.П. Лично-временные формы чулымско-тюркского глагола.- Уч.зап. Хак.НИИЯЛИ, I960, вып.УШ.

Дульзон А.П. Общее название реки у кетоязычных народов.- Уч. зап.Дальневосточного гос.университета, Владивосток, I962, вып.У.

Дульзон А.П. Чулымско-тюркский язык.- В кн.: Языки народов СССР. М., I966, ч.2.

Дульзон А.П. Кетский язык. Томск, I968.

Дульзон А.П. Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири.- Структура и история тюркских языков. М., I97I.

Дульзон А.П. Установление архетипа фонемы по межъязыковым рядам альтернаций.- Советская тюркология. I973(а), № 5.

Дульзон А.П. Диалекты и говоры тюрков Чулыма.- Советская тюркология. I973(б).

Дульзон А.П. Материалы по диалектологии тюркских наречий Западной Сибири.-Уч.зап.Хак.НИИЯЛИ, Абакан,I973(в), вып.ХУШ.

Дульзон А.П. Материалы по диалектологии тюркских наречий Западной Сибири.- В кн.: Вопросы хакасской филологии , Абакан, I977.

Дыренкова Н.П. Грамматика ойротского языка. М.-Л. I940

Дыренкова Н.П. Грамматика шорского языка. М.-Л., I94I.

Дыренкова Н.П. Грамматика хакасского языка. Абакан, I948.

Жирмунский В.М. Некоторые проблемы лингвистической географии.- Вопросы языкознания, I954, № 4.

Жирмунский В.М. Немецкая диалектология. М.-Л., I956.

Жирмунский В.М. О диалектологическим атласе тюркских языков Советского Союза.- Вопросы языкознания, I963, № 6.

Закиев М.З. Выступление на координационном совещании по проблемам простого предложения и категории залога, состоявшемся в г.Уфе в I957 г.- Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР, Уфа, I958.

Закиев М.З. Синтаксический строй татарского языка. Казань, 1968.

Иванов Н.Г. Татары среднего течения р.Чулыма.- Труды Томского краевого музея. Томск, 1929.

Иванов С.Н. Родословное древо тюрок . Абу-л-Гази-хана- Ташкент, 1969.

Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Л., 1975, ч.1.

Иванов С.Н. Курс турецкой грамматики. Л., 1977, ч.2.

Ивановский А.А. Енисейские инородцы (бельтиры, качинцы, сагаи, кызыльцы, мелецкие инородцы и сойты). По материалам К.И. Горощенко.- Русский антропологический журнал, 1907, кн.XXУ-XXУI, № 1 и 2.

Исламов М.И. Местоимения в диалектах и говорах азербайджанского языка: Автореф.дис... докт.филол.наук, Баку, 1978.

Исхаков Ф.Г. Местоимения.- В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков./ Под общей ред. Н.К.Дмитриева. М., 1956а.

Исхаков Ф.Г. Числительные.- В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков./ Под общей редакцией Н.К.Дмитриева. М., 1956б.

Исхаков Ф.Г. Хакасский язык. Абакан, 1956в.

Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология.- М., 1961

Исхакова Х.Ф. Диатезы и залоги в татарском языке.- Сб. Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974.

Казем-Бек А. Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846.

Катенов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.

Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

Кибиров Ш. К вопросу о видах глагола в тюркских языках (на материале уйгурского языка).- В кн.: Исследования по уйгурскому языку. Алма-Ата, 1965.

Киекбаев Дж.Г. Введение в урало-алтайское языкознание. Уфа, 1972.

Кондратьев В.Г. Очерк грамматического строя языка памятников тюркской руничекой письменности УШ в. из Монголии.- Автореф.. дис... канд. филол. наук. Л., 1965.

Кононов А.Н. Тюркские этимологии.- Уч.зап.Ленинградского гос. ун-та. Серия востоковедческих наук. История и филология стран Востока, 1954, № 179, вып.4.

Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.-Л., 1956.

Кононов А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960.

Кононов А.Н. Опыт реконструкции тюркского деепричастия на -(°)п, -(°)б, -(j°)б, -( )пан, -(°)бан, -(°)баны),-(°)баныц(н). (Материалы к сравнительно-исторической грамматике тюркских языков).- Вопросы языкознания, 1965, № 5.

Кононов А.Н. Показатели собирательности-множественности в тюркских языках. Л., 1969.

Кононов А.Н. О фузии в тюркских языках.- В кн.: Структура и история тюркских языков. М., 1971.

Кононов А.Н. А.Н.Самойлович - грамматист.- Советская тюркология , 1978, № 5.

Коркина Е.И. Наклонения глагола в якутском языке. М., 1970.

Кормушин И.В. Каузативные формы глагола в алтайских языках.- В кн.: Очерки по сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978.

Корнилов Т.Е., Холодович А.А., Храковский В.С. Каузативы и антикаузативы в чувашском языке.- В кн.: Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Л., 1969.

Костров Н. Чулымские инородцы.- Томские губернские ведомости , 1867, № 7-15.

Котвич В. Исследование по алтайским языкам. 1962.

Кошевая И.Г. Типологические структуры языка. Киев, 1972.

Кошевая И.Г. Принципы формирования грамматического значения в английском языке. М., 1976.

Кривченко Е.Л. К проблеме системной организации глаголов (на примере анализа двух лексико-семантических групп русского

и немецкого языков). Автореф. дис. ... канд.филол.наук., М., 1974.

Курилович Е.Р. Заметки о значении слова.- Вопросы языкознания, 1955, № 3.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Курышжанова А. Значение аккузатива в языке *Codex Cumanicus*.- Изв.АН Каз.ССР, серия филологии и искусствоведения. 1957, вып.1(6).

Лайонз Джон. Введение в теоретическую лингвистику (перевод с английского языка под редакцией В.А.Звегинцева). М., 1978.

Летягина Д.М. Насилов. Пассив в тувинском языке.- Советская тюркология, 1974, № 1.

Львова Э.Л. Чулымские тюрки. Историко-этнографические очерки: Автореф. дис. :.. канд.истор.наук.- М., 1978.

Малов С.Е. Отчет о командировке студента Восточного факультета Сергея Ефимовича Малова.- Известия русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии, апрель, 1909, № 9.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.-Л., 1951.

Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы. М.-Л., 1952.

Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959.

Маслов Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление).- В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959:

Маслов Ю.С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании.- В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.

Маслов Ю.С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии.- В кн.: Вопросы общего языкознания. Л.,1965.

Чежекова Н.Н. Шорский диалект.-В кн.:Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973.

Мелиоранский П.М. Краткая грамматика казак-киргизского языка. Синтаксис. СПб., 1897.

Мелиоранский П.М. Араб филолог о турецком языке. СПб., 1900.

Михневич А.Е. Проблема частей речи и типы словообразования.-В кн.: Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1968.

Михневич А.Е. О взаимодействии семантики и синтаксиса.- Филологические науки, 1969, № 6.

Мусаев К.М. Грамматика караимского языка. Фонетика и морфология. М., 1964.

Насилов В.М. Грамматика уйгурского языка. 1940.

Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. М., 1980.

Насилов В.М. Древнеуйгурский язык. М., 1963.

Насилов Д.М. О способах выражения видовых значений в алтайских языках.- В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.

Насилов Д.М. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках (в связи с проблемой глагольного вида.- В кн.: Очерки по сравнительной грамматике алтайских языков. Л., 1978.

Насилов Д.М., Храковский Д.С. Применение принципа деривации к описанию синтаксических структур предложения в тюркских языках.- Советская тюркология, 1970, № 5.

Насилов Д.М., Храковский Д.С. О пассивной деривации в узбекском языке.-Советская тюркология, 1972, № 6.

Нигматов Х.Г. Залоги глагола в восточнотюркском языке XI-XII веков.- Советская тюркология, 1973, № 1.

Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972.

Общее языкознание. Методы лингвистического анализа. М.,1973.

Оралбаева Н. Аналитические формы глагола в современном казахском языке. Автореф. дис.... докт.филол.наук, Алма-Ата, 1971.

Паллас П.С. Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей всевысочайшей особы (Екатерины II). Отд-ние I. СПб. тип Шнора, 1787.

Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. М.-Л., 1962, ч.I.

Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. М.-Л., 1965, ч.2.

Панфилов В.З. Философские проблемы языкознания. М. 1974.

Патачакова Д.Ф. Качинский диалект.- В кн.: Диалекты хакасского языка. Абакан, 1973.

Патачакова Д.Ф. Сагайский диалект.-В кн.:Диалекты хакасского языка. Абакан, 1978.

Патачакова Д.Ф. Формы повелительно-желательного наклонения в диалектах хакасского языка (к истории формирования диалектных признаков)-В кн.:Вопросы хакасской филологии. Абакан, 1977.

Патачакова Д.Ф. Формы настоящего времени в кызыльском диалекте хакасского языка.- Уч.зап.Хак.НИИЯЛИ, Абакан, 1976,вып.XX.

Патачакова Д.Ф. О звуках ч и ш в кызыльском диалекте хакасского языка.-В кн.:Языки народов Сибири, Кемерово, 1978.

Покровская Л.А. Грамматика гагаузского языка. М., 1964

Польдауф И. Место грамматики и лексикологии в изучении вопросов глагольного вида.- В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.

Попов П. Инородческие улусы по берегам р.Чулыма.- Енисейские епархиальные ведомости, 1884, № 14.

Поспелов Н.С. Категория времени в грамматическом строе русского языка.- В кн.: Вопросы теории и истории языка. М.,1952.

Потапов Л.П. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан, 1957.

Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958.

Поцелуевский А.П. Происхождение личных и указательных местоимений. Ашхабад, 1947.

Прик О.Я. Очерк грамматики караимского языка (крымский диалект). Махачкала, 1976.

Принципы описания языков мира. М., 1976.

Проблемы теории грамматического залога. Л., 1978.

Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Дзунгарской степи. СПб., 1868, ч.П.

Радлов В.В. Опыт словаря торкских наречий, М., 1968, т.I-4.

Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание М., 1957.

Рассадин В.И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М., 1978.

Решетов В.В. Кураминские говоры Ташкентской области: Автореф. дис. ... докт.филол.наук,- Ташкент, 1952.

Розов Н.С. Материалы по антропологии населения Причулымья.- В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961.

Самойлович А. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Пг., 1922.

Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.

Севортян Э.В. Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. М., 1966.

Сепир Э. Язык. Соцэкгиз,1934.

Серебренников Б.А. О залоге в финно-угорских и тюркских языках.- Координационное совещание по вопросам грамматики тюркских языков. Тезисы докладов, Уфа, 1957.

Серебренников Б.А. Проблема глагольного вида в тюркских языках.- В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков. Материалы координационного совещания. Алма-Ата, 1958.

Серебренников Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

Серебренников Б.А. Система времен татарского глагола. Казань. 1963.

Серебренников Б.А. К вопросу о "морфолотизме".- В кн.: Аналитические конструкции в языках различных типов. М.-Л.,1965(а).

Серебренников Б.А. О некоторых приемах восстановления архаичных черт грамматического строя языков.- Вопросы языкознания, 1965(б), № 4.

Серебренников Б.А. Причины устойчивости агглютинативного строя и вопрос о морфологическом типе языка.- В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965(в).

Серебренников Б.А. Об относительной самостоятельности развития языка. М., 1968.

Серебренников Б.А. К проблеме отражения развития человеческого мышления в структуре языка.- Вопросы языкознания, 1970, № 2.

Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974(а).

Серебренников Б.А. Из истории звуков и форм тюркских языков.- Советская тюркология, 1974(б), № 6.

Серебренников Б.А. Сводимость языков мира, учет специфики конкретного языка, предназначенности описания.- В кн.: Описание языков мира. М., 1976.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.

Синяев В.С. Включение чулымцев в состав русского государства.- Труды Томского гос.ун-та, 1903, т.171.

Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.

Современный татарский литературный язык. М., 1969, ч.I.

Субракова О.В. Глагольные формы хакасского языка в сопоставлении с древнеенисейскими.- Уч.зап.Хак.НИИЯЛИ, Абакан, 1970, вып.XIУ.

Сундетова М.К. К вопросу о степенях сравнения прилагательных в русском и казахском языках.- Уч.зап.Казахского гос.ун-та, 1958, XXXШ, 2.

Суюнчев Х.И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели: Автореф. дис. ... канд.филол.наук. Самарканд, 1969.

Тенишев Э.Р. О диалектах уйгурского языка Синьцзяна.- Тюркологические исследования. М.-Л., 1963.

Тенишев Э.Р. К истории тюркского условного наклонения. Симпозиум по сравнительно-исторической грамматике тюркских языков. М., 1967.

Тенишев Э.Р. Строй салярского языка. Автореф. дис. ... докт. филол.наук. М., 1969.

Тенишев Э.Р. Строй сарыг-югурского языка. М.: 1976(а)

Тенишев Э.Р. Строй салярского языка. М., 1976(б).

Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык желтых уйгуров. М., 1966.

Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974.

Тихонов А.Н. Существует ли категория вида в тюркских языках.- В кн.: Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие В.Д.Поливанова. Материалы конференции. Самарканд, 1964.

Тумашева Д.Г. Кенбатыш Себер татарлары теле. Грамматик очерк нам сузлек. Казан университеты нашрияты, 1961.

Тумашева Д.Г. Хәзерге татар әдәби теленің морфологиясе. Казан, 1964.

Тумашева Д.Г. Система глагольных времен в говоре барабинских татар.- Вопросы диалектологии тюркских языков. Баку, 1966, т.IУ

Тумашева Д.Г. Глагол. М., 1969 (раздел Современный татарский литературный язык.

Тумашева Д.Г. К вопросу о типах диалектных лексических различий.- УП региональная конференция по диалектологии тюркских языков. Маловские чтения. Тезисы. Алма-Ата, 1973.

Тумашева Д.Г. Диалекты сибирских татар. Казань, 1977.

Тумянц Л.Р. О неграмматичности категории числа имен существительных в туркменском языке.- Советская тюркология, 1976, № 4.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Простое предложение. М.-Л.: 1950.

Убрятова Е.И. Вопросы диалектологии тюркских языков.-ВДТЯ, Баку, 1963, т.Ш.

Убрятова Е.И. Якутский язык.- В кн.: Языки народов СССР. М., 1966, ч.2.

Убрятова Е.И. Исследования по синтаксису якутского языка. Сложное предложение. Новосибирск, 1976.

Ураев Р.А. Говор дер. Ежи.- Уч.зап. ТПИ, 1955, т.ХШ.

Успенский Б.А. К понятию диатезы.-В кн.:Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977.

Уфимцева А.А. Типы словесных знаков.- М.: 1974

Фазылов Э.И. К истории взаимно-совместного залога в узбекском языке.- Исследования по грамматике и лексике тюркских языков. Ташкент, 1965.

Филин Ф.П. Некоторые вопросы развития языков народов СССР.- Вестник АН СССР, 1966, № II.

Фисакова Г.Г. Формы выражения прошедшего и будущего времени изъявительного наклонения в языке бачатских телеутов.- В кн.: Язык бачатских телеутов. Кемерово, 1976.

Хангильдин В.Н. Татар теле грамматикасы. Казан, 1959.

Харитонов Л.Н. Современный якутский язык. Якутск, 1947,ч.I.

Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.-Л., 1960.

Харитонов Л.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.-Л., 1963.

Харисов А.И. Категория глагольных видов в башкирском языке.- Уфа, 1944.

Хлебникова И.Б. Оппозиции в морфологии. М., 1969.

Холодович А.А. Залог (определение и исчисление).- В кн.: Категория залога (материалы конференции). Л., 1970.

Чадамба З.Б. Тоджинский диалект тувинского языка: Автореф. дис. ... канд.филол.наук.- Новосибирск, 1970.

Шарипов О. Папский говор узбекского языка: Автореф. дис... канд.филол.наук. Ташкент, 1962.

Шенделъс Е.И. Многозначность и синонимия в грамматике. М. 1970

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Щербак А.М. Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. М.-Л., 1961.

Щербак А.М. Грамматика староузбекского языка. М.-Л., 1962.

Щербак А.М. Енисейские рунические надписи. К истории открытия и изучения.- В кн.: Тюркологический сборник. М., 1970.

Щербак А.М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л.,1970.

Щербак А.М. О происхождении формы условного наклонения в тюркских языках.- Советская тюркология, 1976, № 2.

Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Л., 1977.

Эдельман Д.И. Основные вопросы лингвистической географии. М., 1968.

Эйвазов А.Г. Степени имен прилагательных в современном турецком литературном языке (с привлечением материалов из других тюркских языков): Автореф. дис. ... канд.филол.наук.- Баку, 1964.

Юлдашев А.А. Система словообразования и спряжения в башкирском языке. М., 1958.

Юлдашев А.А. Категория глагольного вида в башкирском языке.- В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1965(а).

Юлдашев А.А. Аналитические формы глагола в тюркских языках. М., 1965(б).

Юлдашев А.А. Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках. М., 1977

Ярилов А.А. Мелецкие инородцы. Былое и настоящее сибирских инородцев. Юрьев, тип К.Маттисена, 1899, вып.2.

Doerfer D. Khalaj materials. Indiana university publications. Uralic and altaic series. Bloomington, 1971, vol.115.

Fillmore Ch. The case for case. Universals in linguistic theory. New York, 1968.

Gabain A. Alttürkische Grammatik. Leipzig, 1950.

Gabain A. Die Pronomina im Alttürkischen Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Geselschaft. Leipzig-Wiesbaden, 1951.

Gabain A. Primäre und secundäre Kasus im Alttürkischen.Studies in General and oriental Linguistic. Tokyo. 1970.

A.W.de Goot. Structural linguistics and syntactic laws. "Word", v.5, 1949.

Grönbech K. Der türkische Sprachbau, I. Kopenhagen, 1936.

Jakobson R. Beitrag zur allgemeine Kasuslehre. "Travaux du cercle linguistique de Prague", v.6, 1936.

Kotwicz W. Les pronoms dans les langues altaiques. Krakow, 1936.

Levy-Bruhl. L'expression de la possession dans les langues melanesiennes. Mem.d.I. Soc. linguist, Paris, XIX, 1914.

Mathesiuz V. On some problems of the systematic analysis of Grammar- "Travaux du Cercle lingistique de Prague", 1936,N 6.

Menges K. The turcic languages and peoples (an introduction to turcic studies). Wiesbaden, I968.

Pritsak O. Das Abakan- und Chulymturkische und das Schorische.- В кн.: Philologiae Turcicae Fundamenten. Bd.I, Wiesbaden, I959.

Radloff W.W. Phonetik der nördlichen Turksprachen. Leipzig, I882.

Radloff W. Die altturkischen Inschriften der Mongolei. Dritte Lieferung, I895.

Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Neue Folge. Spb. I897.

Radloff W. Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Turksprachen. St.-Pg., I908.

Serebrennikov B.A. Über tschuwaschische Themen, "Acta orient. Hung., XVII, 2, I964.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава I. ИМЯ 7
Существительное 7
Имя прилагательное I0
Качественные прилагательные . . I0
Относительные прилагательные . . II
Числительное I3
Количественные числительные . . I3
Порядковые числительные . . . I4
Собирательные числительные . . I6
Местоимение I6
Личные местоимения I6
Указательные местоимения . . . I8
Вопросительные местоимения . . I9
Неопределенные местоимения . . 2I
Определительные местоимения . . 2I

Глава II. ГЛАГОЛ 25
Категория залога 25
Формы выражения способов глагольного действия 32
А. Личные формы глагола 43
Категория наклонения и времени . 43
Изъявительное наклонение . . . 44
Настоящее время 57
Будущее время 62
Прошедшее время 68
Косвенные наклонения 68
Повелительное наклонение . . . 73
Желательное наклонение 77
Условное наклонение 8I
Сослагательное наклонение . . .
Б. Неличные формы глагола 83
Причастие 89
Деепричастие 92
Инфинитив . . . . . .

Глава Ш. НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ 94
Наречие 94
Послелоги 97
Частицы I06
Глава IУ. МЕСТО ЧУЛЫМСКО-ТЮРКСКОГО ЯЗЫКА СРЕДИ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ АРЕАЛОВ СИБИРИ I08
Характеристика морфологических изоглосс I12
Именные изоглоссы I12
Глагольные изоглоссы I29
ТРАНСКРИПЦИЯ I65
ЛИТЕРАТУРА I66

Рима Махмутовна Бирюкович

Морфология чулымско-тюркского языка

Часть П

Редактор Т.Б.Носкова
Технический редактор Л.В.Агальцова
Корректор Т.В.Мокроусова

Подписано к печати I7.08.8I.НГ 04458. Формат 60x84 I/I6
Бумага типографская № I. Печать офсетная.Усл.печ.л.I0,69(II,5)
Уч-изд.л. 9,6 Тираж 500 Заказ 2648 Цена I р.

Издательство Саратовского университета. 4I060I, Саратов, Университетская, 42.
Ротапринт типографии № 6 производственного объединения "Полиграфист" Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома, 4I060I,Саратов,Верхний рынок,корпус I8.